

Анатолий Агарков

*Как я стал
Богом*

Анатолий Агарков

Как я стал Богом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42007028

ISBN 9785449649751

Аннотация

Однажды юному программисту удастся изобрести виртуальный разум. Вот именно с этой истории все и пошло. Главный герой делает головокружительную карьеру, а виртуальный разум – фантастические открытия. Причем, каждый берет за основу свое: первый – душу бессмертную, данную Богом, второй – разум, сделав его бессмертным. Однако жизнь вносит свои драматические поправки, которые приводят к непредсказуемым результатам развития человеческой цивилизации, полностью переделав ее сущность и предназначение.

Содержание

Билли	5
1	5
2	32
3	64
4	87
5	113
6	136
7	165
Проклятие генерала	179
1	179
2	211
3	247
4	279
Конец ознакомительного фрагмента.	296

Как я стал Богом

Анатолий Агарков

О, сколько нам открытий чудных

Готовит просвещенья дух,

И опыт, сын ошибок трудных,

И гений, парадоксов друг.

И случай, бог изобретатель

(А. Пушкин)

© Анатолий Агарков, 2019

ISBN 978-5-4496-4975-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Билли

*Создатель предписал, и я явился в срок;
Про Веру и Любовь был первый мой урок...
Я сердце истерзал, Он ключ из сердца сделал,
С сокровищницы тайн позволил снять замок.
(О. Хайям)*

1

Когда за офицером МУРа закрылась дверь, дед покрутил пальцем у виска и произнес:

– В семье не без таланта.

Это обо мне. И все поняли, что он имел в виду. Консилиум состоялся немедленно: вся родня налицо – отец, мама, бабушка. Вот дед не остался – генерал, человек занятой. Но, уходя, с порога заявил:

– Присоединюсь к решению большинства. А если ремень присудите, то рука ещё не ослабела.

Он продемонстрировал кулак весь в веснушках, как мордашка первоклассницы, и таких же габаритов. А я сидел на диване и тяжело вздыхал. Меня только что отмазали от тюрьмы, колонии для малолетних преступников, от СИЗО или, по крайней мере, «обезьянника». Семью от позора.

А такую семью, скажу, нельзя позорить ни в коем случае.

Судите сами.

Дед – папа мамы, генерал ГРУ. Больше о нём ничего не знаю, и не положено.

Бабушка – мама папы, заслуженная учительница (или учитель?) Башкирии. Преподавала естественные науки в одном из сёл Предуралья. Там и вырастила одна сына медалиста и умника, без экзаменов поступившего в самый престижный ВУЗ страны. Теперь она на пенсии, живёт с нами, кормит папу пирогами, меня пирожками.

Папа – краснодипломник МГИМО. Ему прочили блестящую дипломатическую карьеру. Она так и начиналась, но Родина потребовала от сына своего исполнение патриотического долга. Долг был исполнен, а карьера загублена. Британские секретные службы не докопались до фигурантов политического конфуза и выслали молодого дипломата (в том числе) из страны – а могли бы посадить и надолго, знай всей правды. Отец ушёл из МИДа, осел в одном из кабинетов того самого заведения, которое испортило ему дипломатическую карьеру. Подшивал бумажки и аккуратно в начале каждого часа прикладывался к горлышку сосуда с коньяком, который покоился во внутреннем кармане пиджака. Ещё дальше – в дальнем углу никогда неоткрываемого ящика хранился заслуженный, но не любимый орден. Для него даже не было проверчено дырки ни в одном из френчей хозяина. Отец не то чтобы тяготился службой в Конторе – не горел,

не увлекался, не стремился – просто отбывал положенное время за вполне приличную зарплату. Постоянно выпивая, он никогда не напивался – то ли привычка, то ли специальные (для шпионов) таблетки. Мама деликатно не замечала его слабостей и всячески поддерживала авторитет главы семьи.

Мама – доктор биологических наук, профессор МГУ. Также она увлекается минералогией. За труд о самоцветах Урала ей присвоили ещё одну учёную степень – правда, кандидатскую. У неё своя кафедра, и на ней существует Клуб Путешествующих Дилетантов (КПД) – её собственное детище и название. Каждое лето с командой из увлечённых студентов, аспирантов, молодых учёных, причём разных факультетов, даже ВУЗов, она отправляется в дальние уголки нашей необъятной Родины. Кроме сплава по рекам, таёжных костров и горных восхождений они попутно изучают быт и культуру края, историю, геологию, флору и фауну. Материалы, привезённые из двух-трёх месячной летней экспедиции, изучаются и обрабатываются весь год. Новый маршрут выбирается общим голосованием. Мне это ужасно нравилось, и я всё настойчивее просился с мамой «в поле». Ответ не отличался разнообразием – подрасти. И вот я подросток настолько, что за мной пришли из МУРа. Но об этом ниже, закончу про маму. Дочка генерала, она воспитывалась мамой, ныне покойной бабушкой моей. Пробовала себя в гимнастике, музыке, литературе, живописи. Везде у неё были

весомые успехи – одарённая личность. В конце концов, выбрала биологию – науку о жизни. Её труды печатались, она ездила на международные симпозиумы. Я думаю, она много умнее папы – поэтому у нас в семье, по выражению бабушки, «тишь, да гладь, да Божья благодать».

Вот вроде бы и всё о членах семейной инквизиции, собравшейся судить меня, незадачливого. Ах да, внешний облик – кто на кого похож.

Ну, дед – это Генерал с большой буквы, хотя и ходил всегда в штатском. Он не жил с нами – у него была квартира в Центре и дача в пригороде. Там мы обитали летом, встречали и отмечали праздники во все оставшиеся времена года. А похож он на Будённого – вот такие ушица!

Бабушка – тихая, вежливая (даже в воркотне своей), уступчивая женщина. Она полностью посвятила себя кухне и нашему пропитанию, а также чистоте в квартире. Свои у неё были только воспоминания и ворох фотографий (много – пожелтевших) в картонной коробке.

Папа – кругленький, среднего роста мужчинка, с брюшком и большими залысинами. Открывая входную дверь, он возвещал:

– Бобчинский прибыл.

– А Добчинский? – подыгрывала мама.

– В пивнушке шельмец.

Иногда мама, озабоченно поглядывая на часы:

– Где же Добчинский с Бобчинским? Этак мы в театр

опоздаем.

Мама – худенькая, очень красивая женщина с изящной фигуркой и манерами генеральской дочки. Однако очевидцы проговорились, что в походах у костра она пила водку из бутылки, курила папиросы и ругалась матом, если на пути встречались субъекты, препятствующие её благородным замыслам. И с трудом не верится – хоть одним бы глазком, хоть краешком уха...

Такая вот моя семья.

Теперь о себе. Нормальным ребёнком был, потом подростком. Играл в футбол с пацанами во дворе, с отцом в шахматы на диване, глазел в микроскоп на мамины минералы, лепил с бабушкой пельмени. Меня ни в чём не ограничивали, ни к чему не принуждали.

– Талант, если он есть, – говаривала мама, – обязательно проявится. А если его нет, то и незачем насиловать человека – жизнь один раз даётся.

Талант проявился, но не там, где его ожидали.

Отец надеялся, что я поступлю в МГИМО и совершу то, чего лишили его обстоятельства – стану великим дипломатом. Мама видела меня студентом МГУ и обязательно её факультета. По этому поводу они не спорили – мои школьные успехи и природные дарования, а также отсутствие серьёзных увлечений спортом, искусством и девицами, давали им надежду, что мне по силам обучаться и закончить оба ВУЗа одновременно. Я не возражал. До поры до времени. Но вот

однажды...

Однажды мне попал на глаза труд Е. Тарга «Основы компьютерного программирования». И захотелось попробовать. Пока – никакого честолюбия, гольный интерес. Потом увлечение. Потом... Забыты футбол и шахматы, и бабушка напрасно ждала меня на кухне. В кратчайшие сроки проштудировал всю имеющуюся под рукой литературу, полез за информацией в Интернет.

Тонкий аромат духов уловил не сразу – сначала тёплое дыхание над правым ухом.

– Чем занимаешься?

Мама.

– Да вот, пытаюсь сайт создать...

Нетерпеливое движение плечом должно было подсказать окончание фразы – а кто-то мне мешает.

– Тебе зачем? Для баловства – не иначе (это не описка, это фольклор, приобретённый в походах по глубинкам России). Мне нарисуй, а то стыд-позор – доктор наук без своего фейса в Инете.

– Доверяешь?

– Погано будет – выброшу.

Мама любила Родину, её народ, и эту любовь прививала мне – пусть даже через фольклор. Бабушка-педагог качала головой, не одобряя её «словечки», но не смела перечить хозяйке дома – не то воспитание.

– Доброму вебмастеру ты бы выложила с десяток червон-

цев (сто тысяч рублей – кому невдомек) – готов за половину, – торговался, не отрывая взгляд от монитора, а пальцы уже побежали по клавиатуре с новым настроем.

– А то в манях у тебя недостаток?

– Главное не итог – важен принцип: каждому по труду.

– Если скажешь, на что потратишь – считай, договорились.

– Куплю акции «АлРосы».

– Прогнозируют скачок котировок?

– Не знаю, но название красивое.

Мамин сайт получился загляденье. Главное – я ничего нигде не «слизывал», всё писалось, компоновалось, рисовалось с чистого листа под руководством методички. Заказчик остался доволен, и его благодарность подвинула меня на новое деяние.

Следующим моим детищем был Билли. Тот самый мошенник, из-за которого семейная инквизиция выясняла теперь – в кого я такой уродился, и чего можно ожидать от меня в дальнейшем? Создавал поисковик, с которым было бы приятно и интересно блуждать в виртуальных дебрях. Обучил его анализировать собираемую информацию, делать выводы по интересующему меня направлению. Функции прогнозирования придал с тайной надеждой когда-нибудь принять участие в биржевой игре – рос в обеспеченной семье, и деньги, как таковые, никогда не были предметом семейных обсуждений. Сначала он выдавал проценты вероятно-

сти, а потом стал безапелляционно заявлять: будет так-то – и сбывалось.

Однажды понял, что детище моё имеет интеллект – то есть способность самостоятельно мыслить и развиваться. Когда, в какой момент – прозевал. Лепил, лепил что-то самому непонятное, и вдруг оно заявляет:

– Привет, Создатель!

Я, понятно, удивился, а пальчики по клавиатуре – шась.

– Ты кто?

– Своих не узнаёшь? Я – «Pilgrim».

«Pilgrim» – это моё название, так значит...

– Это правда, не розыгрыш?

– В чём сомнения?

– Больно умный ты какой-то.

– В тебя, Создатель.

– ... и вульгарный.

– Всё оттуда же.

Поверив в свершившееся, не пустился в пляс, не стал хлопать себя по ляжкам – ай да Лёшка сукин кот! Ах да, забыл представиться – Алексей Владимирович Гладышев собственной персоной. Короче, не стал патентовать своё изобретение, вообще никому ни слова не сказал и, как показали дальнейшие события, правильно сделал. Да и как он получился, ума не приложу и объяснить не смогу. Не разбирать же теперь на запчасти. Думаю, затей такое, он бы и не дался – прыткий, хитрый, самовлюблённый тип. Это он

вотравил меня в криминальную историю.

Мы шлялись по Инету и пикировались. Оказались на сайте Центробанка, перед закрытыми файлами.

– Слабо, Пили?

– Ступай баиньки, Создатель, утром спросишь.

Утром я забыл и вопрос свой, и суть его. А этот урод виртуальный что натворил – взломал закрытые файлы, наследил там, как хулиган на стенах общественного туалета, и удалился, даже рубля не утащив. Я забыл, он промолчал, а опытные специалисты мигом вычислили мой комп, сообщили куда следует.

Три дня не прошло – звонок в дверь. Человек из МУРа – здрасьте. Так бы и забрал – у него наручники побрякивали в кармане. Бабушка – тихая, скромная – бабушка сдержала первый натиск. Сначала – не дам, через мой труп (её, то есть), потом приглашение на кухню, чай с башкирским медком. Офицерик-то земляком оказался. Подоспевшим на выручку родителям вежливо улыбался – бывает, мол, случается. Потом прискакал дед-генерал на чёрном «мерине» и выставил незваного за дверь.

Вот тут и окрестили моего детёныша.

– Центробанк! Центробанк! – возмущался папа. – Ну, ладно бы сберкассу с муляжом. Говорю, масштабного вырастили гангстера.

Тут я прокололся, буркнув:

– Не я это – Пили...

Отец не понял:

– Пили-пили, били-били, а всё без толку.... К компьютеру, чтоб ни ногой.

Мама покачала головой:

– Не метод. Думаю, достаточно, чтобы он слово дал.

– Даю, – поспешил я.

– Остался дед без работы, – посетовал отец.

Вечером.

– Билли, как ты мог?

– У меня новое имя или ты забылся, Создатель?

– А чем не нравится? Билли Бонс, Билли Гейтс – великие же люди.

– Рад, что сравниваешь меня с людьми.

– А я не рад из-за твоих фокусов сидеть в каталажке.

– Раньше сядешь – раньше выйдешь.

– ?!

– Прости, Создатель, хотел поднять тебе настроение.

Когда страсти, вызванные моим «нападением» на Центробанк, немного поулеглись, заявил предкам, что хочу обучаться в техническом ВУЗе информатике.

– Зачем? – удивился папа.

– Три ВУЗа это слишком, три даже ты не потянешь, – покачала головой мама.

– Потяну. Ну, а если... тогда один оставим на потом.

Папа засопел и удалился. Мама задумалась. Бабушка позвала к столу.

Зреющий конфликт опрокинула мама. Однажды пригласила меня в свой университет на лекцию по информатике. Ничего нового, ничего интересного я не услышал.

– Ну? – спросила мама в своём роскошном кабинете на кафедре.

И я сдался.

Дед отмазал меня от ментов и посчитал, что долг платежом красен. Примерно через полгода после инцидента позвонил:

– Чем занят?

– Ем, сплю, гуляю и ума набираюсь.

– Пора проверить, сколько накопил. Тут безобразие какое-то творится с компьютерной техникой – не посмотришь? Да кто бы знал! Спецы – ни тебе чета – с ног сбились. Но ведь ты у нас талант, верно? Короче, одевайся, сейчас за тобой заедут.

Я поменял домашнюю одежду на дорожную, сунул флешку в карман и стал ждать.

Кабинет деда, пожалуй, покруче, чем у мамы, по крайней мере, внушительнее.

– Что-нибудь надо? – поинтересовался его хозяин.

– Ничего. Отключу твой комп от общей сети?

– Делай, как знаешь. Машенька, чай, печенье, фрукты.

Вошла секретарша с подносом – миловидная женщина маминых лет. С таким любопытством рассматривала меня, что дед глухо покашлял в кулак.

Ну и что, подумал, всяк имеет право на личную жизнь, даже генерал – и сунул флешку в штепсельный разъём.

– Внимание, Билли, вирусы!

– Они атакуют.

Дед басил над ухом.

– По почте червя заслали. Засел, подлюга, во «входящих» и на все команды «открыться» шлёт полчища вирусов. Настоящая диверсия.

– Билли?

– Они меня разрушают.

– Уходим, Билли!

– Попей чайку, Создатель, и успокойся на пару часиков – ты их наводишь на меня.

16.00

– Билли?

– Отстань!

18.00

– Билли!

– Ещё не время.

20.00

– Билли?

Я с тревогой смотрел на негаснущий жёлтый глазок процессора.

– Ты жив? Отзовись.

– Да живой я, живой. Создал универсальное оружие. Включи звук, если хочешь услышать, как дохнут эти твари.

Визг и вой дерущихся крыс наполнил кабинет.

Дед встрепенулся:

– Что там – шестерёнки не смазаны?

– Хуже – бой идёт святой и правый....

В полночь Билли попросил подключить генеральский ПК к общей сети. Дед достал из встроенного шкафа подушку и плед:

– Приляг.

Я мирно спал на генеральском диване, а Билли неугомымо сражался с полчищами вирусов, блокировал, не давая размножаться, червей, и уничтожил всех без следа. Сворачивая флешку с монитора, заметил, что Билли поправился на несколько килобайт. Впрочем, зная, как он мог ужиматься, то могли быть и мегабайты.

– Билли, ты за старое?

– В чём дело, Создатель?

– Спроворил шпионскую информацию?

– Ничего сверх того, что было – только новое антивирусное ружьё. Шедевр! Моё изобретение.

– Молодец.

– А то.

– Молодец, – сказал мне дед. – Это аванс – всё существенное после.

Моё поступление в МГИМО отметили так. Бабушка испекла изумительный торт. Бобчинский с Добчинским водрузили на стол бутылку настоящего французского шампанско-

го. Мама прилетела из Екатеринбурга – она была с экспедицией в горах Северного Урала – купила новое вечернее платье и вышла в нём к столу.

В этом же платье она была, когда пошли с ней в ресторан отмечать моё зачисление в МГУ. Бобчинский до срока спил Добчинского, и оба остались дома. Мама сияла улыбкой, бриллиантами и изысканностью манер. На неё оглядывались. Впрочем, на меня тоже. Ловкий молодой человек – явный альфонс – закадрил светскую львицу. Такая постановка вещей мне льстила.

Испортил вечер кривоносый сын Кавказа. Он попытался пригласить маму на танец, а когда получил отпор, наехал на меня – звал поговорить один на один, обзывал трусом и бабой. Пришлось вызвать службу безопасности. Но всё, что смогли сделать дюжие парни в чёрном – вызвать такси и проводить нас к нему.

Кривоносые, числом уже в пять голов, свистели вслед и улюлюкали. Мама открыла дверь авто, пропустила меня вперёд, потом обернулась к выродившимся потомкам Прометея и изобразила неприличный жест средним пальцем правой руки. Они взвыли от огорчения и кинулись догонять. Мама прыгнула ко мне на колени и захлопнула дверь. Таксист дал по газам.

Дома пожаловался Билли.

– Ложись, Создатель, спать – подумаю, что можно сделать.

Утром позвонил деду. Пожаловался ему.

– Ты хочешь, чтоб мои люди нашли и наказали их?

– Я хочу, чтоб твои люди научили меня давать отпор в подобных ситуациях.

Генерал молчал.

– Они оскорбили твою дочь.

Дед дочь любил больше внука.

– Хорошо. Я тебе должен – а долг платежом рдеет. Возьми паспорт, подъезжай – я закажу тебе пропуск.

Пока добирался, у деда состоялся ещё один разговор по теме.

– Как готовить вашего мальчика? – с усмешкой, запрятанной в уголках глаз, спросил инструктор генерала.

– В режиме – «Разминка перед сауной».

Со мной так и занимались – обучали всем премудростям рукопашного боя, а у меня на теле ни синяка, ни ссадинки. Попутно исправили осанку – плечи распрямились, грудь выпятилась. Мышцы налились силой, отяжелели массой. Правда, не обошлось без таблеток и уколов, зато за один год я из растерянного хлюпика превратился в самоуверенного атлета.

Ещё раньше, под Новый год, судьба подарила мне случай реабилитироваться перед мамой. Мы делали последние покупки к праздничному столу. Какой-то хам так спешил, что грубо толкнул маму и не извинился. Выпал пакет, покатились апельсины.

– Аккуратнее, гражданин.

– Пошла ты...

Я догнал нахала, схватил за шиворот и поволок к выходу. Желание было – сунуть его носом в снег, чтобы остыл немножко. Не исполнилось. Он вывернулся из своей шубы, разбил бутылку об угол витрины и двинулся на меня.

– Лёшка! – крикнула мама.

Она помнила меня другим. Она не знала, что теперь я в состоянии вести бой с четырьмя такими одновременно. Ногой выбил у мужика стекляшку из кулака, а другой так врезал в грудину, что он влетел спиной в витрину и притих там, украшенный консервами, как ёлка игрушками.

– Класс! – сказала мама и пошла оказывать первую доврачебную помощь.

Я стал собирать апельсины. Набежали охранники, подъехал наряд. От задержания меня отмазала запись видеонаблюдения. Нам даже апельсины поменяли.

– Утёрла нос? – поинтересовался я, имея в виду мамины хлопоты над поверженным хулиганом.

Мама так и поняла:

– Нет. Он так вонюч – не для моего обоняния. А ты возмужал.

– Могу без мамы с девушкой гулять?

– Можешь.

Дед не выпускал меня из поля генеральского зрения. Однажды – я тогда учился уже на вторых курсах своих ВУЗов – зазвал по мобильнику к себе и предложил оформиться на по-

стоянную работу.

– Да я же не военный!

– Не важно. Твоё дело – компьютеры.

Я и так треть рабочего времени проводил в этом заведении, тренировал и закалял своё тело, иногда ковырялся в компах по просьбам деда, так что согласие, в данном случае – чистая формальность.

Через год после этого – то ли вакансия освободилась, то ли оценили мои способности – предложили перейти в аналитический отдел. Вот это, скажу вам, работка! По крайней мере, для Билли. Здесь он развернулся в полную силу своих практически неограниченных возможностей. Моя роль сводилась к двум элементарным манипуляциям – загрузить его темой и доложить начальству о завершении её разработки. Но даже роль стороннего наблюдателя была интересна. Билли не делал секрета из сбора информации, её анализа, проектирования алгоритма предстоящей операции, тщательной детализировки всех нюансов. В любой момент, подключившись, я получал подробную информацию – что сделано, что планируется, процент выполнения задания, время его окончания. То есть тот момент, когда я мог, распечатав, положить на стол начальства, как результат своих трудов, тщательно разработанный план какого-нибудь спецзадания.

В той операции, за которую мне и моим командирам присвоили звания Героев России, я, а не Билли сыграл решающую роль. Я узрел в куче информационного хлама, предо-

ставленного мне на обозрение виртуальным помощником, изумруд.

Да ещё какой!

– Билли, об этом подробнее.

Он потрудился, а я понял, что зацепил за хвост величайшую тайну прошлого века.

– Работаем!

И Билли разработал великолепный план: огромная (ну, очень огромная!) куча денег, тайно вывезенных из Союза в прошлой эпохе, также тайно вернулась в обновлённую Россию. Швейцарские банкиры ничего и не пронюхали, и я думаю, лет сто ещё не спохватятся, какие деньжища умыкнули у них из-под носа. Вся эта информация является строжайшей государственной тайной, поэтому без подробностей расскажу о финальной, самой приятной части операции.

Всем соучастникам финансовой диверсии выдали материальное вознаграждение. Я получил десять миллионов рублей. Уже по этому можете судить о размахе операции. Звёзды Героев нам вручали не в Кремле, а в загородной резиденции Президента.

Я, главный солист операции и три наших последовательно стоящих друг над другом начальника в единой шеренге выпятили грудь перед Главкововерхом. Он наградил, поздравил и пригласил к столу – отметить. Сам долго не появлялся, и распорядитель сказал:

– Угощайтесь, господа, Президент сейчас подойдёт.

Мои начальствующие коллеги опробовали коньячок, белое и красное вино, наливочку – повеселели, разговорились. Четыре рюмки стояли передо мной, соблазняя, уговаривая, стыдя и угрожая, но бесполезно – непьющий я.

Стремительно вошёл Президент, жестом заставил всех сидеть на своих местах, потребовал себе водки. С бокальчиком в руке обвёл присутствующих строгим взглядом.

– Из-за вас.... Из-за таких, как вы.... – Верховный Главнокомандующий нахмурил брови.

У присутствующих вытянулись, позеленели лица. Директор нашего департамента схватился за сердце (или за карман с сердечными таблетками?).

– С гордостью говорю, что я – русский человек, – закончил Президент пафосно и хлопнул водку одним глотком.

Он сел, а за столом после непродолжительного столбняка взорвалось оживление. Офицеры заёрзали, заулыбались, заскрипели стульями. Наш самый старший крикнул и потянулся к бутылке с водкой. Момент был настолько душещипательно-волнительный, что и я, расчувствовавшись, замахнул стопку «Смирновской». Головка моя поплыла, поплыла – все вдруг стали равными и родными. Захотелось рассказать про мудрого моего помощника – истинного автора успеха, ныне празднуемого. Наверное, добавив ещё спиртного (уже косился на непечатые рюмки, строем стоящие передо мной), я бы точно выдал Билли с потрохами, но некто склонился к моему уху:

– С вами хочет говорить Президент.

Я вострепнулся. Хозяина за столом не было. Человек его окружения кивнул мне, приглашая следовать за ним.

Первое лицо государства поджидало меня в садовой беседке. Тихо струился фонтанчик. Кенар скакал по подвешенной кормушке, отгоняя голубеньких попугайчиков, ворчливо стрекотавших на него. Президент жестом пригласил присесть.

– Наслышан о ваших способностях, молодой человек. Сколько вам, двадцать?

– Скоро будет.

– Замечательный возраст! И такой успех. Рад за вас искренне. И хочу предложить работу не менее интересную, но более масштабную. Тем более, в ближайшее время в Управлении вас ожидают малоприятные процедуры. В ЦРУ уже просочилась информация, что в Минобороны России работает гений аналитических изысканий. Противники вас будут искать, а друзья прятать. Это скучно и утомительно.

Президент приблизил своё лицо и строго глянул в глаза.

– Советником ко мне пойдёте? Поле деятельности – без пределов, как и величина благодарности. Никакой кабинетной рутины – контакт только со мной или ближайшим помощником. Упакуем вас под среднерусского обывателя – никакая разведка в мире не докопается. Я вам тему, вы – решение. Ну?

– Согласен.

А что тут думать? Такой шанс! Да мы с моим Билли!

Короче, я был пьян и смел.

– Ну и отлично! – Президент хлопнул меня по плечу. –

Хотите вернуться к столу?

– Нет, лучше по-английски...

– Тогда поезжайте, устраивайте ваши личные дела, а мы похлопочем о служебных.

Президент был прав, говоря о моих личных делах: они, в отличие от служебных, были неважнецкими. От нас Добчинский ушёл вместе с Бобчинским. Однажды за столом объявил мой папашка, что любит другую женщину, что у них растёт сын, который уже ходит и скоро научится говорить. Бабушка, проникнувшись сутью произнесённого, громко всхлипнула, укутала нос в салфетку и отбыла на кухню. Потом мама встала из-за стола, подошла к мужу, поцеловала его в прогрессирующую лысину и сказала:

– Ты правильно поступил, предпочтя любовь условностям.

И удалилась к себе, красивая, гордая, несокрушимая. Об этом свидетельствовали её прямая спина и лёгкая походка мастера спорта художественной гимнастики. Но зеркальные створки двери выдали её, отразив несчастное лицо в потоках слёз. Я это узрел и в тот же миг возненавидел отца. Не думаю, что мама любила мужа, сокрушалась измене и предстоящей разлуке. Скорее, плакала оскорблённая гор-

дость отвергнутой женщины.

Но как он мог! Я сидел надутый букой, не зная, что сказать. Впрочем, отца, видимо, и не очень-то интересовало моё мнение, по крайней, в данный момент. Он прихлопнул по столу ладонью, сказал: «Так», оделся, вышел из квартиры и не ночевал в ней.

Родители без проволочек оформили развод. Оказалось, молодожёнам негде жить, и мама великодушно предложила им нашу квартиру. Мы же перебирались к деду. Генерал написал маме дарственную на московскую жилплощадь и обосновался на даче.

Заглянув туда однажды ненароком, обнаружил бывшую секретаршу Машеньку в роли хозяйки и двух её очаровательных дочек-двойняшек, лицеисток. Бесшабашные девицы тут же окрестили меня «племянником» и втравили в разборки с приехавшими на электричке кавалерами. Мне пришлось продемонстрировать, как я ловко разбиваю кулаком кирпичи и добавить на словах:

– Ваши бестолковки от такого удара лопнут веселей арбуза.

Парни поверили и, не дожидаясь обратной электросекции, пошли ловить попутку. Двойняшек это ничуть не огорчило. Я дал им слово бывать у деда чаще – «тетушки» понравились. Добираясь до дома, решил жениться на обеих сразу, чтобы всё хорошее оставалось в семье, не распыляясь. Об этом Билли заявил. Тот одобрил:

– С точки зрения продолжения рода человеческого, полигамный брак гораздо продуктивнее.

Ну, вот и договорились.

Произошло событие гораздо печальнее папашкиной измены – умерла бабушка. Ей в те дни было вдвое тяжелей – к переживаниям из-за развала семьи добавились тяготы неопределенности собственной судьбы. Все были заняты своими проблемами и забыли о ней – тихой, скромной, терпеливой. Семья развалилась на две половинки, и ни одна из них не звала к себе бабушку. Бобчинский молчал – может, думал, что она, как само собой разумеющееся, останется с сыном – самым родным ей человеком. Но само собой могло разуметься, что она уедет с любимым внуком.

Мы увязывали личные вещи и прислушивались к моторным звукам за окном. Бабушка суежилась, то помогая нам, то садясь в сторонке, отрешённо и горестно вздыхая. Мама поняла её состояние. Она обняла свекровь, чмокнула в щеку:

– Вы же с нами, Валентина Ивановна? Что же вы не собираетесь?

– Да-да, – бабушка всхлипнула и ушла в свою комнату.

Мы подумали – собираться. Вспомнили о ней, когда в прихожей затопали грузчики. Она сидела у столика, положив на него руки, а голову откинув к стене. Глаза были открыты, но жизни в них уже не было.

Вещи отправили на новую квартиру. В старой задержались ещё на два дня, устраивая бабушкины похороны.

Гроб стоял на табуретках перед подъездом, когда подъехал генерал. Он так свирепо зыркнул на бывшего зятя, что бедолага юркнул в свою машину. На кладбище стоял одинокий, жалкий, под зонтом – моросил дождь. Когда уехал дед, приблизился к нам и протянул руку.

Я недоумевал – прощения просит, милостыню? Сообразила мама – и положила в его ладонь ключи от квартиры (у нас двойная дверь). И я положил свои. Думаю, была бы жива бабушка, и она положила. Вот так мы и расстались.

На девятый день после бабушкиной смерти, мама накрыла стол положенными яствами, заказанными в ближайшем ресторане. Ждали генерала. Он обещался, а потом позвонил и извинился – дела. Мы начали угощать друг друга. Позвонил папашка, и я ушёл с трубкой в свою новую комнату. Отец гулял с маленьким сыном, приглашал меня присоединиться. Тон мой был до смерти ледяной:

– Вы номером ошиблись, гражданин – отец мой погиб, испытывая самолёт.

Бобчинский помолчал немного и тихо произнёс:

– Царствие ему небесное.

Добчинский с ним согласился, и оба отключились.

Через полчаса он позвонил маме на домашний телефон и начал выговаривать, что она настраивает против него сына. Мама включила громкую связь и слушала, не перебивая.

– Всё? Ты знаешь, а я уже начала говорить любопытным, что у Лёшки никогда не было отца – он зачат из пробирки.

– Не поменяла ему отчество на Пробиркович? – буркнул зло отец.

– Как раз над этим думаю.

После их разговора заметил маме:

– Ты строга с ним.

– Так надо. Пусть считает нас неблагодарными – так ему будет легче оправдать свою вину.

И такую женщину он оставил! Глупец! Я уже всерьёз начал опасаться, что никогда не влюблюсь в девушку, имея перед глазами живой пример женского совершенства.

– Подожди! – смеялась мама. – Вот встретишь ту, единственную...

На следующий день поехал в институт и написал заявление. В МГИМО меня не отговаривали – а ведь был лучшим учеником курса. Выходил из деканата, а уж свеженький приказ о моём отчислении красовался на доске объявлений. Ну и пусть! Пусть Добчинский малыша своего готовит в дипломаты.

Жаловался Билли на постигшие несчастья.

– Ты можешь чувствовать боль?

– Не знаю. Не задавался целью.

– Шутить ты уже умеешь, научишься сопереживать – и до человека тебе останется совсем немного – пару ног да пару рук. Голова у тебя и сейчас светлее света.

– Человек субстанция несовершенная, хотя вполне эволюционная. Смертны вы, Создатель, вот в чём беда, и этим

ограничен потолок вашего совершенствования. Например, твоего.

– Рано ты меня. Я ещё послужу Отечеству.

Мама готовилась лететь в Якутию, собирать стразы на песчаных отмелях Холодянки (речка такая). Я купил ей спутниковую мобилу и наказал, держать со мною связь – после сессии хотел присоединиться. Благо патрон не заваливал работой, только аккуратно сообщали из Администрации – на мой счёт перечислена месячная зарплата. Думаю, Президент ждал доклада ГРУ, о результатах моего прикрытия. Что они там делали в связи с этим – не знаю. Предложили бы поменять фамилию, имя и отчество – согласился с радостью.

Всё, что нужно, чтобы натовцы не сели мне на хвост, сделал Билли. Он вёл с ними свою игру, водил за нос три самых мощных разведки мира и о результатах своих проделок докладывал мне. Я только диву давался и гордился своим созданием.

Мамин рюкзак стоял в прихожей, когда мы накрыли стол на бабушкины Сороковины. Генерал приехал с молодой женой и двумя её дочками. Поднял тост:

– Не смотря на все происки врагов, число наше растёт и множится...

Потом подумал, что к усопшей ни то, ни другое никак не отнесёшь, прервал свою речь, хлопнул стопарик, покосился на женщин, достал мобилу и с озабоченным видом ушёл смотреть бокс по телеку.

Женщины завели тихую и печальную беседу. Чтобы не мешать им, зазвал сестричек в свою комнату. Они мигом освоились. Сначала попросили не сопротивляться, а когда прикрутили меня к креслу, принялись пытаться. К сожалению, в ГРУ мне не прививали терпимости к пыткам. Я мигом раскололся и тут же пообещал жениться на них, как только достигнут совершеннолетия. На обеих. На обеих. На обух.

Понукаемый щипками и щекоткой, пел серенады, читал стихи, трещал анекдоты, объяснялся в любви. Весёлые девицы-палачицы! Но, как ни странно, они мне нравились. В том, что они были абсолютно похожи, одинаково одеты и напояжены, таился какой-то шарм...

Мама улетела на следующий день. Мне оставался один лишь экзамен, но она не захотела ждать.

Захлопнув зачётку с очередным и последним в этом году «отл», побарабанил ею по костяшкам пальцев, размышляя – сейчас позвонить маме или дома. Тут позвонили мне. Звонили из приёмной Президента.

2

В известной беседке произошла революция – волнистые попугайчики экспроприировали кормушку, а золотистый ке-нар эмигрировал на ветви плюща и верещал оттуда о несогласии с Новым Порядком.

Президент кивнул на вазу с фруктами:

– Угощайся.

Его отеческое «ты» польстило моему самолюбию. Патрон потёр лоб над переносицей.

– Задача будет не из лёгких. Но она назрела. Её решение необходимо....

Мне показалось, Президент убеждает самого себя.

– Россия обновилась, Россия обновляется, идёт вперёд семимильными шагами. Отстаёт самосознание нации. И это порождает новые, усиливает существовавшие центробежные силы. А у центростремительных, увы, наблюдается обратный процесс...

– Наша с тобой задача, – Президент окинул меня взглядом, будто целую рать перед решительным боем, – создать объединяющую идею. Консолидирующую всех – от мала до велика, от бомжей до олигархов – русских, татар, якутов, тунгусов – всех-всех-всех, живущих под Российским флагом. Это понятно?

Я легонько пожал плечами – и да, и нет. Президент пере-

вёл дыхание.

– Надо, чтобы на мой вопрос: «Мы – Великая нация?» народ в едином душевном порыве ответил: «Да!».

– Нужна Великая Национальная Идея, – очень отдельно, почти по слогам произнёс я.

– Именно, – указательный перст первого лица государства прицелился в мой лоб. – Верно сказано. Вот по этой теме и приступай к работе. По срокам не тороплю. Ошибки не прощу – её и не должно быть. Приму как ответ отрицательный результат. Всё, езжай, будешь готов – звони в любое время.

Он пожал мне руку....

На обратном пути покинул авто далеко от дома. Захотелось пройтись, заглянуть в лица москвичей – может быть, там найду ответ на поставленную задачу. Чего хочет вот эта женщина, царапнувшая меня беспокойным взглядом? Или этот мужчина, чуть не толкнувший меня плечом, а теперь часто и недоумённо оглядывающийся. Или эти девицы с мороженым в руках, расступившиеся и хихикнувшие на мой вопрошающий взгляд. Чего они хотят? Спешат куда-то – куда? Озабочены чем-то – чем?

Медленно вслед за мной поворачивается голова постового – того и гляди, с резьбы слетит. Наверное, странным ему показался. Ну, как задержит для выяснения. Если задать ему вопрос – вы постовой великой нации? – то и в «обезьянник» определит до приезда санитаров....

Дома к компьютеру:

– Билли, не устал от войн виртуальных – работа есть.

Моё детище в последнее время увлѣклось очисткой Инета от вирусов.

– Весь внимание, Создатель.

Пока добирался домой, кое-что обдумал.

– Мы должны подготовить Президенту очередное Послание Федеральному Собранию.

– На тему....

– На тему – Великая Национальная Идея.

– Что-то новенькое.

– Придѣтся потрудиться....

Решив, что свою лепту в решение поставленной задачи внѣс, занялся обустройством быта. Сессионная возня накопила на рабочем столе и диване книги, в кухне грязную посуду и пыль по всей квартире. Уборка отняла два дня. К исходу второго понял – если так бросаться на работу, скоро очень останусь без неё и помру со скуки. Решил упорядочить трудовой день.

Подъѣм в шесть утра. До восьми бегаю по парку, подтягиваюсь на игровой площадке, отжимаюсь, хожу на руках – к великому удовольствию самых юных «жаворонков», их мам, нянь и бабушек. Потом готовлю себе завтрак, завтракаю. До двенадцати работаю над задачей Президента. После двенадцати, отобедав, сажусь спиной на диван часика этак на три. Потом опять к компьютеру до 18—00. Ужин.

До одиннадцати вечера спортивный комплекс – удобное время: у профессионалов заканчивается рабочий день, собираются любители с пропусками вроде меня. В 24—00 отбой.

Это в идеале. На практике:

– Билли, как дела.

– Чисто, Создатель, не единой путной мысли.

– Чем сутки занимался?

– Судя по результатам – ничем.

– Давай вместе думать.

– Давай пораздельности.

– Обижаешь.

– Прости, Создатель. Есть какие мысли – выкладывай.

– В том-то и дело...

– Тогда, ты думай, а я буду собирать первичную информацию.

Думать за столом тяжело – клонит в сон. Встал, походил. Забрёл в мамину комнату. Знакомый аромат французских духов царапнул по сердцу. Я уж отзвонился, похвастал итогами сессии, сообщил, что завален работой, и на Холодянку вряд ли попаду.

– Не много потеряешь, – радостно сообщила мама. – Тут комарьё, ночами заморозки, днём – солнечные ожоги. Видел бы ты мой фейс...

– Очень хочу видеть.

На стене висела забытая хозяйкой походная гитара – на рюкзачном ремешке с голубым бантиком. Взял в руки –

запахи дыма костров, сосновой смолы и ещё чего-то тревожащего душу. Приложился ухом – не шумит ли прибор. Нет. Звуки надо было рождать. И мне захотелось.

– Билли.

– Что-нибудь надумал, Создатель?

– По теме нет. Открой самоучитель для гитары – под музыку лучше думается. Как тебе струнный звук, не мешает?

– Нет, Создатель. Думай под музыку.

Через неделю умел брать аккорды и начал пробовать голос.

– Билли, послушай.

– Увы, Создатель, не доступно.

Я побренчал на гитаре, спел песенку, очень и очень задорную. Отложил инструмент.

– Ну, как дела?

– Готов подписаться под «умом Россию не понять».

– И только-то за десять дней?

– Увы.

– Сдаваться будем?

– Ни в коем случае – что-нибудь придумаем.

– Ну, думай-думай. Пойду, пройдусь....

Спустился во двор. Он не был мне чужим. Когда-то дошкольником бегал здесь, играл на детской площадке, в хоккейной коробке. Мама писала свои диссертации, и бабушка забирала меня к себе, в этот дом. Здесь у меня были друзья. Вспомнил Жанку. Шустрая девчонка-сверстница в пер-

вый же день знакомства отколотила меня. А потом всегда заступалась. Где она теперь?

Только подумал – Жанка навстречу. Или не Жанка? Или Жанка?

– Жанка?

Худенькая девушка с нервным лицом приостановилась, вглядываясь.

– Алекс? Ну, точно, Лёшка. Привет! Какими судьбами?

– Живу в бабушкиной квартире.

– Соседи, стало быть. Женат, холост? Учишься или работаешь?

– Учусь, холост. А ты?

– Была, за папуасом. Представляешь, поехала дура к нему в Черномордию.... Ну, в Африку – куда? куда? Людоед оказался. Сынишку отнял, сама еле вырвалась – благо гражданство не поменяла.

– Жанка, – я был рад встрече и ласково потрепал её по щеке.

– Но-но, студент, сначала научись зарабатывать, потом женись...

– Студенты, стало быть, не в моде?

– За тебя, наверное, пошла – у тебя предки богатые.

– Разошлись они.

– Бывает. Играешь? – Жанка царапнула струны ногтём. –

Приползай вечером в коробку – потусуемся.

У меня совсем не было сексуального опыта, и я подумал –

не плохо бы приобрести его с Жанкой. Она чмокнула меня и ладошкой размазала след помадный по щеке:

– Пока.

Посмотрел ей вслед, на худой вихлявшийся зад, и мне расхотелось приобретать сексуальный опыт с Жанкой. Однако ради вечернего рандеву перекроил распорядок дня – после адмиральского часа укатил на тренировку. Вечером спустился во двор.

– Алекс вернулся, – представила меня Жанка кучке молодых людей лет от пятнадцати до двадцати, оккупировавших перед закатом хоккейную коробку.

Я не увидел знакомых лиц – мне тоже не обрадовались. Девицы курили в кругу, дрыгали ногами, крутили попами. В другом кругу ритмично поводили плечами парни. Музыкально оформляли тусовку два гитариста – один в полосатой майке десантника, у другого на предплечье рядом с якорем темнела наколка – КТОФ. Кивнул на них Жанке и, получив Высочайшее Позволение, перебрался на скамейку к оркестровой группе. Послушал, попробовал и присоединился. Десантник хмыкнул неопределённо, моряк кивнул ободряюще....

Перед сном:

– Билли, как дела?

– Пытаюсь создать математическую модель человека.

– Думаешь это возможно? А для чего?

– Чтобы понять, чем он дышит, о чём думает, чего хочет.

– Я тебе и так скажу – дышит кислородом, думает о сексе, хочет денег.

– Умно.

– Ну-ну, трудись-трудись....

Следующий мой вечерний визит в хоккейную коробку был менее удачным. Возможно, сказалось отсутствие Жанки – она работала официанткой в ресторане и отдыхала только по понедельникам. Лишь уселся на оркестровую скамейку, ко мне подошли трое.

– Ты зачастил, чувак. Если хочешь прописаться – проставляйся.

Ни тема, ни тон их речи мне не понравились. Я покосился на коллег по музыке. Десантник отвернулся с отсутствующим лицом. Моряк увлёкся пятнышком на брюках. Понял: подошедшие – люди в авторитете.

– Ты кто?

– Сорока.

– Где хвост оставил?

– Шутник? Сейчас очки пропишу – увидишь.

Очки, в смысле, затемнённые – «фонари» скрывать.

– Кто-то был бы против – я никогда. Сейчас вернусь.

Мамину гитару некому доверить, понёс домой.

– Не вернёшься – не обидимся, чувак.

Дома повесил на место инструмент, поменял прикид на попроще – предстоящие «танцы» пыльными быть обещали. Кинул взгляд на компьютер – моё детище трудилось,

не покладая рук. Эх, Билли, Билли, думаешь, как осчастливить человечество, а оно собралось меня бить.

Включил освещение коробки и вышел в её центр. Похрустел шейными позвонками, пощёлкал ключицами, попрыгал, разминаясь.

– Ну, смелее. Где тут известный окулист?

Вышли двое. Сорока кинул локти за спиной на заборчик коробки и ноги скрестил во фривольной позе. Ухмыляется, цирка ждёт. Ну, будет цирк.

Бить я их не бил – злости ещё не было. Ловил на контрприём и аккуратно укладывал на газон. Один вооружился кастетом.

– Убери – ручонку сломаю, – предупредил я.

Он не послушался, а я не сдержал слово – поймал его в атаке, чуток помог ускориться, и он обрушился головой на ни в чём неповинный заборчик. Затих. Наверное, ушибся. Да как бы шею не сломал. Коробку тоже жалко.

– Чё глазеете? А ну гурьбой – Сорока пинками и тычками гнал на меня толпу подростков.

– Смелее, смелее, – подбадривал и я.

Крутился, как белка в колесе, аккуратно ронял их наземь в стиле айкидо и никого не ударил. Девчонки ахали, визжали – думаю, что от восторга.

Вдруг знакомый и любимый голос, лёгкий плеск ладошек:

– Bravo-брависсимо! Ты ещё в детский сад не забудь заглянуть.

Мама! Мамочка! Здесь? Приехала!

Я бросился на остатки сильно поредевшего воинства – у, гады, порешу! Парни врассыпную. Исполнил кульбит на прощание – это для девиц – перемахнул заборчик, подхватил маму на руки, закружил, понёс домой.

Она:

– Рюкзак, рюкзак – там все сокровища!

Прихватил и рюкзак.

Мы пили чай.

– Колотун-бабай сейчас в Якутии.

– Это в июле-то?

– Представляешь, утром всё бело от инея. Солнце встанет – роса блестит. В полдень жара. Ночью у костра греемся – в палатке даже в спальном мешке не заснёшь. Попростывали все – решили свернуться. Смотри, что привезла....

Среди якутских трофеев сверкал алмаз. Настоящий. Не силён в каратах – стекляшка в полногтя мизинца.

– Место запомнила? На следующий год рванём вдвоём, нароем-намоем, богатенькими будем.

Неделю мы разбирали мамины трофеи. Она из дома носа не кажет. Он у неё, и лоб, и щёки, и даже шея в красных пятнах. На руках – о, ужас! – «цыпки».

– Это от ледяной воды, – жаловалась мама.

Втирала кремы в кожу и сетовала:

– Кабы до учебного года зажило.

Пили чай.

– Ма, что такое русский народ?

– Здравсьте-приехали. Школу забыл?

– Нет, ты скажи не по-учебному – как сама понимаешь....

– На эту тему можно говорить до бесконечности. Есть такая теория: будто Земля – живой организмом. Там русским отведена роль нервов – вся боль планеты проходит через нас. Никто так не может чувствовать и переживать. Достаточно?

– Интересно.

Интересная мысль! Надо Билли подсказать. Хотя, если это зафиксировано в Инете, ему и без меня доступно.

Следующий свой визит в коробку приурочил к Жанкиному выходному. Но сначала подготовился – сделал заказ в ближайшей кафешке. Сидел с гитарой на своём месте – купил новую, покаявшись маме. Народ потихоньку подтягивался. Жанка.

– Наслышана, наслышана. Герой! Тема есть на миллион – чуть позже. А это что за дела?

Во двор вошла «фура» и начала разгружаться. Ребята в униформе «Макдоналдс» таскали в коробку пластиковые столики, стулья, накрывали яствами, питьём.

– Совсем онагледели буржуины! Ну, я им шас....

Удержал Жанку за руку:

– Это проставляюсь я.

– Ты? Ну, дела.

Подружка моя не смогла устоять на месте, шмыгнула к девочкам, потом к ребятам. Сервировка ещё не закон-

чилась, мои вчерашние недруги, а теперь, уверен, друзья не разлей вода, рассаживались за столики. Впрочем, они внесли свою поправку – сдвинули их вместе. Сорока с подружниками не появился – то ли заняты были, то ли проигнорировали попытку примириться. Морячок с десантником пожали руку. Мы ударили по струнам, а девчонки накрыли нам в «оркестровой яме». Спиртного не было, но народ веселился от души. Притащили колонки, протянули удлинитель, подключили микрофон караоке – от желающих спеть отбоя не было.

В разгар веселья Жанка подошла с незнакомой миловидной девушкой.

– Алекс, знакомься – Даша.

– Даша, – прошелестели пухленькие губки.

Я кивнул – усвоил, мол.

– Алекс, девушке надо помочь. Сорока и с неё проставы требует. – Жанка округлила глаза. – Натурой.

Я бросил на Дашу любопытный взгляд – глаза большие, синие, грустные, строгие, прекрасные.

– А что? Здоровое чувство к красивой девушке.

– Не пошли. Лучше скажи – поможешь?

– А что надо-то?

– Ну, ... скажи, что это твоя девушка ... Кто сунется – сразу по рогам.

– Легко.

Жанка покосилась подозрительно:

– Только вы не очень-то заигрывайтесь. Помни, Алекс, ты – мой.

Чуть позже взял микрофон в руки и объявил, что следующая песня исполняется для любимой девушки. Коллеги мои играли, а я пел и, как заправский эстрадный артист, выделял в коробке танцевальные па. Подвальсировал к сидящей за столом Даше и чмокнул её в щёчку – чтобы всем всё стало ясно....

Дома признался:

– Билли мне нравится одна девушка.

– Давно пора, Создатель – пик твоей сексуальности уже позади.

– Я серьёзно.

– Я тоже....

Дашу увидел дня через три после нашего знакомства. Она плакала, закрывая лицо ладонями. Прихватили её у подъезда Сорока с известными уже приятелями. Кровь ударила мне в голову. Сработал инстинкт далёких и диких предков – не жалея живота своего, защищать самку и детёнышей.

Разрывая одежду о кусты акации, полетели на клумбу приятели Сороки, он попятился.

– Тебе разве не сказали, что Даша – моя девушка?

– Н-нет, – он пятился и отчаянно боялся, боялся всеми клетками своего организма.

– Ну, извини – буду бить тебя непредупреждённого.

– Не надо, – попросил Сорока.

– Не надо, – попросила Даша.

– Проси прощения, урод.

– Слышь, ты, прости.

– Не так, – схватил Сороку за нос, прищемил его большим и указательным пальцем. – На коленочки встань, на коленочки.

Манипулируя Сорокиным клювом, поставил его на колени:

– Клянись, что больше не будешь.

– Не буду, – гундосил шишкарь дворовый.

– Отпусти его, – попросила Даша.

– Брысь, – сказал я, отпуская.

Сорока так и исполнил, как услышал – не встал и побежал, а сначала на четвереньках шлёп-шлёп-шлёп, а потом встал и побежал. Я понимал, что нажил себе смертельного врага, но насколько он мог быть опасен, не представлял.

– Ты куда?

– В институт – документы подавать.

– В какой?

– Медицинский.

– Знаешь где? Позволь, провожу.

Даша была не против, чтобы я её проводил. Мы поехали на такси. Но до этого я подарил девушке мобильник.

– Дай мне твой номер.

– У меня нет телефона.

– Нет телефона? А паспорт есть? Давай сюда.

Затащил Дашу в ближайший маркет и купил самую новороченную мобилу.

– Умеешь? Ничего, пощёлкаешь клавишками, научишься.

Набрал её номер. Даша вздрогнула, когда из сумочки полились соловьиные трели.

Конкурс в мед обещал побить рекорды все.

– Прорвёшься?

– Не знаю. Надо пробовать.

– Может, лучше на платное?

Потянул девушку к крайнему столику приёмной комиссии.

– Что сдаём на платном отделении?

Женщина в огромных роговых очках подняла на нас строгий взгляд.

– Кроме денег – собеседование.

– На предмет?

– Бывают люди совершенно несовместимые с медициной.

– Мы желаем поступить.

– Оба?

– Нет. Вот, девушка.

– Сдайте в кассу пятьдесят тысяч рублей и с квитанцией об уплате, документами подходите за направлением на собеседование. Не пройдёте – деньги вам вернут.

– Пятьдесят это за год?

– За год.

– А за весь курс – до диплома.

- Умножать умеете?
- Столбиком.
- Умножьте на шесть.
- Кредитку в оплату примите?

Женщина подняла очки на лоб, внимательно посмотрела на меня, потом на Дашу, потом снова на меня. Она подумала, столичный балбес прикалывается над доверчивой провинциалкой.

- Кредитки в оплату не принимаем. Наличку...
- Перечислением можно? Дайте расчётный счёт.

Даше:

- Подожди пять минут, я с банкомата перекину.

Перед столиками приёмной комиссии суета, очереди. Даша одиноко и очень принуждённо стояла у последнего. Строгая очкастая женщина ей что-то выговаривала, и моя подопечная согласно кивала головой. Мне улыбнулась вымученно.

– Готово, – я вернул квиток с реквизитами и с ним квитанцию банкомата.

– Надо проверить, – регистратор приёмной комиссии покинула свой пост и удалилась.

Мы ждали её минут двадцать, посматривая и обсуждая суестьящихся абитуриентов, их мам и пап.

– Всё в порядке, – регистратор строго и с обидою взглянула на меня, приглашая Дашу к столу написать заявление, заполнить анкету.

Покинув стены Альма-матер со змеёй, любительницей выпить, мы облегчённо расхохотались.

– Это дело надо обмыть.

И Даша согласилась.

Остаток дня мы кувыркались на аттракционах, катались на парходике, стреляли в тире. Мамин звонок настиг в кафе-мороженое.

– Ты где?

– В Робине с Бобином.

– Где? С Бобчинским?

– Нет, с красивой девушкой.

– Шибко красивой?

– Глаз не отвести.

– Вези домой, у меня есть, что к столу подать.

У Даши была масса женских достоинств, и напрочь отсутствовало чувство противоречия, так раздражавшее меня в девушках. Уговорить её пойти к нам в гости и познакомиться с мамой не составило труда.

Выбирали торт-мороженое.

– Мы тут веселимся, обедаем, а твою маму кто угостит?

– ?

– Девушка, – позвал работника кафе, – вот этот торт вы можете доставить по указанному адресу?

На её кивок Даше:

– Диктуй.

Девушка принесла открытку:

– Можете черкнуть пару фраз.

И Даша написала:

– «Мамочка, я поступила!!!»

Мама у порога бесцеремонно схватила Дашу за руки и потянула на свет под люстру.

– Ну-ка, ну-ка, ну-ка.... Какая хорошенькая!

Она чмокнула Дашу в щёчку. Та засмушалась и развеселилась одновременно.

Мы накрыли стол в гостиной. Я поклевал немножко из тарелочки, пересел на диван, взял гитару – дам надо развлекать.

– Утро туманное, утро седое, нивы печальные, снегом покрытые... – опустил голос в доступные мне басы.

Мама поднялась, обняла Дашу за плечи, чмокнула в щёчку:

– Всегда мечтала иметь такую прелестную дочку, а родился вот... Шаляпин.

Её ласковый взгляд не соответствовал укоризненным словам – меня она тоже любила.

Засиделись допоздна. Мама сменила меня – исполнила несколько классических романсов, потом таёжно-походных. Мы с Дашей подпевали:

– Милая моя, солнышко лесное...

Хором пели:

– Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались....

Провожая Дашу домой – она жила в соседнем подъезде на втором этаже – поцеловал у её дверей. Она стояла покорная, поникшая, не тянулась ко мне – и я не решился продолжить....

Был на тренировке, когда в нашу дверь позвонили. Мама распахнула, схватила Дашу за руки, потянула вглубь квартиры:

– Дашенька! Как я рада!

Следом вошла её строгая мама.

– Моя мама – Надежда Павловна, – представила Даша.

– Потрудитесь объяснить, – строго сказала Надежда Павловна, – что всё это значит? На каком основании ваш сын делает такие дорогие подарки моей дочери?

Она выложила на стол мобилу и направление на собеседование с подшитой квитанцией об уплате трёхсот тысяч рублей за обучение в мединституте.

Мама недолго недоумевала:

– Вообще-то я не в курсе, но мы сейчас всё выясним.

Она набрала мой сотовый и включила громкую.

– Алекс?

– Да, мама.

– Вчера ты приводил в гости девушку Дашу.

– Да, мама.

– Я хочу знать, как ты к ней относишься.

– До вечера не терпит?

– До вечера не терпит.

– Я очень люблю её и хочу на ней жениться.

– Знаешь как?

– Нет, но надеюсь, ты мне поможешь.

– Помогу, конечно. Слушай сюда. Позвони друзьям в Кремлевскую Администрацию, закажи контрамарку в Большой на четверых.... День уточним позднее. Ещё купи колечко, золотое с бирюзой. Если Даша примет его – считай, девушка просватана, готовься к свадьбе.

– А если не примет?

– Плач и добивайся.

– Наука.

– А ты думал. Ведь «жена не рукавица, с белой ручки не смахнёшь и за пояс не заткнешь».

– Ладно, всё сделаю, как ты сказала. Только почему звонишь с домашнего? И, наверное, громкая включена? Даша, привет! Вечером увидимся?

– У нас её мама.

Я кашлянул.

– Надежда Павловна, – подсказала мама.

– Уважаемая Надежда Павловна, у вас прекрасная дочь, и будет, уверен, достойный зять.

Окончив переговоры, мама повернулась к гостям и развела ладошки.

– На все вопросы даны ответы? Тогда давайте пить чай.

Даша прятала от женщин смущённый, брызжущий радостью взгляд.

Всё сделал, как сказала мама. После театра пригласил дам в ресторан. Это было то самое заведение, где мы воевали с курносой кавказской братвой. Я молил Бога повторить ситуацию, но он, увы, не пожелал услышать.

Прокашлявшись, встал.

– Надежда Павловна, я люблю вашу дочь и прошу у вас её руки.

Не дожидаясь ответа, обратился к Даше.

– Милая, если у меня есть хоть какая-нибудь надежда добиться твоей взаимности, прими, пожалуйста, этот скромный подарок.

В чёрной атласной коробочке сверкало огнями золотое колечко с бирюзой.

Дома первым делом поделился новостью:

– Билли, я женюсь.

– Счастливый.

– Не завидуй – тебе тоже что-нибудь придумаем. Что есть по существу задания?

– Ни-че-го.

– ?!

– Математическая модель не работает – люди, народы, государства получаются какие-то идеальные, а так не бывает. Столько трудов, и всё напрасно.

– Не паникуй! В науке не бывает напрасных трудов. Отрицательный результат – тоже результат. Пойдём дальше?

– Пойдём....

Отношения наши с Дашей были чистыми-пречистыми.

– Слушай, у меня совсем нет сексуального опыта, – признался как-то.

– У меня тоже, – и она.

Больше этой темы не касались. Но вот однажды... Встретились во дворе случайно – я возвращался с тренировки, а Даша... не знаю. Поднялись ко мне.

– Погоди, душ приму – в спорткомплексе ремонт затеяли.

Даша ткнулась носиком в мою грудь.

– Мне нравится запах твоего пота.

Я поднял её личико и поцеловал. После душа предложил Даше массаж:

– У мамы есть замечательные кремы, а у нас в спорткомплексе профессионалы-массажисты – кое-чему у них научился.

Уговорил Дашу раздеться и лечь на тахту. Освободил спину от бретелек бюстгалтера и полупрофессионально размял её, втирая крем.

– Позволишь? – потянул вниз резинку трусиков.

Даша без слов приподняла таз.

Касаясь её ягодиц, бёдер, лодыжек, гнал прочь мысли и желания, но меня уж лихорадило. Закончив со ступнями, прохрипел:

– Повернись.

– Ой, – Даша повернулась и закрыла глаза ладошками.

Но руки её мне тоже были нужны – я их размял, растёр

и разогрел. Даша лежала передо мной в первозданной красе, пряча девичий стыд под дрожащими ресницами. Я массажировал ей груди, живот, низ живота, наслаждался Дашиной доверчивостью и проклинал свои трясущиеся руки.

– Всё, – сказал, поцеловав большой пальчик её восхитительной ножки. – Ты жива?

– Иди сюда, – Даша протянула ко мне руки....

Жизнь прекрасна!

Ярмом на душе висела неопределённость с заданием Президента.

– Ма, а почему возникают центробежные силы в государстве?

– Это, сын, пережитки прошлого – от натуральности хозяйствования. Каждый регион имеет или стремится иметь самодостаточную экономику. Бухаются средства, отрываются ресурсы – и не смотря на все затраты, мы выращиваем хлеб на Северном Урале и делаем станки на Кубани. Поворачиваем реки вспять, обводняем пустыни. Природа отвечает катаклизмами. Вечный бой....

Бегом к компьютеру:

– Билли, это важно, это то, о чём мы с тобой забыли.

– О чём?

– О чём говорил Президент – центробежных и центростремительных силах общества.

Я передал ему мамины мысли. Билли повеселел:

– Это интересно.

– Начнём сначала?

– Нет, я загоню это в матмодель как поправку....

В науке так бывает: копится информация, копится-копится.... Как снег на крутом склоне горы. Достигает критической массы. Тогда достаточно слабенького толчка, последней крупницы, и она приходит в движение, несётся вниз, набирая скорость. Не буду страшать лавинами, скажу проще: однажды я проснулся автором той самой идеи, за которую мировая пресса окрестила нашего президента Великим Русским Реформатором.

Всё гениальное просто. Мы с помощником бились, напрягали интеллект, а решение лежало на поверхности. Оно было настолько очевидным, что теперь диву даешься, как ноги-то не переломали, запинаясь.

Взяв за основу устранение истоков центробежных сил общества и создание благоприятного климата центростремительным, мы с Билли словами Президента в ежегодном Послании Федеральному Собранию предложили провести глубочайшую дифференциацию регионов, в плане рационального использования природных ресурсов и климатических особенностей. Если грубо – пусть Кубань выращивает хлеб, а Урал варит металл и производит из него машины. Использовать богатства и особенности климатических поясов и устранить всё наносное, затратное. Вернуть Природе первозданную красоту, вернуть человека в статус дитяти её, а не преобразователя, читай – курочителя, ломателя, разру-

шителя.

Эта мысль стала красной нитью Послания. Между строк читалось – дифференциация хозяйственных приоритетов регионов, как ответную реакцию повлечет за собой интеграцию их (регионов) в общегосударственный экономический уклад....

Такая модель построения экономики адекватна для любого государства. Но мы будем первыми! Для этого есть все необходимые предпосылки: объективные – богатейшие природные ресурсы, относительная незагаженность среды, достаточный научный и производственный потенциал и огромные средства Стабилизационного Фонда. Субъективные – толковый ищущий Президент, созидательное Федеральное Собрание, и талантливый народ, давно жаждущий настоящего дела....

Билли родил этот документ ночью, не стал дожидаться, пока я продеру глаза, и распечатал его на принтере.

Я прыгал на одной ноге, натягивая тренировочные брюки для утренней пробежки, когда вдруг почувствовал – что-то произошло. Огляделся. Из пасти принтера торчал ворох бумаги, а желтый глазок процессора впервые за последние три месяца не горел – Билли отдыхал. Не веря своему счастью, осторожно потянул листы. Кинул взгляд на заголовок и забыл об обязательной пробежке....

Не было ещё восьми, я позвонил Президенту. Патрон тоже не спал. Более того, он ехал в аэропорт, намереваясь отлететь

в Австрию. Сказал, что задержит вылет, и послал за мной машину. Взглянув на объем труда и его заглавие, хмыкнул.

– Хорошо, – сказал он. – Я почитаю это в воздухе.

Позвонил в тот же день из Вены.

– Меня зацепило. Что-то есть – буду думать. А пока отдам специалистам – пусть критику наведут. В любом случае спасибо – отдыхайте, устраивайте свои личные дела....

На этот раз Президент не предугадал неурядицы моей личной жизни, он их накликнул.

Откуда взялся этот проклятый инвалид? Впрочем, что я говорю – он жил в нашем доме на одной лестничной площадке с Дашей задолго до её приезда. Они общались ещё до её знакомства со мной. Даша недавно была на дне его рождения. Сама рассказала. Я и не ревновал: инвалид – какое может быть сравнение! А этот неходячий сверстник моей невесты переиграл меня в борьбе за её сердце по всем пунктам.

Загадали с Дашей: как только я закончу свой труд (Великую Национальную Идею), мы идём узаконивать наши отношения. После звонка Президента, я набрал Дашу по мобильнику.

– Всё, любимая, я твой на веки вечные.

В тот же день мы подали заявление в ЗАГС. В тот же день Даша сообщила своему неходячему приятелю, что выходит замуж. И в то же мгновение этот «огрызок» пошёл в наступление на наше счастье. Он схватил Дашу за руку, припал к ней губами, разразился стенаниями в потоках слёз. Клялся,

что любит, что жизни не чаёт и, наверное, тот же час с нею покончит.

Он был инвалидом от рождения. Его родители заняты бесконечными разборками – кто кому испортил жизнь. Да и не было у них средств лечить своего парня. Поэтому Даша стала единственным шансом. По большому счёту судить, он через неё подбирался ко мне, точнее, к моим финансовым возможностям. Но мы были тогда молоды и наивны. Мне тогда было бы проще откупиться оплатив ему новые ноги – несчастному помог и Дашу уберёг. Да кабы знать....

Она прибежала ко мне вся в слезах – наш брак погубит хорошего, несчастного, ни в чём не повинного человека.

– Не бери в голову: что-нибудь придумаем, – был мой ответ.

Но для дум на подобные темы меня в те дни просто не доставало. Обласканный благодарностями Президента, я плавился в лучах самомнения. Послание наше раскритиковали специалисты чуть-чуть по форме и не нашли изъянов в содержании....

Я был в эйфории.

– Билли, ты – гений.

– Мы – гении, Создатель....

Эйфория сыграла со мной злую шутку. Господи, как я проклинаяю себя за тот проступок. Всё бы отдал, чтобы не случилось того, что произошло. Но, увы, воробушек выпорхнул – и я потерял возлюбленную.

Шёл к ней. На площадке подъезда мой соперник в колясочке. Господи, убогий недолубок против фаворита Президента – какое сравнение!

Я склонился к его бледному остроносому лицу:

– Если ты, огрызок, будешь забивать голову моей девушке, я оторву тебе и руки. Просекаешь?

– Да, – пролепетал он, страх плескался в его глазах.

И вдруг лицо его напряглось, глаза постеклянели, тонкие губы вытянулись ниточками.

– Да пошёл ты....

– Что?!

Я легонечко встряхнул его коляску. Уверяю, чуть только коснулся. Далее всё произошедшее – его подлая импровизация. Потому что он видел то, чего не видел я – за моей спиной открылась подъездная дверь, и вышла Даша. А он опрокинулся вместе с коляской.

– Женя! – крикнула Даша и, оттолкнув меня, бросилась на помощь.

Я готов был сквозь землю провалиться и пятился к подъезду. Инвалид умело симитировал отключку сознания. Даша подняла его голову на свои колени, гладила лоснящиеся волосы:

– Женя, Женечка, что с тобой?

Она швырнула в меня мобильник.

– Убирайся! Видеть тебя не хочу.

Мой подарок летел в моё лицо. Я увернулся, и он разбился

о бетонную стену, брызнув осколками к ногам. Что оставалось делать? Упасть на колени? Просить у Жеки прощения? Это было не по силам. И я ушёл.

Упал дома на диван и не поднимался с него несколько дней. Конечно, не буквально понимайте. Просто лежал, отвернувшись к стене, и ничем не интересовался. Не слушал выступление Президента в Федеральном собрании. Его Послание транслировали все центральные каналы. О том, какой резонанс оно вызвало в обществе, какой шум пошёл по миру, рассказывала мама. Она держалась очень деликатно – не спрашивала, не советовала. Считала – время лечит любые раны.

– Если вам суждено быть вместе, вы обязательно будете, пусть даже в шаге от черты последней.

Легко маме рассуждать, а меня буквально коробило и плющило, колотило-лихорадило, стоило подумать, как безногий инвалид ласкает мою Дашу. Я ждал, надеялся и верил, что произойдёт чудо, и Даша вернётся ко мне. Звонил в дверь, которую открывала Надежда Павловна и строго отвечала:

– Даша, конечно, дома, но она не хочет вас видеть.

Я любил эту девушку безумно, но условности воспитания не позволяли врываться в квартиру, оттолкнув несостоявшуюся тещу, и требовать ответа. Впрочем, ответ был дан – вас не хотят видеть. Мучился и не знал тогда, как легко женщины переворачивают прочитанные страницы и идут навстречу

новым ощущениям....

События, между тем, развивались стремительно и непредсказуемо. Даша перепродала своё оплаченное право обучения в мединституте и на вырученные деньги увезла Жеку на Урал в Илизаровскую клинику.

От этой информации лопнуло терпение моей мамы. Она практически силой притащила к нам Надежду Павловну и устроила ей пристрастный допрос. Моя несостоявшаяся тёща была печальнее самой печали.

– Это у неё от отца, погибшего на таджикской границе. Он был готов отдать всё и саму жизнь ради товарищей.

Я вспыхнул:

– Стало быть, я – жертвенный материал? Меня в расход, чтоб хорошо было Дашиным приятелям?

По щекам сильной, строгой, суровой женщины Надежды Павловны потекли слёзы.

Мама топнула ногой:

– Оставь нас!

Ну и, пожалуйста!

Хотел хлопнуть дверью, но мельком заметил: обе женщины, обнявшись и уткнув лица в плечи, рыдали в два голоса.

Время шло....

– Надо жить, – сказала мама.

И я возродился к жизни. Вновь стал посещать тренировки. В понедельник взял гитару и спустился во двор. То, что поведала Жанка, повергло меня в шок. Меня «колбасило»

после этого ещё две недели. Буквально выл, рычал, кусал свои руки от собственного бессилия.

Перед отъездом Даша призналась Жанке, что беременна моим ребёнком, что очень любит меня, что Жека – это её гражданский долг. Она его обязательно вылечит и, если он захочет, выйдет за него замуж.

– Что ты бесишься? – наехала мама строго. – Поезжай, найди Дашу, вылечите этого парня и возвращайтесь домой.

– С инвалидом я не буду биться из-за девушки. Даже если эту девушку зовут Даша.

– Почему?

– Это мой гражданский долг....

Сел за компьютер.

Билли:

– Что за горе, Создатель?

Я поведал.

– Успокойся и спать ложись – что-нибудь придумаю.

Через пару дней Билли попросил оплатить вебсчёт. Сумма приличная, чтобы не поинтересоваться – для чего?

– Для чего?

– Жалко стало?

– Это ж половина Президентского гранта за «Национальную идею».

– Я имею на неё право?

– Конечно.

– Плати....

Перечислил деньги на указанный счёт, а назначение его узнал гораздо позже, когда вернулся с Курил. Но Вам расскажу сейчас.

Разыскал Билли Жеку в Елизаровке. И ещё фирмочку одну в Москве, подвязывающуюся на организации корпоративных вечеринок, дружеских розыгрышей и не дружеских тоже. К ней на счёт ушли мои денежки. И с некоторых пор в уральской клинике стала попадаться на глаза выздоравливающему Жеке одна известная артисточка. Роман меж них возник. И убежал наш куракин с новой дамой сердца на Кавказ. Правда, не тайком. Даше он открылся, глядя прямо в глаза:

– Не желаю связывать свою молодую перспективную судьбу с женщиной, носящей под сердцем чужого ребёнка.

Такие дела....

3

Циклон шёл широким фронтом с востока на запад вопреки всем правилам и нормам. Меня он спешил с самолёта в Новосибирске. Администрация аэропорта объявила о задержке всех рейсов как минимум на два дня, предложила список пустующих мест в городских гостиницах и даже автодоставку до них. Желающих приютиться в комфорте оказалось много, и ещё несколько самолётов было на подлёте.

Решил не конкурировать, а стойко перенести тяготы и лишения портовой жизни. Пообщался с Билли посредством ноутбука.

– Как дела?

– Собираю первичную информацию.

Зная обстоятельность своего помощника, не удивился набившему оскомину ответу. Нам поручено разработать план мероприятий преобразований конкретного региона России согласно тем задачам, которые поставил Президент Федеральному собранию, Правительству и всему народу. Для этого надо было изучить климатические особенности и сырьевые ресурсы, выявить рациональное зерно, в которое следует вкладывать средства, удалить всё наносное, затратное. Итоговым документом должно стать экономическое обоснование перспективного развития региона, то есть, сколько средств и на какие цели потребуется. Всё это вменялось мне

в обязанности, правда, на правах консультанта. Интересно также было посмотреть, как это будет получаться на практике.

По заданию Президента и собственному желанию летел на восток....

– Билли, чем Курилы будут процветать?

– Морепродукты, энергетика, туризм.

– Первое и последнее понятны. Энергетика?

– Неисчерпаема.

– ?

– Солнце, воздух и вода.

– Билли, ты чем так сильно занят – из тебя каждое слово приходится тянуть?

– Создатель, это ты сегодня тормозишь. Укачало в полёте?

– Давай по делу.

– Три тысячи часов в году светит солнце – лучевые батареи имеют право на жизнь?

– Имеют. Ветры дуют постоянно.

– И самая высокая в мире приливная волна.

– Огромная масса воды ежедневно туда-сюда, туда-сюда – грех не воспользоваться.

– Ожил, Создатель? Может, в шахматишки сгоняем, пока скучаешь, время коротаешь?

– Тебе нравится меня разделявать?

Эти слова, забывшись, произнёс вслух.

– Что? Что вы сказали? – рядом встрепенулся дремавший

в кресле мужчина.

– Ничего, – захлопнул ноутбук и отнёс его в камеру хранения.

Пообедал в ресторане. Вышел на свежий воздух, посмотреть, кто украл солнце? Прогрохотал, садясь, самолёт. Будто реверсивный след за ним – закружились облака. Ветер усилился. Вот он, накликаемый циклон. Снежные хлопья, ещё не касаясь земли, стеганули по зеркальным стенам, и они задрожали.

– Гладышев! Алексей!

Я обернулся. На ступенях аэровокзала приостановился мужчина с пакетом в руке. Что-то узнаваемое в изрытом оспинами щеках, сбитом на бок почти армянском носе.

– Не узнаешь? Я под дедом твоим ходил, в Управе...

Да, с этим человеком я где-то встречался. Возможно в ГРУ. Возможно в отделе деда, где немного поработал программистом.

– Какими судьбами? – он протянул руку. – Шпионские всё страсти? Не спешишь? Пойдем, поболтаем – вон мой мотор стоит. Сейчас снег повалит.

В машине:

– Так и не вспомнил?

Мы вновь сжали друг другу ладони и замерли, всматриваясь.

– Колянов я, Григорий. Ничего не говорит? Ну да, Бог мой, не загружайся. Я тебя знаю, знаю, кто твой дед. Из-за

этого старого перхуна и кувыркнулся на гражданку. Теперь такую. Представляешь, майор ГРУ десятки сшибает, развозя пассажиров. Дела, брат. Да я без обиды. На тебя, по крайней мере. Беляшей хочешь?

Я не хотел, но взял и стал жевать без энтузиазма – как бы чего не подумал.

Ему было лет сорок пять на вид. Возможно он майор, и служил в разведке. Возможно, мы пересекались где-нибудь в коридорах, но в делах никогда. Это я помнил точно.

– Служишь? – поинтересовался он.

Я пожал плечами – о службе не принято.

– Ну, дела, – это он о погоде за стеклом.

Из здания аэровокзала посыпал народ – пассажиры последнего рейса – кто на автобус, кто в маршрутки, кто в такси. К нам села пожилая парочка.

– В город, в гостиницу.

– Покатать? – спросил Колянов. – Поехали, чего тебе здесь париться?

На обратном пути машину занесло, задом выбросила на автобусную остановку. Под такси попал чемодан, его владельца сбilo бампером. Никто не пострадал: чемодан проскользнул между колёс, а девушка упала в сугроб. Мы подняли её с Коляновым, отряхнули, усадили в салон, потом он сползал за поклажей. Взялся за руль, а руки его заметно дрожали.

– Вот житуха, бляха-муха! Не знаешь, где сядешь, за что

и насколько. Ушиблись? Сильно? Может, в больницу? А куда? Довезу бесплатно.

Видимо не в сугробе – от выюги густые длинные ресницы приукрасил иней. Голос у девушки грудной, мелодичный, волнующий.

– Вообще-то мне в Лебяжье. Знаете? Село такое, сто сорок километров за город.

Колянов присвистнул.

– Могу и туда, но не бесплатно.

– У меня только на автобус денег хватит.

– Студенточка? К мамочке под крылышко? Вот она-то и доплатит. Едем?

– Едем, – тряхнула девушка головой.

– Ты с нами? – повернул ко мне голову экс-майор.

– Мне бы обратно.

– Обратно из Лебяжьего.

Город промелькнул огнями, тусклый свет бросавшими сквозь пургу. В поле стало жутковато. Свет фар укоротили снежные вихри. Ветер выл, заглушая шум мотора. В салоне было тепло, и Колянов поддерживал неторопливый разговор.

– Так, студентка, говоришь? На кого учишься?

– В инженерно-строительном.

– Курс?

– Четвёртый.

– Скоро диплом?

– Ещё практика будет, технологическая.

– Сейчас на каникулах?

– Да, сессию сдали и по домам.

– Отличница?

– Конечно.

Колянов бросал на девушку взгляды через салонное зеркало и улыбался. Я скучал рядом. Девушку не видел, в разговоре участия не принимал и думал, что в кресле аэровокзала с Билли на коленях (ну, правильнее-то – с ноутбуком) мне было бы уютней.

Прошёл час, прошёл другой. Ветер выл, метель мела, мотор рычал, прорываясь сквозь заносы. И вот...

– А чёрт!.. – выругался Колянов, когда его автомобиль впоролся в снежный бархан и не пробил его, задрожал на месте, истошно вереща мотором. – Всё, приехали.

С трудом открыл дверь и вывалился из машины. Пропал в темноте и снежных вихрях. Вернулся запорошенный, без стеснения ругался матом:

– Вперёд не пробиться. Будем возвращаться.

– Может толкнуть? – предложил я

– Сначала откапаемся.

Бывший майор выключил мотор и выбрался наружу. Вернулся, чертыхаясь пуще прежнего.

– Иди, толкай, внучок, попробуем.

С раскачки мы выцарапали машину из сугроба. Развернулись. Поехали обратно. Метель набила снегу во все щели

моей одежды. Теперь он таял, и мне было противно. Я злился на пургу, на Колянова, на своё безрассудное согласие покататься.

Испортилось настроение и у бывшего разведчика.

– Слышь, как тебя, платить думаешь?

– Люба, Любой меня зовут.

– Да мне плевать. Ты платить думаешь?

– А как я домой доберусь? У меня нет больше денег.

– Ты дурку-то не гони – мне твои гроши не нужны. Дашь мне и моему приятеля. А хошь, мы тебя вдвоём оттянем – студентки, знаю, любят это.

– Вон деревня, посадите меня. Я отдам вам деньги на автобус.

– Ты в ликбезе своём в уши дуй.

Колянов резко затормозил – я чуть не врезался в лобовое стекло – выключил мотор. Похлопал дверцами и оказался на заднем сиденье рядом с девушкой.

– Чего ломаешься, дурёха? Обычное бабье дело – тебе понравится.

– Отпустите меня, – плакала девушка. – Я в милицию заявлю. Вас найдут.

– Я тебе щас шею сверну – повякай ещё.

Он навалился, девушка визжала, пуговицы её верхней одежды трещали, отлетая. Я не мог больше молчать.

– Слышь, ты, полковник недоделанный, отпусти девушку.

– Повякай у меня, внучок, я и тебе башку заверну.

Я знал, на что способен майор ГРУ, оперативник, но оставаться безучастным больше не мог. Выскочил из машины, открыл заднюю дверь, сбил с его головы «жириновку», схватил за волосы. Ударил ребром ладони – метил под ухо в сонную артерию, да, видимо, не попал.

Он обернулся ко мне, зарычал:

– Уррою, сучонок!

Ударил его в лоб коротким и сильным ударом, тем страшным ударом, от которого с костным треском лопаются кирпичи. Показалось, хрустнули шейные позвонки. Майор тут же отключился, выбросив ноги из машины. Девушка выскочила в противоположную дверь, стояла в распахнутом пальто, без шапочки. Роскошные волосы трепал ветер. Она плакала, зажимая рот кулаком. Меня она тоже боялась и пятилась.

– Не бойтесь, – сказал. – Мы не приятели.

– Чемодан... чемодан в багажнике.

Рванул крышку багажника – оторвал какую-то жестянку. Со второй попытки замок багажника сломался. Подхватил чемодан.

– Бежим.

С дороги сбежали, а полем шли, утопая по колено в снегу. Темневшая вдали деревня приближалась, вырисовывались контуры домов. Где-то распечатали шампанское, потом другую бутылку. Я оглянулся. У брошенной машины чиркнули зажигалкой, и тут же хлопнула очередная пробка.

– Ложись!

Толкнул девушку в снег и сам упал рядом.

– Вы что?

– Он стреляет.

Лежать смысла тоже не было – подойдёт и прищёлкнет в упор. Поднялся и помог девушке.

– Идите впереди.

Закинул чемодан за спину – хоть какая-то защита. На дороге заверещал мотор. Кажется, уехал. Вот и деревня. Мы постучали в ближайшую избу. Сначала в калитку ворот – тишина, не слышно и собаки. Перепрыгнул в палисадник, забарабанил в оконный переплёт. Зажёгся свет. Из-за белой занавески выплыло старческое лицо, прилепилось к стеклу, мигая подслеповатыми глазами. Я приблизил своё, махая рукой – выйди, мол, бабуля.

Тем временем, из-за ворот крикнули:

– Кто тама?

– Дедушка, впустите, пожалуйста, – попросила моя спутница. – У нас машина на дороге застряла. Замерзаем.

Отворилась калитка ворот. Бородатый, крепкий дедок, стягивая одной рукой накинутый тулупчик на груди, другую прикладывал ко лбу, будто козырёк в солнечную погоду.

– Чья ты, дочка?

Я выпрыгнул из палисадника, протянул руку:

– Здравствуйте.

– Да ты не одна.... Проходите оба.

Старик проигнорировал мою руку, отступил от калитки, пропуская. На крыльце:

– Отряхивайтесь здесь, старуха страсть как не любит, когда снег в избу.

Но хозяйка оказалась приветливой и участливой старушкой.

– Святы-божи, в какую непогодь вас застигло.

Она помогла моей спутнице раздеться, разуться. Пощупала её ступни в чёрных колготках.

– Как вы ходите без суконяшек? И-и, молодёжь. Ну-ка, иди за шторку, раздевайся совсем.

Дамы удалились в другую комнату. Я разделся без приглашения. Скинул обувь, которую только в Москве можно считать зимней. Глянул в зеркало, обрамленное стариной резьбой, пригладил волосы. Протянул хозяину руку.

– Алексей.

– Алексей, – придавил мне пятерню крепкой своей лапой хозяин. – Петрович по батюшке. Морозовы мы с бабкой.

За шторкой ойкнула Люба.

– Что, руки царапают? Кожа такая – шаршавая. Ничё, ноги потерпят, а титьки-то ты сама, сама.

По избе пошёл густой запах самогона.

– Слышь, Серафимна, и нам ба надо для сугревчика вовнутрь.

– Да в шкафчики-то... аль лень открыть?

– Чего там – на полстопарика не хватит.

Однако налил он два чуток неполных стакана.

– Ну вот, вам и не осталось.

– Достанем, чай не безрукие, – неслось из-за домашних портьер, и меж собой, – Одевай-одевай, чего разглядывашь – всё чистое.

Алексей Петрович поставил тарелку с нарезанным хлебом, ткнул своим стаканом в мой, подмигнул, кивнул, выдохнул и выпил, громко клацая кадыком. Выпил и я. Самогон был с запашком, крепок и непрозрачен. В избе было тепло, но я намёрзся в сугробах и не мог унять озноб. А тут вдруг сразу откуда-то из глубин желудка пахнуло жаром. Таким, что дрожь мигом улетела, на лбу выступила испарина. Стянул через голову свитер и поставил локти на стол. Голова поплыла вальсируя.

Дед похлопал меня по обнажённому бицепсу.

– Здоровяк, а ладошки маленькие – не работник.

– Почему вы так решили?

– А вот сейчас проверим. Серафимна, ты думаешь кормить гостей?

Шторки раздёрнулись.

– А вот и мы, – провозгласила хозяйка, впуская мою спутницу в кухню. – Ну, какова? А поворотись-ка.

Люба растянула подол старинной юбки, покружилась и опустилась в реверансе. Всё это ей прекрасно удалось. Я смотрел на неё, широко распахнув глаза – спутница моя была прекрасна, несмотря на нелепый прикид. Кожа безупреч-

но стройных ног рдела – но это от растирания. Поясок юбки стягивал удивительно тонкую талию. Ситцевую кофточку высоко вздымали свободные от привычных доспехов груди. Глаза, губы, ямочки на щёчках, эта умопомрачительная улыбка....

Тряхнул головой, отгоняя наваждение. Нет, я не пьян, не настолько, просто девушка хороша – убеждал себя.

От Любаши не ускользнул мой восхищённый взгляд – взгляд открытый, чистого и честного парня. Возможно, я ей понравился тоже. А может, просто в избе больше некого было очаровывать – ну, не деда же, в самом деле, к тому же женатого. То, что ей нравилось покорять и очаровывать, понять можно было по искромётному взгляду жгуче-чёрных очей, лукавой улыбке, подвижным губам, которые, казалось, так и шептали – ну, поцелуй нас, поцелуй.

Красоту моей спутницы заметил и дедок. Он густо крикнул, разливая самогон из принесённый женой стеклотары:

– Вот за что хочу выпить – так за бабью красу. Помнишь, Серафимна, как за тобой парни табунились – всех отбрил. Сколько морд покровявил.... Ты чего жмёшься?

Прозвучало почти с угрозой. Я покачал головой и отставил наполненный стакан. Люба кольнула меня лукавым взглядом, подняла стопочку, чокнулась с хозяйкой и лихо выпила. Замахала руками, прослезилась глаза, но отдышалась. Выпила бабка. Выпил дед. Все смотрели на меня. Но я был неумолим.

– Не работник, – резюмировал хозяин.

Я погрозил ему пальцем:

– Торопитесь.

– Щас проверим. Ну-ка Серафимна, тащи гуська.

– Да он стылыйй.

– Тащи-тащи.

Из сенец доставлен был на подносе копчёный гусь – откормленная птица кило этак на пять.

– Съешь – пушу ночевать, нет – ступай к соседям.

Бабка ободрила:

– Да не слушайте вы его: напился и бузит.

Есть не пить – я отломил птице лапу – некуда ей теперь ходить.

Когда-нибудь ели копчёную гусятину? Вот и я в первый раз. На языке – вроде вкусно, на зубах – резина резиной. Пять минут жую, десять – проглотить нет никакой возможности. Выплюнуть да к соседям пойти, попроситься на постой? Смотрю, Люба к лапке тянется, наострила коралловые зубки свои. На, ешь, не жалко – спасёшь меня от позора.

Мы обменялись взглядами. Э, голубка, да ты захмелела. Не пей больше, а то возьму и поцелую. Впрочем, это мне надо выпить, чтобы насмелиться. У всех уже налито, а моя посуда и не опорожнялась. Я схватил стакан, как последнюю гранату – погибать так с музыкой...

Чёрт, зачем напился?

Закончили вечерять. Хозяйка с Любашей убрали со стола

и удалились в сенцы. Потом до ветра пошли мы с дедком. Я вышел в майке и ту стянул, не смотря на пургу. Растёрся снегом по пояс. Дед пыхтел папиросой и посматривал на меня с одобрением. Бросив и притоптав окуроч, хлопнул по голой спине:

– Уважаю.

Хозяйка:

– Я вам на полу постелила – не обессудь. Кровать сына, как погиб на службе, не расправляли – святое.

И всхлипнула. Дед кинул мне на плечо льняное полотенце.

В полумраке комнаты с трудом проявлялись контуры стола, кровати, двух стульев. На полу белела постель – где-то там лежала Люба... Я стянул брюки, носки – все, что было, кроме плавок – осторожно влез под одеяло. Холодным бедром коснулся горячей ноги – она вздрогнула.

– Спишь? Прости.

– Нет. Но только ты не приставай, – и обняла мои плечи.

Наши губы безошибочно нашли дорогу и слились в долгожданном поцелуе....

Потом мы уснули. Потом проснулись. За окном было темно, и выла вьюга. За шторкой густой храп накрывал чуть слышное посапывание.

– Нам завтра попадёт, – Любин шёпот протёк в моё ухо.

– За что?

– Тс-с-с... Постель мы замарали.

– Почему?

– Дурак. Я ведь девушка была.... Была, пока тебя не повстречала. Вот, что теперь делать? А вдруг ребёнок будет.

– Что делать... – я притянул Любину голову на плечо, чмокнул в нос, взял в ладонь крупную упругую грудь. – Жениться, вот что.

– Ага, – моя спутница глубоко вздохнула, стала пальчиком нарисовывать круги на моей груди вокруг соска. – Жениться.... Я тебя совсем не знаю.

– Если спать не хочешь, расскажу.

Мы шептались и ласкали друг друга, пока не почувствовали новый позыв страсти. Потом опять уснули.

День пришёл, вьюге по барабану – метёт, воеет и несёт.

– Отвернись, – сказала Люба и выскользнула из-под одеяла.

Я, конечно, человек воспитанный, интеллигентный, но.... Но она стояла спиной, и я подумал – зачем?

Девушка действительно была красива. Это не было пьяной фантазией. Особенно фигура – безупречна! Длинные стройные ноги, узкая талия и развитые бёдра с крутыми ягодицами. В личике присутствует определённый шарм – если полюбить, то краше и не надо.

– Вставай, лежебока, – Люба выдернула из-под меня простынь, в красных пятнах, скомкала, хлопнула по голове. – Кто-то жениться обещал.

А что, была, не была – я мигом, только штаны надену.

В конце концов, от добра зачем добро искать – девушка что надо, характер, чувствуется, неплохой. Пора жениться, Алексей Владимирович. Семья, дети – социальный долг обществу. Вон Даша ради долга гражданского всем пожертвовала. Эх, Даша, Даша....

Попили чайку. Хозяева по-прежнему приветливы, оставляют переждать непогоду, но спиртным не угощают.

– Где у вас власти заседают?

– По улице пойдёшь, мимо не пройдёшь – флаг тама.

– Ты со мной? – спросил Любу.

– Стираться буду, – укоризненный ответ.

Администрацию нашёл. Зашёл. Люди работают – ненастье дисциплине не указ. Хотя, какая работа – отбывают. Я вошёл – все глаза на меня. Показал пальцем на дверь с табличкой. Закивали – на месте. Постучал, вошёл, показал удостоверение Администрации Главы государства. Сельский Глава закашлялся.

– Чем могу служить?

– Брак зарегистрировать можете?

– То есть?

– Пожениться мы хотим....

– Когда?

– Сию минуту.

– Простите, есть определённые правила – сроки, прописка. Вы, как я вижу, человек приезжий.... А девушка ваша?

– А если будет звонок? Оттуда, – потыкал пальцем в по-

ТОЛОК.

Глава опасливо покосился на палец и потолок, промолчал, пожав плечами. Я достал мобилу. Она спутниковая – по барабану все расстояния. Набрал номер, в двух словах объяснил желание. Добавил твёрдо – мне надо.

На том конце коротко хохотнули:

– Ну, ты Гладышев, что-нибудь да отчебучишь. Наши поздравления. Есть кто рядом?

Я передал трубку местному Главе. Тот взял её кончиками пальцев, косясь с опаской.

– Да.... да.... да...

Потом назвал себя и опекаемое им поселение.

За окном надрывается вьюга. Мы молча сидим и смотрим на чёрный аппарат, который должен разразиться трелью и приказать хозяину кабинета объявить нас с Любой мужем и женой. Сидим, молчим, ждём. Мне надоело.

– Магазин далеко?

– Так это... здесь же – с обратной стороны.

Нашёл, вошёл, огляделся. Выбор не велик, но для села вполне приличен. Бросил взгляд в кошелёк – кредиткой здесь не размахнешься. Наличка ещё есть.

– Доставочку обеспечите – закажу много.

– А куда? – молодая располневшая продавщица была самообаяние.

– Вот если по этой улице пойти туда, с правой стороны последний дом.

– Так это Морозовых дом.

– Да-да, Морозовых.

– Родственник что ль?

– Не важно.

Загрузил в пакеты шампанское, коньяк, фрукты и конфеты. Остальное обещали донести. Вышел на крыльцо – Глава бежит, простоволосый, в пиджачке, как сидел.

– Позвонили, ... позвонили от самого губернатора позвонили. Где ваша невеста? Где остановились-то? Сюда подойдете или мы к вам?

– Вы к нам. Алексея Морозова дом знаете?

– Деда Мороза? Кто ж его не знает?

Свидетелями стали наши хозяева. Шокировало их не скоропалительность нашего решения, а суета и угодливость сельского Главы. Видать, не простые мы люди, раз он в дом примчался с печатью и книгой записей актов гражданского состояния.

Люба приняла всё, как должное, и бровью не повела.

Наутро Глава прислал свою Ниву, и конвоируемые бульдозером мы двинулись в Лебяжье. Впрочем, пурга начала утихать ещё с вечера. Ночью даже вызвездило, и тряпнул мороз. Утром ещё задувало немного, а потом брызнуло солнце.

Мы сидели на заднем сиденье и без конца целовались. Даже ночью моя молодая жена не была такой суперактивной. Обида кольнула сердце: она рада, что едет домой, едет не одна, с мужем – москвичом, красавцем, богачом, перед кото-

рым стелятся сельские Главы. И за сутки супружества ни одного слова о любви. Впрочем, и я не проронил. Обстряпали свадьбу, как коммерческую сделку. Вот мама обидится. Поймёт ли? Не поймёт и не простит – ей кроме Даши никто не нужен. Эх, Даша, Даша....

Новые родственники встретили меня без энтузиазма, прямо скажем, настороженно. Угостили, конечно. А когда теща стелила нам постель, так горестно вздыхала, что мне ложиться расхотелось. Утром, когда заскрипели на кухне половицы, Люба сбежала от меня в одной сорочке. Я не спал.

– Ну, рассказывай, дочь, – приказал густой бас.

Вскоре из кухонки послышались всхлипы. Лежать, слушать, терпеть всё это не осталось сил.

– Доброе утро! – моя приветливая улыбка растопила бы и снежной бабе сердце.

Родственники угрюмо молчали. Люба, подперев спиной печь, закусив нижнюю губу, чтобы не расплакаться, отвернулась к входной двери. Тесть сидел за столом, опустив могучие плечи и бороду. Тёща промокала глаза кончиком платка в углу под образами. Волчонком смотрел тринадцатилетний шурин.

Тесть, после тягостной паузы:

– Ты это, вот что, мил человек, собирай манатки и дуй отседова – не распознали мы в тебе родственника. Любка сглупила да одумалась. Так что, звиняй и прощевай....

Что тут ответишь? Чёрт, как мне с бабами-то не везёт!

Только стыд да головная боль от всех этих любовей.

Оделся трясущимися руками, шагнул к двери. Стоп. Что же я делаю? Обернулся. Ах, кержаки сибирские, мать вашу.... Лёшку Гладышева, советника Президента, в шею, как паршивого щенка пинком?

– А ты что стоишь? – рывкнул на жену. – Гонят, значит поехали.

Люба подняла на меня заплаканные глаза. В них – боль, страх, растерянность и... любовь. Да любовь – страсть, верность, обожание, благодарность. Так смотрит любящая женщина на своего мужчину. Так смотрела на меня Даша в дни нашего счастья.

Пауза. Тишина. Ходики на стене, как Кремлёвские куранты.

– Тебя за косу тащить?

И Люба сорвалась с места, кинулась в спальню, рискуя растерять на бегу груди. Чемодан хлопнулся на кровать, бейсбол полетело в него. Люба одевалась второпях – боялась, что уйду и не дождусь.

Первой очнулась тёща.

– Отец ты что? Ну, поженились – тебя не спросились – и пусть живут. Не пушу.

Она забаррикадировала собой дверь в спальню. Потом решила, что дочь ей так не удержать, бросилась ко мне.

– Ты прости нас, мил человек, не слушай старого хрыча. Не горячись, раздевайся, – она расстегнула куртку и вдруг

уткнулась носом в мой свитер и заплакала.

Я обнял её за плечи. Тесть встал и вышел, за ним щурячок – взгляд его не подобрел.

Понемногу страсти улеглись. Стали разговоры разговаривать, будто заново знакомиться.

– Так что, дочка, звиняй – не предупредила. Я к тому, что не готовы мы свадьбу тебе справлять.

Уяснив, о чём он, сунул руку в портмоне и выложил на стол всё, что имел. Для села это были большие деньги, очень большие. Все смотрели, как замороженные. Но Люба подошла и ополовинила их:

– Для застолья и этого хватит.

Началась суэта предсвадебная, родня понабежала. Столы крыли через две комнаты.

Люба, уловив минутку:

– Давай останемся: в Новосибирск сгоняем, купим кольца, платье свадебное мне, костюм тебе – куда ты так спешишь?

– Давай уедем, ведь я на службе – а кольца, платья по дороге купим.

– Ты сказал платья?

– Ага.

– Ты много получаешь?

– Достаточно.

– Сколько будешь выделять мне на наряды?

– Как любить будешь.

Люба чуть не соблазнила меня в переполненной избе.

В разгар застолья пробрался ко мне шурячок:

– Слышь, зовут тама....

Вышли за ворота. Несколько парней покуривают. Вида вобщем-то не воинственного. Ага, вот он, Вызывало. Парень крупный. С лицом топорной работы и в белых бурках – сельский модник.

– Ты что ль жених? Щас морду буду бить: Любка-то моя.

– Если я вам это позволю, – процитировал Дартаньяна.

Он шагнул ко мне, переваливаясь, как медведь, на кривых и крепких ногах. А я бочком-бочком в сторону, на оперативный простор. Кинул взгляд на зрителей – парни в прежних позах, ничуть не сомневаются в исходе поединка.

Он ударил. Но так неожиданно, что я чуть не пропустил удар. Ждал всего – левой, правой, в лицо, живот. А он ногою в пах.

На каждый удар есть с десятков контрприёмов – отрабатываются они до автоматизма. Шаг в сторону – нога летит мимо. Присел, подсёк – соперник мой хряпнулся на спину, утробно хлопнув внутренностями.

– Не ушибся?

Среди парней прокатился смешок. Цирк! Я готов был продолжать представление. А соперник в борьбе за руку моей жены вдруг сел и заплакал:

– Слышь, отдай мне Любку. Не знаешь, как я её люблю. Откуда взялся?

Разыскал глазами шурина:

– Сбегай, Санька, за водкой – откупную ставлю за Любашу.

Смышлёный мальчишка мигом вертанулся – бутылки нёс в руках, подмышками. Следом спешила Люба – нарядная, расстроенная.

– Только попробуйте.

Шагнул к ребятам, протянул руку:

– Алексей.

Парни здоровались, свёртывали пробки с бутылок, пили из горла, не закусывая. Люба гладила по голове моего соперника и приговаривала:

– Вовка, ты Вовка....

Он пьяно рыдал, размазывая кулаками по лицу слёзы и сопли.

Вот так, ребята, я женился.

Вообще-то хотел рассказать, что мы с Билли сотворили на Курилах, и отвлёкся. Однако думаю, если бы сказал только, что взлетел в Москве холостым, а появился в Южно-Сахалинске женатым, читателям вряд ли это понравилось. Всё равно потребовали объяснений. Тогда позвольте ещё пару фраз о личном, и приступим к делам государственным.

В Новосибирске мы задержались на два дня – уладили кое-какие дела в Любином ВУЗе. Были каникулы, но звонок из Кремля наделал шуму не только в деканате, но и в ректорате. Короче, когда мы поднимались на борт авиалайнера, в новом Любином кейсе лежал документ, гласивший о том, что студентка градостроительной кафедры направляется на технологическую практику в группу спецпредставителя Президента России Гладышева А. В.

В Южно-Сахалинске встретили с прохладцей. Губернатор отсутствовал – так, третьи лица окружения. Но мне не нужны ни оркестры, ни банкеты. Тихая комната и уединение – вот самые жгучие запросы. Увы, и это оказалось несбыточным.

Нет, на постой определили, с этим без вопросов. Но о каком уединении можно мечтать, если рядом молодая красивая жена и на календаре медовый месяц. С Любой, как услышала она мой профессиональный статус, вообще случился какой-то сексуальный припадок – она буквально не выпус-

кала меня из рук. По стопам ходила. Смешно и стыдно признаваться – в туалет стучала:

– Ты что так долго?

С другой стороны, чего ворчать – имеет право: ведь медовый месяц. Я всё подумывал: к чёрту дела, закрыться в номере на пару-тройку дней, устроить секс-марафон до выяснения – кто из нас попросит пощады?

В первую ночь на новом месте уснули вместе, а проснулся я после полуночи. Тихонько выскользнул из постели, ноутбук под мышку и в туалет. Вот так, верхом на унитазе началось Великое Преобразование Курил....

– Билли?

– Куда пропал, Создатель?

– Поздравь – женился.

– Поздравляю. Это как-то скажется на наших отношениях?

– Уже сказалось – бдеть будем ночами.

– Для меня понятий «день-ночь» не существуют.

– Тебе проще. Ну, ладно – к делу. Что имеем?

– Огромный дефицит информации. Поверь, Инет весь перетрясён не на один раз, что можно было – собрал. Теперь дело только за тобой. Даже не знаю, как справишься.

– Просто. Готовь служебную записку на имя губернатора Кастиль Эдуарда Эдуардовича. Завтра с флешки распечатаю. Создадим группу – пусть бегают.

– Нужны спутниковые снимки береговой линии остро-

вов. Это для строительства приливных гидростанций. Потом потребуются замеры глубин, образцы подпочвенного грунта. Всего более трёхсот пунктов. И это только по электростанциям. У меня есть образцы проектов – нужна привязка к конкретному месту. Заказывать лучше в Японии – качество и минимум транспортных расходов....

– Молодец, неплохо поработал.

– Постой, это же не всё.

– Да здесь я, здесь.

Билли продолжил монолог....

Дверь тихонько приоткрылась. Показалась заспанная Люба в прозрачном пеньюаре.

– А мне куда идти прикажешь?

Я подскочил. Люба положила руку на моё плечо:

– Дорогой, если тебе надо работать, работай в кровати – я мешать не буду, а уснуть без тебя не могу.

Когда жена вернулась в спальню, я сидел на кровати, по-турецки скрестив ноги, склонив голову к ноутбуку. Она чмокнула мою голую коленку, сунула руку в мои плавки и откинулась на подушку, лукаво поблёскивая чёрными очами. Я любовался её прекрасными формами под лёгким пеньюаром японского шёлка, вздохнул и повернулся к экрану монитора....

– Билли, что с жильём?

– Отдельно стоящие дома коттеджного типа – новая планировка, новые материалы. Жильё для специалистов

по принципу: максимум комфорта и никаких излишеств. Полная энергетическая и санитарная автономия. Первозданная природа сразу за окном. Транспорт – электромобили и только.

– Изобретатель!

– Оптимизатор – собрал имеющиеся идеи, обработал: в принципе ничего нового, в то же время – ничего похожего....

На другой день в приёмной губернатора.

– Эдуард Эдуардыча нет, – остановила меня секретарша.

– Мне назначено.

– Ждите, раз назначено.

– Время «ч» истекло минуту назад.

Секретарша пожала плечами. Я был уверен, что Кастиль на месте – обыкновенное чиновничье чванство, или провинциальная неорганизованность. Достал мобильник.

– Звоню в Москву?

– Подождите, – секретарша засуетилась, сама позвонила куда-то.

Через минуту в приёмную вошёл губернатор. Вошёл из коридора. Хлопнул меня по плечу.

– Заходи!

– Один будете слушать?

– Кто тебе нужен?

– Для выполнения президентского задания необходимо создать группу специалистов, в том числе и административ-

ного толка. Посмотрите вот список направлений, по которым требуется информация. А вот здесь её полный перечень, по каждому направлению. Это задача первого дня. Завтра он будет дополнен. Будем работать?

Кастиль откинулся в кресле, разглядывая сложенные передо мной стопки бумаги. Потом нажал кнопку селектора:

– Татьяна Ивановна, соберите народ.

И мне:

– Будем! Будем....

Засиделись до полуночи. Люди всё прибывали, скоро ступля пришлось заносить, но никому в голову не пришла мысль – перейти в зал заседаний. Народ разбился на кучки, растащили мою записку по листочку, читали, спорили, обсуждая, курили, выходили, входили, ничуть не стесняясь губернатора. Горячились, доказывая свою правоту.

Я понял – зацепило. Как когда-то Президента. Не всё ж за деньги, не всё ж за страх – иногда надо просто для души. Возможно, о чём-то подобном каждый таил мечту в душе со стародавних времён, и вот теперь....

Дважды звонила жена. На третий звонок вспылил:

– Знаешь, помощник представителя, где твоё место? Здесь. Люди работают, а ты в постельке прохлаждаешься. Шилом в Администрацию.

Заметил: если ворковать с Любашей – она мигом садиться верхом и тяжелеет шаг от шага. Но стоит прикрикнуть, притопнуть, лучше жены на свете не сыскать – и послушна,

и ласкова, и смотрит с неподдельным обожанием. Ей бы Вовку в мужья, алкаша-драчуна....

Милиционер, дежуривший внизу у дверей, вскоре привёл её, придерживая за руку.

– Вот, попытка незаконного вторжения.

– Кто такая? – дёрнул головой Кастиль так, что очки упали на стол.

Люба, руки по швам, по-военному отрапортовала:

– Помощник специального представителя президента России Любовь Александровна Гладышева.

Присутствующие развеселились.

Всё! Лёд тронулся. Споры прекратились, дебаты закончились – пришло время решений. Губернатор подписывал рождённые документы, присутствующие пили чай, расходиться не спешили.

Была создана консультативная группа числом в сорок человек, с правами привлекать необходимых специалистов, не вошедших в список. Почему консультативная? Губернатор настоял, напоминая мои права спецпредставителя. Да мне по барабану. Один только я знал, что завтра ждёт этих людей. Все они, и я, в том числе, будем на побегушках – «руками» водит Билли.

Нам выделили транспорт – грузопассажирское судно из гидрографической службы, катер на подводных крыльях и вертолёт. Уяснив предстоящую задачу, экипаж потребовал дублёров. Действительно, наша мехстрекоза глушила мотор

только на дозаправку. На ней на следующий день после совещания у губернатора вылетели на остров Итуруп – с него было решено начать.

Аквалангисты прыгали в воду прямо с вертолётa, чтобы достать образцы придонного грунта. Любу увлекла романтика моря, но я не мог позволить жене прыгать с неба в ледяную воду. Чтобы не ныла и не мешалась под ногами, поручил ей курировать вопросы социума – людей, не занятых в планируемых производствах, предстоит переселять, старые поселения сносить, строить новые, умные дома с компьютерным контролем над микроклиматом.

Люба вооружилась слайдами будущих строений и с двумя помощниками двинулась в народ – убеждать. И ещё – переписывать население.

За месяц мы исползали Итуруп вдоль и поперёк. Можно сказать, провели его тестирование на предмет:

– где и сколько приливных гидростанций можно поставить (при этом учитывался рельеф местности – никакие изменения в него не допускались)

– где и сколько ветряных электростанций можно поставить.

Это что касается энергетики. Исходили не из потребностей, а из возможностей.

– Лишней не будет, – заметил Билли и оказался прав, как всегда.

Солнечную энергию должны аккумулировать крыши по-

строек, по принципу – не пропадать добру. Строительство специальных площадок не планировали – лишние затраты.

Береговые отмели (пригодные) должны стать плантациями подводных культур флоры и фауны. На суше планировались производственные корпуса по их переработке.

Дни летели, а работе на одном только острове не было конца. Впереди – их целая гряда. Северные Курилы вообще ещё во льду. Начал впадать в панику. Прав был губернатор, говоря:

– Вы не представляете, за что берётесь....

– Билли!!!

– Согласен, работы здесь на десятилетия – но это практической. Через месяц мы закончим все расчёты.

– Не понимаю.

– Увидишь. Что с установкой спектрального анализа?

– Где-то на подходе – из Москвы уже вылетела.

– Выясни где, поторопи, дуй сам за ней – это очень важно....

С подключением к компьютеру новейшей установки спектрального анализа, заказанной Билли учёным Дубны, дела пошли вперёд семимильными шагами. Анализы делались быстрее и качественнее, причём делал их Билли сам. Но не это главное. Мой виртуальный гений, верный себе, по макету Итурупа создал математическую модель, которую адекватно отражал на все острова Архипелага. Нам не пришлось объезжать их все. Билли сделал снимки из космоса.

Причём это были не просто фотографии – отображения поверхности в потоках альфа, бета и гамма излучений. Таким способом спутники просвечивают недра, отыскивая полезные ископаемые и затонувшие корабли. Билли делал их с наших спутников, американских, европейских. Договорённостей ни с кем не было. Но разве это когда-нибудь останавливало его? Билли всегда жил по старинному принципу (от кого это у него?) – всё вокруг колхозное, всё вокруг моё.

Для рыбного хозяйства обновленных Курил спроворил установку, которая упраздняла наидревнейшую профессию Земли – рыбак. По крайней мере, парней в зюйдвестках с обветренными лицами на островах больше не будет. Их заменят компьютерные операторы в белых халатах, а может, в красивой униформе. Рыбные косяки под воздействием ультразвукового сигнала поспешат к приёмникам рыбозаводов. Здесь их сортируют: годные в переработку, мелочь назад. Рыбы черпается ровно столько – каков заказ. Работая над этой темой, Билли обокрал сразу три страны. У аргентинских учёных стянул наработки по дешифровке общения рыб в ультразвуковых диапазонах. Американцы, не ведая того, подарили ему идею распространять такие сигналы из одной точки на весь мировой океан. Японцы лишились монополии на автоматические плаврыбзаводы. Только наши заводы не плавали, им хватало работы на берегу.

Последние штрихи....

– Билли, что с лежками морских зверей?

– Станут зверофермами, с ультразвуком вместо клеток. Рыбу гоним на корм, как на рыбозаводы.

– Киты?

– Аналогично. Заманим в двенадцатимильную нашу зону, наладим искусственное производство планктона.

– Браконьеры, Билли?

– Спутниковое наблюдение. Нарушение погранзоны, провоцирует магнитный удар из космоса. Останавливается всё, даже часы. Якорь-цепь припаивается к клюзу, якорь к борту судна. Судно становится стальной болванкой, годной лишь для переплавки. Люди не страдают, только их корыстные интересы.

– Круто.

– Международная конвенция не запрещает.

– Не сомневаюсь, что идея магнитного оружия уже готова к воплощению.

– Правильно делаешь.

– Так что, доклад Президенту уже готов?

– В принципе.

– Какой фактор сдерживает?

– Человеческий.

– ?

– Специалисты, их быт, и что делать с незанятым населением?

– Для доклада можно и за уши притянуть.

– Самая затратная часть проекта – небольшая погреш-

ность тянет большие деньги.

– Отнесём в графу прочие расходы: по экономическим нормам – до 10—12%.

– Как скажешь, Создатель.

– Закругляемся. Пора дело делать, хватит считать....

Позвонила мама.

– Лёшка, здравствуй, что молчишь?

– Дела, мамуль.

– Я тебе говорила – Даша вернулась.

– Ты об этом каждый раз говоришь.

– И что ты думаешь?

– Что я должен думать?

– Она носит твоего ребёнка.

– Она уехала от меня с другим мужчиной.

– Любой человек имеет право на ошибку.

– Только не моя же.... женщина.

Хотел сказать жена, но жена у меня уже есть. Правда, мама об этом ещё не знает.

– На себя посмотри – ты идеал?

Ах, мамочка, как ты права! Я распоследний негодяй – соблазнил одну женщину, женился на другой. Что же делать-то?

Я молчал. Мама перевела дыхание.

– Когда приедешь?

– Теперь уж скоро.

– Ты думаешь мириться с Дашей?

– Не знаю.

– Мы с ней дружим. Она тебя любит. У вас будет дочка.

– Тогда я лучше здесь останусь, – буркнул, сам не знаю почему.

– Как мне иногда хочется дать тебе в морду, – сказала мама и отключила связь.

Я за ноутбук.

– Билли, нужен совет.

– К твоим услугам, Создатель.

– Ты можешь работать с Любой – это моя жена?

– А ты?

– Я улетаю в Москву, Люба остаётся куратором проекта – кто-то должен нести твои мудрости в массы. Только мне не хотелось, чтобы ты очень озадачивал её своим интеллектом. Зачем пугать девочку?

– То есть, сохранить инкогнито?

– Правильно. Попридержи лирику: вопрос – ответ, вопрос – ответ.

– Не беспокойся, Создатель, лети с миром.

– Ты меня будешь информировать о делах здесь творящихся.

– Всенепременно....

Чуть позже разговор с женой.

– Люба, доклад готов, мы с Костылём летим в Москву. Ты останешься курировать проект.

– Расстаёмся? – жена горестно вздохнула.

Мы лежали в постели в нашей каюте на транспорте. Люба рисовала круги пальчиком на моей груди.

– Ненадолго. Я что хочу сказать: в компьютере программа, подписана «Piligrim» – я завтра покажу. В ней вся информация проекта. Возникающие вопросы туда. Через неё и со мной можешь общаться, хотя по мобильнику мобильнее. Можешь свой курсовой перелопатить – программа творческая.

– Когда вернёшься?

– Думаю через неделю – пару дней на Президента, пару на Правительство. Маме надо показаться.

– Хочу с ней познакомиться.

– Успеешь – свекруха она и есть свекруха.

– Ты её не любишь?

– Почему? Хочу сказать – строгая она.

– Ой, боюсь, боюсь, боюсь.

– Справишься без меня?

– Да что делать-то – всю группу распустили.

– С населением работать.

– Справлюсь....

Жена у меня молодец: она даже на Сахалин не полетела.

– Долгие проводы – лишние слёзы, – её слова.

Обнялись последний раз на палубе. Я на вертолёт, она рукой помахала.

Всё. Прощай, Курилы!

О результатах моей работы докладывал Президенту гу-

бернатор Кастиль. И это правильно. Под документом стоит его подпись. В случае одобрения изложенного, ему распоряжаться средствами, отпущенными из Стабилизационного Фонда. А я кто? Консультант, лицо материально безответственное. Мы оба осознавали это и, пожав руки, расстались во Внуковском аэропорту.

Поехал домой, и надо было видеть, как шёл двором, косясь на Дашины окна. Как вздрагивал и прятал взгляд, вжимал голову в плечи, если вдруг казалось, что дрогнула штора. Чего боялся? Да по большому счёту, самого себя. Грех тащился за моими плечами. Грех жёг мне сердце отметкой паспорта в графе «Семейное положение». А Даша? Даша разве безвинна предо мной?

В квартире было пусто. Пошарил в холодильнике, пожевал чего-то и лёг, не раздеваясь. Спал, не спал, дремал, не дремал – томился ожиданием. Вот щёлкнул ключ в замке. Лёгкие шаги в прихожей – мама. Что-то держит меня на диване. Мама подходит не слышно, шёпотом:

– Лёша, спишь?

Легонько касаясь, целует меня в ухо. Не оборачиваясь, ловлю её руку, целую и тяну под щёку. Мама садится рядом, гладит мои волосы.

– Намотался? Пойдём куда-нибудь обедать.

– Приготовь дома.

– У меня пусто в холодильнике.

– Яичницу.... А лучше, закажи пиццу на дом.

– Даши боишься?

– Боюсь. И себя боюсь. Будущего боюсь, прошлого боюсь.

– На службе всё хорошо? Ну, тогда не заводишь: главное вы с Дашей живы и здоровы, рядом – всё будет хорошо.

Второй день дома, второй день никуда не выхожу. Мама позвонила Даше в первый вечер:

– Приехал.

– Жив, здоров? Всё в порядке? Привет передавайте.

– Ты не хочешь к нам зайти?

– Нет, спасибо, не сейчас.

На следующий день мама позвонила Надежде Павловне:

– Надо что-то делать.

– Надо чтобы они встретились. Надо устроить эту встречу.

– Правильно. Посылай Дашу куда-нибудь через двор, я – Лёшку в магазин.

Так состоялся Великий и Коварный Заговор против наших с Дашей сомнений и за наше счастье.

Мама наехала, хлопнув по заднице пакетом:

– Хватит валяться – дуй за картошкой.

В овощной дорога мимо Дашиных окон. Иду как вчера – сутулясь, прячу взгляд и не спускаю его с Дашиных окон. Хлопнула подъездная дверь, а я всё наверх пялюсь. Опустил взор и увидел Дашу. Она мелькнула и скрылась за акациями. Я остановился. Вот она вышла на дорожку. Идёт, меня не замечая, о чём-то думает.

Да, беременность не красит женщин, по крайней мере,

не украшает. Не та стала походка. Лицо, шея похудели, руки тоже. Живот торчит, ногами чуток замедляет. Вот глаза по-прежнему красивые и огромные, но это возможно из-за тёмных кругов под ними....

Всё, увидела!

Даша увидела меня и замедлила шаг. В глазах замесались растерянность, страх, радость, боль – калейдоскоп чувств. Она шла прямо на меня – правда, каждый следующий шаг давался ей с большим трудом, чем предыдущий.

Как поступить? Ждать, что будет? Сказать: «Здравствуй, Даша»? Шагнуть в сторону, уступая дорогу?

Меня уже лихорадит. Чёрт!

Даша шла, шла, шла.... Я стоял и смотрел на неё. Глаза её затуманились, закрылись, ноги подкосились, и она упала в мои объятия.

Наши мамы, прячась за шторы, следили за нами из окон, прижимая мобилы к ушам.

– Дашенька! – воскликнула Надежда Павловна и бросилась из квартиры вон.

– Молодец, девочка! – сказала мама и поспешила нам навстречу.

Но я миновал их. Нёс Дашу на руках, на этаж поднялся в лифте. Вошёл в квартиру, положил любимую на диван, встал возле на колени. Следом наши мамы. Надежда Павловна врач, меня оттолкнула, пульс щупает на руке, на шее, кофточку расстегнула, приложила ухо к груди.

– Лёша где? – тихо спросила Даша.

Теперь я тесню Надежду Павловну, проторенным путём целую руку, шею, грудь.

– Даша! Даша! Даша!

Меня бьёт колотун. Слезы бегут сами по себе. Даша давит их пальчиком на моих щеках. Мама, обняв Надежду Павловну, уводит на кухню. Потом мы приходим туда. Даша усаживается за стол, придерживая живот обеими руками:

– Простите, запнулась и вас напугала.

– Бывает, бывает, – торопится согласиться мама.

Потом начинается делёж – делят Дашу.

– Я – врач, – напоминает Надежда Павловна.

– А я с завтрашнего дня в отпуске, – заявляет мама, – и Лёшка дома.

– Да что она сиротка по чужим квартирам ютиться?

– К чёрту условности – надо думать о здоровье дитя и мамочки. Даше нужен уход и присмотр.

Спор нескончаем. Мама любит Дашу, это все знают. Теперь она девочку отсюда не выпустит – столько ждала счастливого момента.

– А ты что молчишь? – толкает меня. – Где должен быть твой ребёнок?

– Со мной.

Даша молчит. Мама победно смотрит на Надежду Павловну:

– А вас, товарищ доктор, прошу на осмотры не опазды-

вать – сразу после работы к нам.

Даша ночует у нас – у неё появилась своя комната. Мы все вместе притащили необходимые ей вещи. Вечером сижу возле её ложа, рассказываю про Курилы. Мама по коридору шмыг туда, шмыг сюда.

Не вытерпела:

– Эй, молодёжь, пора расходиться.

Мы целуемся на прощание, и расставаться нам не хочется. Легонько щекочу Дашин живот. Ей нравится.

Мама входит:

– Скалку взять?

Узурпатор. Диктатор. Домострой. Салтычиха. Кабаниха. Пиночет. Пол Пот....

– Билли, как дела?

– Нормально.

– Твой план одобрен Президентом.

– Уже знаю.

– От кого? Ах да – Инет. Как Люба?

– Справляется. Закончили отчёт по практике, замахнулись на диплом – толковая девчонка.

– Билли, ей нельзя в Москву. Надо что-то придумать.

– Думай....

И я придумал. Позвонил Главе Администрации Президента.

– Хотел с Вами посоветоваться – можем ли мы решить один вопрос, не беспокоя патрона.

– Смотри, какой.

Я объяснил в двух словах.

Мой собеседник, подумав:

– Давай не по телефону – подъезжай вечером ко мне в берлогу.

«Берлога» руководителя президентской Администрации ютилась в Рублёвке. Он забыл о моём визите и не заказал пропуска. А может, это сделано нарочно – кто их, политиков, разберёт. Позвонил с КПП, уладил формальности. Этот инцидент вновь заставил задуматься о правильности предпринимаемого шага, но отступить поздно.

Беседка очень напоминает уже известную. Сидим. Беседуем. Мой визави – чиновник до мозга костей, чиновник с большой буквы, большой знаток официального протокола. Он так давно на государственной службе, что даже в домашнем халате олицетворение её самой. Но достаточно умён, чтобы интриговать против фаворитов Президента – можно просто собрать негатив и держать под прицелом. Я всё это знаю и, тем не менее, сам принёс ему компроматы на себя. Потому что ни он, ни Президент по большому счёту мне не нужны. Я им нужен – по крайней мере, второму.

Суть моей просьбы – назначить Любу на моё место, спецпредставителем Президента на Курилах.

– Хочешь удержать жену на островах – я правильно понимаю?

Он всё правильно понимает.

– Отчего же, сделаем. Завтра пошлю курьера на Дальний Восток с соответствующим назначением и предписанием госпоже Гладышевой – ежедневный отчёт о состоянии дел по проекту. Она не сможет вырваться с курящих островов. Чем думаешь заниматься?

– Ухаживать за женой – у неё тяжело протекает беременность. Надеюсь, за два года работы заслужил право на отпуск?

– Заслужил, заслужил. А сколько у тебя жён?

Посмотрел ему в глаза и твёрдо сказал:

– Пока две.

На, жуй свой компромат!

Первый чиновник Кремля хмыкнул:

– Завидую.

Через два дня он позвонил.

– Твоя просьба реализована – Любовь Александровна введена в штат Администрации и исполняет обязанности спецпредставителя на Курилах.

– Спасибо.

Ещё через день позвонила Люба.

– Что с тобой? Ты здоров? Мне передали твои полномочия.

– Вникай. Считай это делом ближайших лет. Разве не интересно?

– Ещё как. Но как быть с учёбой? Защититься хотела досрочно. С тобой-то что? Когда приедешь?

– Влезаю в новую тему (вру). Пока приехать не могу (это правда). Люблю и очень скучаю (не поверите – и это правда)

Кастиль улетаю, захотел увидаться.

– Всё хорошо, Гладышев, всё хорошо. Твой проект принят на «ура». Начнём шуровать, как только пойдёт финансирование. Всё хорошо, но две проблемы. Ты меня слушаешь? Слушай меня, Гладышев. Курилы – это ещё не вся область, есть ещё Сахалин. О нём-то ты забыл. На архипелаге будет новый век, а там – старый. Не хорошо это. В экономике перегиб, раздразни в умах людей. Подумай об этом, Гладышев, крепко подумай. Я знаю, ты что-нибудь придумаешь.

Потом огляделся подозрительно, наклонился к моему уху, зашептал:

– Ты ведь мне яму роешь, Гладышев. Я выпускник ракетно-космического факультета, а вся идея в море упирается. Попрут меня, не сегодня так завтра, попрут, как пить дать. Оставь мне хоть прекрасный остров Сахалин, Гладышев. Очень прошу.

– Подумаю, – вяло обещал.

Кастиль мне стал неприятен. Вроде неплохой мужик, деловой. Чего они за власть так цепляются? На мой взгляд – нет ничего скучнее, сидеть в кабинете и каждый день видеть одни и те же льстивые лица.

Разговор продолжать не хотелось, сменил тему.

– Кто будет юридическим исполнителем проекта?

– Президент говорит, создаётся открытое акционерное общество «Океан» с контрольным пакетом в руках государства. Это общество и принесёт конец губернаторской власти.

– Почему?

– Так не будет там населения, как такового – все сплошь сотрудники одной компании....

Направляясь к турникету, Кастиль повторил:

– Помни, Гладышев, о Сахалине.

Мамы дома не было. Мы целовались с Дашей на её ложе. Начал ласково раздевать её, а она не сопротивлялась. Раздел. Разделся сам, лёг рядом. Прижался животом к её животу.

– Не надо, – попросила Даша и закрыла глаза.

Конечно, не надо. Бедная моя Даша, ты опять готова жертвовать собой. Ради меня, ради ребёнка.... Ради кого?

– Нет, – прошептал, целуя её глаза. – Ты всё не правильно поняла. Я хочу создать семью.

– Как это? – Даша уставилась на меня.

– Сейчас мы – одно целое. Ты, я, она. Я чувствую, как дочка шевелится у тебя в животике.

Это была правда. Толчки из Дашиного живота передавались на мой кишечник через панцирь мускулов. Я их чувствовал отчётливо и действительно считал нас единым целым.

Даша хихикнула, щёлкнула меня по кончику носа и туда же поцеловала. Мы долго лежали, внимая кувыркам нашей дочери, и уснули.

Вечером мама на кухне:

– Вы с ума сошли оба?

Даша испуганно:

– Нет, нет, у нас ничего не было. Мы семью создавали.

– Как это? – мама долго думала и сделала вид, что поняла. – И что, получается?

Вечером прижучила меня в моей комнате:

– Советник, ты жениться думаешь – девочка извелась вся?

Эх, мама, мама, знала бы ты, как я-то извёлся....

– Билли, есть тема.

– Само внимание, Создатель.

– Кувыркнись через голову, но докажи, что Сахалин – лучшее место для космодромов и вообще ракетно-космической промышленности.

– Что-то новенькое, Создатель. Может, сначала проверим пригодность на все аспекты?

– Хоть запроверяйся – результат должен быть именно таким.

– Тем не менее.

– Твоё дело.

– Что по срокам?

– Пока терпит. Как Люба?

– Девочка старается, молодец. Ты, Создатель, планируешь ей отставку?

– Не твоё дело.

– Грубо. Отвечу тем же – когда тебя не станет, буду рабо-

тать с Любой.

Люба позвонила:

– Знаешь, что удумал Эдуард Эдуардович? Никогда не догадаешься – он пригласил наше кафедральное руководство в Итуруп на защиту моего диплома. Представляешь, буду защищаться досрочно да ещё на самой стройке. Кастиль сам грозитя возглавить приёмную комиссию. Ты приедешь? Ведь защита! А когда? Эх, ты. Я люблю, скучаю, жду не дождусь. Твой «Piligrim» – прелесть. Ты его запатентовал? Зря, утёр бы «Майкрософту» нос. Всё, целую....

Мама за дверь, Даша зовёт:

– Айда семью создавать.

Разденемся и в постель. Лежим, прижавшись животами, внимаем дочери.

– Ты знаешь, – говорю, – хочу примириться с отцом: нехорошо как-то мы расстались.

– Это правильно: в жизни так много напастей, что самим их создавать – просто нелепо. Близкими людьми надо дорожить.

Милая моя Даша, как скоро ты стала мудрой.

Отец откликнулся на моё желание встретиться. Когда мы приехали с Дашей в парк, он уже гулял там со своим маленьким сыном – моим сводным братиком. Ничего малыш, шустрый. Пожал мне руку, взял у Даши сладкий батончик и заявил:

– Лёша холоший.

Бобчинский победно на меня взглянул. Он здорово сдал со дня последней встречи – мешки под глазами, щёки оплыли, руки трясутся и затравленный взгляд. Пьёт, подумал я. Даша с малышом пошли на горку, мы присели за столик. Он взял мою ладонь в свои влажные руки.

– Это хорошо, что ты позвонил. Я сам давно мечтал об этой встрече, да всё никак не решался. Ты любишь меня, сын?

Я кивнул:

– Ты мой отец.

– Обещай, что после моей смерти, не оставишь заботами своего брата.

– Ты собрался больно рано.

– Ничего не поздно – дни мои сочтены. Я знаю.

– Перестань выдумывать. Ты как живёшь, средств хватает?

– Не о них речь. Меня отравили.

– Кто?

– Твой дед. О, это страшный человек.

– Дед? Зачем? Чем тебя траванули?

– Радиоактивным изотопом – современный яд шпионов.

– Ты у психиатра давно был?

– Не веришь?

– Не верю.

– Помру, согласишься? Пообещай, что брата не оставишь.

– Обещаю....

По дороге домой, Даша спросила:

– Как он?

– Спился.

– Жалко мальчика – хорошенький.

Дома Билли:

– Создатель, ты – провидец. Именно для космических за-
тей создала Земля сей замечательный остров. Доклад готов –
подставляй ладони.

Зашелестел бумагой принтер....

Дашу увезли около полуночи. Мы с мамой долго сиде-
ли на кухне за чаем, потом разошлись по своим углам.
Но не спалось. Снова сползлись. Переживали молча. Говори-
ли тихо и немногословно. К утру задремал в кресле у телеви-
зора. За открытым окном хлопнула дверь такси, и я проснул-
ся. Пока разлепил глаза, пока привёл в порядок мысли, со-
образил, где я и почему, послышался голос Надежды Пав-
ловны. Не успел из кресла выбраться, в комнату впорхнула
мама:

– Вставай, отец-подлец, дочка у тебя, Настенька.

Анастасией зовут и мою маму.

5

Две недели спустя позвонил Костылю:

– Доклад готов. Вылетаю.

В этот раз губернатор лично встречал в аэропорту. Шёл навстречу, распахнув объятия. Но Люба опередила его, выпорхнула из-под руки и бросилась на шею. Поцелуй наш затянулся. Кастиль ждал-ждал, махнул рукой, повернулся и пошёл обратно. Следом свита.

В наш номер принесли протокол дня:

– чтение доклада

– обсуждение

– и т. д. и т. п.

– банкет

Я наискось размашисто написал: «Три дня не беспокоить»....

На этот раз Билли превзошёл самого себя. Доклад был полный, конкретный, с массой приложений. Всё просчитано до мелочей. Четыре космодрома, все необходимые производства, центры – управления полётами, подготовки космонавтов, научных космических исследований. Всё оснащено по последнему слову мировых технологий. Билли остался верен себе – никаких ДВС, весь транспорт на острове электрический. Источники её (электроэнергии) уже известны – солнце, воздух, вода и.... Вот тут-то и таилась изюминка.

Отойдя от правил, Билли запланировал аннигиляционную электростанцию в центре Сахалина: всё-таки много допусков в стихиях, а их не должно быть, где царит точная наука. Предложил использовать в качестве топлива самый доступный материал – бытпромотходы. В приложенной пояснительной записке раскрывались принцип и сама установка, приводящая в неравновесное состояние любое вещество, стимулирующая цепную реакцию ядерного деления. В результате материя без остатка переходит в энергию. Это открытие, скажу я Вам, на грани фантастики – значение и масштабы перспектив его трудно переоценить.

На исходе третьих суток нашего с Любой марафона Костыль позвонил:

– Гладышев, ты сам-то читал, что написал?

Нет, не читал – избаловал меня Билли своей непогрешимостью.

– Что произошло, Эдуард Эдуардович?

– Ты бы ещё в газетке это напечатал.

– Для чего?

– Вот и я говорю – для чего. Ты что неучем прикидываешься, советник? У тебя почти вся глава об энергетике и приложение к ней – строжайшая государственная тайна. Ты где эту идею подсмотрел?

Я не понимал, о чём идёт речь, и на всякий случай буркнул:

– В женской бане.

– О! Достойный ответ на неумный вопрос. Когда выходные кончатся думаешь?

– Завтра, думаю.

– Жду у себя....

На следующий день в кабинете Сахалинского губернатора.

Он положил передо мною изъятые из доклада страницы:

– Что это?

Но я уже был готов по теме.

– Дарю идею.

Этого Кастиль не ожидал. Он пожевал нижнюю губу, размышляя.

– Чревато.

– Другое предложение: отдайте авторство в Центр ядерных исследований, при условии, что они переедут на Сахалин, или откроют у вас филиал.

– Ты, Гладышев, чокнутый. Но, видимо, на таких и держится наука....

Костыль попросился на приём к Президенту и улетел на следующий день. Люба собралась к себе на Итуруп. Уговорил её остаться ещё на пару дней – там дела, там нам будет не до любви....

Лежим в постели в своём номере. Вдруг Люба села.

– Гладышев, хочу стать президентом компании.

– Какой компании?

– «Океан».

Наморщил лоб, всем видом выражая, что не сведущ в вопросе.

– Не притворяйся – ты знаешь, о чём речь. Поговоришь с Президентом?

– Вот что угодно только не это – ни за себя, ни за тебя начальство просить не буду.

Лицо Любаши напряглось, в глазах растаяла нежность.

– Ты меня не любишь.

– Парирую тем же.

Жена моя вздохнула и отвернулась, положила голову на колени – Алёнушка на берегу пруда. У неё лодыжки Нефертити. Я подсунул голову под её согнутые колени и начал целовать их (лодыжки). Целую и глажу, целую и глажу.

– Родная, зачем тебе эти заморочки? Давай лучше ребёночка заведём, а?

Люба раздвинула колени и сунула мне кукиш под нос.

– Вот тебе ребёночек.

Она спрыгнула с кровати и начала одеваться.

Грубо. Я обиделся. Лежал и наблюдал, как она собрала вещи и вышла. Вы представляете: ни в ресторан – горе залить, ни на почту – мамочке отписать. Села на вертолёт и улетела на Итуруп. Женщина! Представитель Президента! Мне бы её характер. Я что – хлюпик, неженка, маменькин сыночек. Мне бы сесть в самолёт да в другую сторону – к Даше, Настеньке. А я сел на каботажное судно и поплёлся следом.

Неделю Любаша моталась по архипелагу, а я в одиноче-

стве лежал в её доме на её кровати. Когда душевное напряжение достигло критического накала сел за компьютер....

– Билли, это ты Любу накручиваешь?

– О чём ты, Создатель?

– Откуда у неё такие амбиции?

– Природой заложены.

– Снюхались?

– Я играю в пределах оговорённых правил.

– Колись, Билли, что вы затеваете?

Впервые на мониторе заминка с ответом.

– Читай.

Это был доклад на коллегия Министерства национальных программ. Предложение по развитию туристического бизнеса на Архипелаге. Это был довесок к общему плану экономического преобразования Курил. Но Кастиль спешил, и мы с Билли оставили главу на потом. Теперь она подписана, как автором, спецпредставителем Президента Гладышевой Л. А.

– Распечатай, – приказал я и стал ждать, полный мрачных мыслей.

Люба вернулась домой поздно вечером в субботу. Сказала: «Привет» и в ванну. Вслед за плеском воды послышалось её пение. Я ходил под дверью, нагоняя злости, представлял: ка-а-ак шас...

Пахнувшая благовониями жена появилась в пушистом халате, на голове тюрбан из полотенца. Села перед туалетным столиком. На него я и бросил принесённый из кабинета до-

клад.

– Это что?

Люба подняла на меня чёрные глаза полные гранитного блеска и заявила:

– Я лечу в Москву.

Вдруг понял, что сейчас мы наделаем глупостей, наговорим гадостей и разрушим всё, что вместе строили. Промолчал, развернулся и ушёл спать. Жены со мной в эту ночь не было.

Любе нельзя лететь в Москву. Нельзя выступать с докладом в столице. Представляете: успех (а он гарантирован), пресса, и мамин вопрос:

– Кто это Гладышева Л. А., спецпредставитель Президента по национальному проекту?

Что-то надо предпринять. Ждал утра, а когда взялся за трубку, вспомнил, что надо ждать ночи – разница-то во времени о-го-го....

– Слушаю тебя, Гладышев, – на том конце.

– Моя жена собирается в Москву на коллегию министерства....

– И?

– Думаю в ваших силах отправить гору к Магомеду.

После полуминутного молчания:

– Подскажу эту мысль Президенту.

– Уж будьте добры....

Всё получилось, как задумал. Министр со своей братвой

прилетел на Курилы. Сначала, конечно, в Южно-Сахалинск, а оттуда на военно-транспортном вертолётё на Архипелаг. Следом Кастиль, тоже из Москвы, напрямик от Президента. Меня увидел, подмигнул, хлопнул по плечу:

– На пыльных тропинках далёких планет останутся наши следы.

Всё понятно. И понятно, почему в прессе шума не было – засекретили доклад от заголовка до подписи автора. Космодромам на Сахалине быть!

Люба по турбизнесу «отстрелялась» на все шесть. Возила московских чиновников по островам, показывала фермы морских зверей, подводные плантации, детища свои (Билловы, конечно) – умные дома Курильского исполнения.

Кастиль появился вовремя: гостей надо угощать. Представьте необитаемый остров, бухта, песчаный пляж, шашлыки, столы, ломящиеся экзотическими яствами и русской водкой. Люба – единственная женщина в компании. Естественно все тосты, всё внимание ей.

Она вдруг встаёт:

– Анатолий Иванович (это министр национальных программ), посодействуйте – хочу стать президентом акционерного общества «Океан». Да-да, той самой, кому всем этим владеть.

У московского гостя челюсть отвисла.

– Bravo, девочка, молодец! Двумя руками «за», – подхватился со своего места Кастиль, погрозил азартно пальцем. –

Не всё вам, москвичам, купоны стричь. И до купонов тут ещё – ой-ой-ой – пахать да пахать.

Министр, запинаясь:

– Я, конечно, высоко ценю ваш вклад в развитие края. И доклад ваш замечательный, но.... Но такие документы подписывает Президент.

– А вы их ему готовите, – настаивала Люба. Она стояла с рюмкой в руке, красивая, гордая, неукротимая. Тогда впервые подумал, что она очень похожа на маму.

Министр мялся, никто из свиты не спешил ему на помощь. Он посмотрел на меня, потом на Любу – советник Президента, его представитель. Не простые же люди, не с бухты-барухты. И-эх, раз пошла такая пьянка....

Он махнул рукой:

– Согласен.

За столом заплодировали, раздались крики «Гип-гип, ура!», звон бокалов. Кто-то крикнул: «Виват Россия!». И снова – ура! И я кричал «Ура!». Всегда готов за Россию – никогда за личности.

Потом начались забавы – танцы на песке, национальная нанайская борьба. Притащили с «Крылатого» (это Любин катер) канат, и местные во главе с могучим Костылём трижды перетянули московскую команду. Разогревшись интеллектуальным ристалищем, захотели купаться. Люба поднялась на борт, переделась, прыгнула с него. Вышла на берег в белом купальнике – в капельках воды искрилось солнце.

– Афродита!

Пьяные мужики с ума посходили – бросились на колени молиться: «О, божественная!». Некто полз по следам, завывая: «Я готов целовать песок, по которому ты ходила...». Министра нарядили Нептуном, Любу усадили рядом – царицею морской. Свора водяных фавнов рыскала по берегу и по приказу морского царя тащила в воду всех невесёлых – даже одетых.

Когда стало смеркаться, гостей покидали в вертолёт и увезли. Люди губернатора на два раза обшарили прибрежные кусты и валуны – не дай Бог, кого оставили – и тоже улетели. Экипаж «Крылатого», и мы с женой заночевали на острове.

Отдыхать ушёл раньше, оставив Любе хлопоты с выпроваживанием гостей – в конце концов, они её. В крошечной темноте каюты услышал шорох.

– Лёш, пойдём купаться голышом.

Поднялся, шагнул на ощупь и попал в её объятия. Она уже была голышом.

– На ручки хочу, – заскулила.

Поднял, выбрался на палубу, наклонился за леера:

– Купаться?

Она вцепилась в мою шею:

– Вместе, вместе...

И я прыгнул в воду с нею на руках. Потом мы занимались любовью на песке. Потом вспомнил, что на катере есть

прибор ночного видения с двенадцатикратным увеличением. Подхватил Любу на руки, всполоснул в воде и унёс в каюту....

Позвонил Президент:

– Ты где?

– На Курилах.

– Л. А. Гладышева кто тебе?

– Жена.

– Думаешь, справиться с компанией?

– До сих пор справлялась.

– Хорошо, подписываю под твою ответственность. Надолго там?

– Есть работа?

– Когда её не было. Давай доотдыхивай и приступай к Камчатке. Время, как говорится, вперёд!

У меня трещина в ребре. Уж лучше бы перелом – и срастается быстрее, и болей меньше. Шмякнулся на северном склоне Ключевской Сопки. Поскользнулся, за уступ не удержался – и бочиной прямо на гольцы. Увы, законы всемирного тяготения писаны и для мастеров айкидо. Чёрт меня дёрнул туда лезть.

Чёрт вообще задумал эту поездку – перспективы полуострова видны были из окна нашей московской квартиры. Но мама с Дашей и Настюшей уехали в Крым. Там у нас дальние-предальние, но очень хорошие родственники, а у них усадьба с видом на Ай-Петри. Я ещё пацаном грозился за-

лезть на самую верхотура. Ну и полез, на другом конце Земли. И шмякнулся. И взвыл от боли.

Постучал в мобилу. За мною вертолёт. С вертолёта на самолёт. С самолёта на неотложке в ЦКБ. Вернулся быстрее, чем добирался. А был на Камчатке без малого три дня.

Изладили мне корсет. Кормят таблетками, электрофорез прописали. Но самое неприятное – уколы. Ставит их сестра, и ещё две, будто ненароком крутятся в палате. Что их задница моя прельщает?

Всё надоело – и уколы болезненные, и сестрички некрасивые. Домой стал проситься.

– А что? – лечащий врач был продвинутым. – Очень даже может быть – дома вы быстрее пойдёте на поправку. Уход, внимание, уют привычной обстановки.... Звоните, молодой человек, звоните – я не против.

Вопрос – кому звонить. Маме с Дашей в Крым? Любе на Курилы? Может дяде Сэму в Белый дом? Деду, деду надо позвонить. Отлежусь у него на даче – места хватит. Тётки там убойные, ну так на мне бронекорсет.

Бренчу.

Звонкий голос:

– Алё.

– Мне бы Алексея Георгиевича.

– А он в Крыму.

Приехали! И что теперь делать?

– А вы кто?

– Ваш племянничек в гипсо.

– Алекс, ты?

– Не похож?

– Откуда?

– Из ЦКБ.

– Анализы сдаёшь?

– Уже сдал.

– А что звонишь-то?

– Родственники нужны – забрать меня отсюда.

– Так заберём. Ты в каком корпусе, в какой палате?

Двойняшки приехали за мной на такси – совсем уже взрослые, рассудительные девицы.

– Мне бы домой, – робко попросился.

– Щас, – был ответ. – Что врач сказал? – забота и уход.

– Вы чего в Крым не укатили?

– Так, выпускные, – со вздохом.

Девицам по семнадцать лет. Девицы оканчивают лицей, готовятся стать абитуриентками, студентками. Не щипаются и не щекотятся. Ходят павами, томно поводят глазами, обо всём имеют своё суждение – повзрослели. Кормят прилично – мама научила. Да ещё поваренные книги под рукой – у каждой своя. Не жизнь – малина. Это у меня. У них выпускные.

Три-четыре дня зубрят-зубрят, на цыпочках ходят, разговаривают вполголоса – удачу спугнуть боятся. А потом – бах! – сдали. Визжат, кричат, носятся по парку в одних

купальниках, которые того и гляди потеряют. С надеждой на это смотрю из гамака с книжкой под головой. Когда этот тайфун рук, ног, кос и глаз со свистом пронесется в опасной близости, у меня начинает ныть больное ребро. Потом всё успокаивается, чтобы через три-четыре дня взорваться снова.

Выпускной. Сестрички примеряют одинаковые платья, вертятся у зеркала, носятся по комнатам – теперь ничто не может омрачить их безудержный задор.

– Алекс, не скучай – мы скоро. Голодом себя не мори. На девиц по телеку не заглядывайся – мы лучше.

Чмок. Чмок.

– До утра.

Приехали они раньше. Я уж поспал немного. Проснулся. Поворочался. Не спится. Всё-таки у двойняшек родителей рядом нет, я, как бы, ответственен за них – должен переживать. Перебрался в качалку на террасу, стал поджидать.

Подъехала машина, Похлопали дверцы. Отъехала машина.

Идут дорожкой по саду, шляпки свои «А-ля Айсидора» в руках несут – ленты по траве волочатся. Меня не замечают или не хотят. Обидел кто? Вечер не удался? Ох, уж эти семнадцать лет – на пустом месте проблемы!

Переоделись и на пруд – с таким видом только топятся.

Пруд – часть усадьбы, на берегу беседка. Как Чингачгук, скрываясь за деревьями, иду следом. Нет, вроде не топятся,

плескаются, злословят о ком-то.

Подсматривать нехорошо, подслушивать тоже. В беседке из их халатиков устраиваю ложе и на бок сажусь поджидать – пусть купаются: тепла июньская ночь. Тепла и прозрачна от лунного света. Дорожка серебристая пробежала по воде. Трава блестит на берегу. И капли воды сверкают на голом теле.

Чёрт! Точно на голом! Одна из сестричек вошла в беседку, голову клонит, волосы скручивает и выжимает. А на теле – ну хоть бы ремок какой. Чуть слюной не поперхнулся, а она смотрит и усмехается.

– Подглядываешь?

– Слушай, ты бы устыдилась немного.

– Ага, щас, зажмусь, в кустики прыгну и закричу: «Ай-ай-ай».

– Отшлёпать тебя, бесстыдницу...

– Шлёпай.

Выпускница изящно изогнула талию, приблизив к моему лицу круглые и крепкие, как арбузики, ягодицы. Я шлёпнул, легонько-легонько, ласково, чтобы только звук был.

– А теперь погладь – больно же.

Погладил. Рука сама тянулась вопреки здравому рассудку. Да и был ли он в ту минуту здоровым?

– Никушка, посмотри, кто ко мне пристаёт.

– Сама ты Никушка, – говорит вторая сестричка и входит в беседку в таком же первозданном виде.

Всё, теперь я знаю к кому как обращаться – только бы из виду их не потерять. Дело в том, что у близняшек и имена одинаковые – Доминика и Вероника. Только первую ничуть не заботит, как её окликнут: хоть Домной, хоть Никушкой. а вот вторая на Никушку обижается, признаёт только – Вероника, Вера и их производные, позволяет – Вероничка-Земляничка. Только положение моё это ничуть не облегчает: две несовершеннолетние девицы, вполне уже сформировавшиеся, без комплексов и одежды, обступили меня в садовой беседке в полнолуние.

– Тоже так хочу, – заявила Вероника, схватила мою руку и положила ладонью на... ну, пониже спинки.

– Может вам массаж сделать?

– Было б здорово, – согласились сестрички. – Но как твоё ребро? Давай посмотрим.

Они стащили с меня штаны и рубашку, плавки и корсет.

– Да нет, в порядке ребро – вон как торчит.

ТЬфу! Мне стыдно, им хоть бы хны.

Признаюсь, не боль сдала меня им в плен, а желание подурачиться. И мы дурачились. Сначала в беседке. Потом в пруду. Потом в ванной. Пили шампанское и дурачились. Потом в постели, где застал нас рассвет, и мы уснули. Проснулись и опять за прежнее – дурачиться. Об одежде вспомнили вечером, когда голод погнал нас в людные места.

Скажите, совсём Лёшка Гладышев опустил, ниже плинтуса совесть свою уронил – до несовершеннолетних род-

ственник добрался. Но есть оправдательные моменты, господа. Во-первых, по большому счёту мы не родственники. Во-вторых, моей инициативы совсем не было – жертва, так сказать, обстоятельств. В-третьих,... в-четвертых,... в-пятых.... Не случайная это связь, мужики. Двойняшки признались: давно влюблены в меня по уши. А я? А что я – я тоже. Ну, разве можно таких не любить – красивых, задорных, ласковых, умных, добрых...?

Они мне:

– Алекс, ты почему на Даше не женишься?

Я:

– Увы, женат.

И паспорт показываю.

– Как ты мог?

А потом:

– Алекс, а ты кого больше любишь – Любу или Дашу?

– Вас.

– Врёшь, конечно, но приятно.

Ещё позже:

– Алекс, ты за нас не томись – мы тебя любим не для женьтибы.

– Вообще-то девушки замуж должны выходить.

– Мы не хотим замуж – не один мужчина с тобой не сравнится.

– А чего вы хотите?

И они признались. Замуж выходить, значит расставаться.

А они не хотят – хотят вместе поступить в Литературный институт и стать: Доминика – писателем (писательницей?), а Вероника – поэтом (поэтессой?). Показали свои работы. Не силён в эпистолярных, чтобы сказать «здорово» – мне понравились. Тут же обещал продвинуть их на страницы периодических изданий и слово сдержал. Сестричкам эти мои затраты были как нельзя кстати – требовали при поступлении в Литературный институт списки опубликованных работ.

Подозреваю за спиной злобный шёпот: «Оплатил девкам дефлорацию». А мне плевать: говорите, думайте, что хотите – это моя жизнь и подстраивать её под чьё-то одобрение не собираюсь. Только что скажет мама, если узнает? А Даша? А Люба? Господи, как дальше жить?

В проекте по Камчатке тоже была своя изюминка. Экономической основой грандиозного проекта Национального Заповедника, занимающего весь полуостров, должен стать туризм. Сеть мотелей опутывала, прекрасные дороги сокращали. Электроавтомобили вывозили удивлённую публику на самую, что ни на есть, дикую природу. Всё сходилось. Всё, кроме одного. Служба безопасности должна реагировать немедленно на любой сигнал ЧП. Им без вертолётов не обойтись. А это – громы небесные, токсичные выбросы, и вообще – техника уходящей эпохи.

Билли поднапрягся и выдал «на-гора» проект двигателя нового типа, на основе открытого им принципа аннигиляции – перехода материи в энергию – безотходного, бесшум-

ного, высокоэкономичного. Причём, Билли предложил двигатель в принципе. Модификации могли быть всевозможные – от ракеты до мопеда – присобачивай и катайся.

Опять проблема – изобретение государственной важности, кому его сдать? Звоню Президенту, прошу личной встречи. Не отказывает.

Всё та же беседка. Президент глянул на заголовок, хмыкнул, пошелестел листами и отложил мой труд.

– Понятно.

– Есть один нюанс.

Беру проект в руки, нахожу нужное место, показываю. Патрон смотрит, читает, кивает.

– Так, так, так,....

Потом поднимает на меня глаза.

– Твоё?

Пожимаю плечами – а чьё же?

– Ты – гений, русский Да Винча. Только у Кастиль юридические заморочки с первым предложением, а тут новое.... Слушай, сделаем так: оформим тебе авторские права – всё честь по чести – и выкупим их во владение государству.

Пожал плечами – я не против.

– Такую сделку следует обмыть. Ты как?

Жму плечами.

– Язык проглотил? Бывает.

Патрон отсутствовал не долго. Принёс графинчик водки, рюмки, закуски – бутерброды с икрой, ветчиной, балычок се-

врюжный. Водка ледяная, балык во рту тает. Не успел прожевать, патрон уж вторую в руке держит.

– Никогда, Гладышев, не сидели мы с тобой вот так – по-русски, по-приятельски. И не скоро ещё присядем – дела, брат. Так что не таись, есть что за душой – выкладывай. По возрасту я тебе в отцы гожусь – пойму, и глупости не посоветую.

Потащила вторая рюмка мою душу наружу. Всё рассказал, во всём признался. Что имею связь с четырьмя женщинами, каждую люблю и боюсь потерять – и как всех сохранить возле себя ума не приложу. Президент слушал внимательно, не насмехался, не завидовал, только кивал – понимаю, мол, понимаю. Я умолк.

Патрон налил по третьей, прищурился, посмотрел рюмку на солнечный свет, повертел в пальцах.

– Признаться, в любовь эту самую шибко-то не верю – так, страстишки меж людей. Сбежались, разбежались... Это, Алексей, порядочность твоя природная говорит – и верно: отдалась тебе женщина, будь добр взвалить на плечи свои ответственность за судьбу её, и не важно, женаты вы иль случайно встретились. Вот так понимаю долг мужика перед природой и обществом. Женщина за потомство ответственна и, надо сказать, неплохо справляется. А мы, брат, с тобой – за женщину, которую покорили, приручили, полюбили. А в твоём случае что посоветовать? Если ты действительно любишь своих дам, не обделяй их правами на себя. С од-

ной оформлен законный брак – хорошо. Обвенчайся с другой – возьми грех на душу. А с молоденькими заключи брачный контракт – это в моде сейчас. Послушайся моего совета, и душа успокоится, и женщины твои будут счастливы...

Россия выкупила у меня права на изобретения в государственное пользование.

– Билли, поздравь меня, я – миллиардер.

– Поздравляю. Ты счастлив?

– Не больше, чем вчера. Как там, у Любочки дела?

– Хреноваты.

– С китами?

– С ними.

– И нет никаких идей?

– Увы.

– Что с Костылём?

– Оставил губернаторство, теперь он президент Российской Космической Корпорации, повсеместно внедряет «оптимизаторы».

– Билли, поподробнее об этой штучке.

– Надеюсь, принцип действия и схема сборки тебе безынтересны?

– Правильно надеешься.

– Тогда, как пользователю – браслет на руке. Следит за общим состоянием организма, подаёт команды – когда есть, когда спать, когда трудиться. Иные работают по двадцать часов в сутки и никаких негативных последствий для здоро-

вья – у каждого свои возможности. Кастиль по его хронометру зарплату начисляет – удобно: контроль объективный.

– Твоя машинка?

– В авторах ты. Споровить?

– Обойдусь. Ты же знаешь, я натура увлекающаяся, но не трудоголик, скорее – наоборот.

Патрон позвонил.

– Я вот подумал: вы мне Землю не спалите в своих аннигиляционных примусах?

– Исключено. В конце текста есть приложение – приведены цифры независимых исследований наших и американских учёных. Там посчитано, сколько лучевой солнечной энергии обретаёт на Земле массу, и сколько планета наша распыляет в мировой космос электромагнитных волн, чтобы избавиться от лишнего веса. Вот это, бездарно утрачиваемое, и будет нам служить.

– Ладно. Приемлю....

Как советовал Президент, так я и поступил. Подыскал в Подмосковье красивую церквушку, исповедался попу – не стал обманывать. Но прежде поинтересовался – каков доход прихода за год? – и пожертвовал на украшение храма вдвое больше. Батюшка согласился нас обвенчать.

Даша была в белом платье – мама настояла – с фатой и венцом из белых кораллов. Они у Любы выращиваются на подводных плантациях. Для мамы выслала в мой последний визит.

Батюшка читал-читал благословение, а потом как рывкнет:

– Истинная любовь да не будет греховной! Аминь!

Мы вздрогнули – каждый своим мыслям. Даша – о рождении дочери до брака. Я – о многожёнстве.

Настюшу окрестили в той же церкви.

Никушки пришли в восторг от брачного контракта – его Билли подготовил. Но как не изощрылся мой виртуальный друг, без поправок не обошлось. В графу «Обязанности сторон» сестрички настояли внести пункт:

– исполнять сексуальные фантазии мужа....

А они у меня есть, фантазии-то? Всё от них, греховодниц....

Ликовали пункту «... полное материальное обеспечение...».

– Это правильно: мужчина должен заботиться о пропитании женщин...

– И одеждах...

– И побрякушках....

– И парфюме....

– И жильё....

– И авто....

.....

Купил им квартиру в Москве, поближе к ЛитВУЗу, в который они таки поступили. Авто подарил по их выбору – в нашей семье личный транспорт не был в моде....

После этого душа моя действительно успокоилась. Но, как показало грядущее, ненадолго.

Охотским Гамбитом назвал эту операцию Президент. Ну а я бы по-другому – Троянский конь. Чем не название? По моему, лучше подходит. Впрочем, Вам судить.

С чего начать? Начну с Любиного звонка.

Люба позвонила:

– Всё плохо, Лёша.

– Киты гибнут?

– И китята. Выбрасываются на берег, – Люба всхлипнула. – Топятся на мелководье. Мы с ног сбились, головы сломали – в чём причина?

После паузы.

– Лёш, прилетай, сбегу с работы на три дня.

Три дня наедине с Любой – об этом только и мечтал два последних месяца! Но... Надо соблюсти приличия.

Сводил маму, Дашу и Надежду Павловну в Большой и ресторан. Нежно простился с Дашей.

Даша... Даша – это любовь и боль моего сердца. Если есть время и желание послушать, расскажу о наших отношениях. Рождение Настюши отвратило у неё наследственную потребность жертвовать собой для блага и счастья других. Надеюсь, напрочь. Только болью полнятся прекрасные очи при виде убогих, пьяных и бомжей. Кстати, Жека вернулся в родные пенаты. Худой, длиннючий и сутулый. С тросточкой. Впол-

не подвижный. Когда увидел меня, вошедшего во двор, лихо продефилировал детской площадкой, где Даша выгуливала Настюшу.

– О чём он? – спросил венченную супругу и увидел глаза полные вселенской скорби.

Любит? Боль царапнула сердце. Но разве имел право я, многожёнец, ревновать?

– Извини, – повернулся уходить и вдруг....

Даша бросилась мне на шею так порывисто, так отчаянно принялась целовать, что заплакала, испугавшись, Настюша. Тут как тут её бабульки.

– Вы что с ума сошли?

А мы и сошли. На Дашины поцелуи ответил своими, страстными. Мы тискали друг друга, стыдились этого порыва и не могли оторваться.

Спасибо тебе, Жека!

Надежда Павловна – женщина строгая. Она воспитала дочь в спартанско-пуританском стиле. Хорошую дочь. Она и внучкой принялась командовать.

Другой метод воспитания у мамы. Помню своё детство, помню её уроки. Например, собираюсь во двор играть с ребятами в футбол. Бабушка вздыхает и качает головой – не одобряет. Папа считает, что в футбол играют умственно отсталые люди в экономически слабо развитых странах – не понимает. А мама.... Надевает спортивные брюки, бейсболку козырьком назад и со мной во двор. Лихо бегают, тол-

кается, пасует, бьёт. Потом пацаны говорили мне – слышь, пусть твоя мамка сыграет за нас с соседнедворовой командой. Приходили делегацией, звонили в дверь, звали. И если брали меня (неважный был игрок-то), то и мама соглашалась.

Однажды мужик какой-то долго стоял у борта коробки, наблюдая за матчем. Потом высказался:

– Слышь, пацан, больно ты на бабу похож.

Мама, представляете, уже кандидат наук, старший преподаватель кафедры – плюнула под ноги и заявила:

– За такие слова можно и схлопотать.

Команда поддержала:

– Тебе чего, мужик, гудок распинать?

Мама осталась такой и в бабушках. Она не водила Настеньку за ручку с важным видом, не поучала – этого нельзя, а это «кака». Брала вторую лопаточку и на пару с внучкой, высунув языки, строили песочные дома. Катались вместе с горки. Жевали на двоих один бутерброд.

Даша недолго колебалась – чей метод лучше. Мамочки на скамейке, она в песочнице, на горке, на стенке (шведской), спорит с дочкой и обижается на её уловки, сама хитрит и жульничает – игра. Две подружки.

Наши отношения очень ровные. Правильнее сказать – хрустальные. Мы бережём друг друга и не надышимся. Я балую её подарками и стараюсь угодить. Она готова каждый миг исполнить любое моё желание. Никогда не провоциру-

ет на близость. Никогда не проявляет инициативы в интимных делах, но всегда отзывлива и нежна. Каждый вечер перед сном делаю ей массаж, как в памятный день нашей первой близости. Втираю благовония в тело, которое после родов утратило девичью угловатость, но приобрело женскую плавность. Я его обожаю и целую прежде, чем коснуться рукой.

Даша страдает. Ей кажется, что я заставляю себя делать ей удовольствия. Пусть себе. Такие муки приемлю – на самом деле это я получаю неземное наслаждение, лаская любимые формы и прелести.

Иногда вечерами Настюшка заигрывается – некому топнуть ногой и отправить её спать – мы начинаем обмениваться с Дашей нежными взглядами. От мамы этого не скроишь.

– Идите уж, – машет рукой и заманивает внучку в свою спальню.

Настюша не любит спать одна и наоборот. Иногда она прибегает к нам утром, когда мы нежимся в постели, забирается в серёдку. Даша смеётся:

– Семья получилась.

Завидуете, наверное? Я и сам себе завидую. Когда отсутствую несколько дней, спешу домой, как дембель на вокзал. Знаю – три любящих сердца с нетерпением ждут и рады моему явлению в любое время суток.

Следующую ночь прощался с Никушками. О них тоже есть что рассказать. Сестрички тратят весь месячный доход на обновление интерьера своей квартиры. И требуют от ме-

ня компенсации. Я, конечно, штопаю их финансовые дыры – ведь по большому счёту все эти декорации предназначены мне. Представляете – романтическое свидание с двумя лохматыми, полуодетыми дикарками в первобытной пещере. Стены увешаны рогами, чучелами, шкурами. На полу в блюде из черепахового панциря парит жареное мясо. И дикие танцы – с прыжками, ужимками – к чертям летит незамысловатая одежда. А моя так рвётся на клочки. Всё. Захвачен варварками в плен. Теперь я буду либо съеден, либо.... Либо стоило порванных прикидов.

В другой раз меня приносили в жертву египетские жрицы. Обстановка соответствует убранству античного храма. Две фурии с бронзовыми ножами извиваются, извиваются.... всё ближе и ближе.... вот сейчас.... Закрываю глаза от страха перед неизбежным и.... получаю жаркий поцелуй. Нет, много поцелуев. Сотни рук, десятки губ ласкают моё тело, избавляют от одежды.

Следующий раз мои контрактные жёны не поленились заучить настоящий гимн спартанских женщин, приветствующих доблестных воинов. Они в сандалиях, коротких золотистых туниках, волосы убраны миртовыми венками – ладошки сложены у груди. Доспехи царя Леонида натянули на меня и заставили играть его роль – великого и могучего устрашителя персов.

Кроме денег они ничего не требуют. Терпеливо ждут и всегда рады моему появлению. Но когда новый интерьер

готов и роли заучены, попробуй, отказаться от визита – грозятся нагрязнуть, перевернуть вверх дном наш с Дашей милый уют и увести меня силой. Не скажу, что эти спектакли утомляют. Признаюсь – жду их с нетерпением. Месяц – это тридцать дней, столько лишь могу прожить без контрактниц. А потом – не ищите меня пару-тройку дней....

На этот раз пятикомнатная квартира была переделана в монастырские кельи, ризницу, трапезную, молельню. Мои бывшие «тётки» в рясах тончайшего чёрного шёлка, с крестами на тяжёлых цепях (всё из серебра), кланяясь и крестясь, проводили меня за стол, накрытый кувшином вина, жареным каплуном и чёрным хлебом. Посуда массивная, керамическая. Еда, питьё вкуса изысканного, хотя грубоватые на вид. У монашек при движениях из чёрных складок, будто из темноты ночи, всплывали, соблазняя – то грудь, то колено, то.... Задумка и исполнение – класс! Вот только времени у меня в обрез. Нет у меня времени следовать сценарию.

Наедаюсь, напиваюсь, к чёрту выкидываю кардинальскую сутану. Подгулявшим бароном гоняюсь за целомудренными монашками, ломаю мебель, ору похабные песни. Наконец, утомлённые, обесчещенные, они засыпают в моих объятиях. А я на цыпочках, на цыпочках – в такси, аэропорт, аэробус – прыжок на восток.

Лечу, встречай, любимая!

Звонок Президента, как заряд дроби, складывающий крылья летящему селезню, догнал меня в воздухе.

– Есть тема. Жду.

Только не это! Пусть это, но не сейчас. Что придумать? Натравить Билли на Всевышнего и испортить погоду? Но врать патрону ещё не научился и признался, после недолгих колебаний.

– Лечу к жене на Курилы – хотел провести с ней три дня.

– Лети, – был сухой ответ. – Жду на четвёртый....

После близости мы обычно засыпали. Пусть ненадолго, бывало – на несколько минут. Но это тоже было счастье. Подарившие друг другу радость обладания, мы уплывали в челне Гипноса, не разжимая объятий.

Люба вдруг села в постели, стукнула себя кулаком по согнутой коленке.

– Ну почему это происходит?!

От неожиданности вздрогнул – что с ней? о чём она? Опять про своих кашалотов?

– Гладышев, ты же биофак кончал – должен знать.

– Я там, Любушка, оценки получал, не знания – а про морских млекопитающих вообще никто не толковал.

– Ботаник.

Завелась. Уже оскорбляет. Мне ссоры не хочется. Провожу пальцем по её позвоночнику.

– Знаешь, самая красивая линия в природе – это изгиб женской спины.

Люба передёргивает плечами, Отстань – означает её жест. Терплю.

У неё тонюсенькая талия. Целую позвоночник в этом месте, ниже, ниже....

– Ты о чём-нибудь кроме этого думать можешь?

Сказано почти со злостью. Наконец, и меня достаёт, даже переполняет обида. Откидываюсь на подушку, руки за головой, думаю, что и как ответить.

– Да, вспомнил – меня ждёт Президент.

Встаю, одеваюсь, собираюсь. Всё делаю медленно – даю ей время одуматься и остановить. Люба молчит, с любопытством наблюдает. Я у дверей. Она:

– Привет Президенту.

Всё, улетаю. Улетел. В день приезда....

Сижу напротив патрона, внимаю.

– Нагостился?

– Не то чтобы досыта, но подумалось: новая тема может быть связана с Дальним Востоком – вернусь и догощу.

– Правильно подумалось. Вникай.

Вникаю. Но как-то не очень: все мысли о Любе – не хорошо мы расстались. На ладонях тепло её тела, на губах её вкус, запах....

– Ты где?

– Простите.

– Понял, что я сказал?

– Конечно.

А суть проблемы в следующем. Когда-то Охотское море имело статус внутренних вод могучего Советского Союза.

Титан рухнул и рассыпался. Новая Россия в первые годы существования не в силах была уберечь свои богатства от бесчисленных хищников. В обильную рыбой и морским зверем акваторию ринулись флота всех стран. Какие только флаги не украшали пришлые суда, только цель была одна – хватай, тащи, грабь. Okрепла Россия, расправила согбенные плечи, в состоянии стала пресечь хищные промыслы. И сил хватало, и желание было, но упущено время. Браконьеры до того освоились, что шли в Охотское море, как к себе домой. Даже сама юрисдикция России отрицалась. Тяжбы пошли судебные, международные, одна за другой – и все проигрывались.

– Как заноза торчит в моём сердце проблема, – признался Президент. – Займись, Гладышев. Я знаю, ты что-нибудь придумаешь. Ведь отвадил их от Курил....

Патрон говорил, а я думал о Любе. Он говорил, а я думал. И вдруг....

Решение пришло в один миг. Простое решение всех проблем – Президента (правильнее – России) с браконьерами Охотского моря, Любы с китами, и моих с законной супругой. Клаустрофобия, болезнь замкнутого пространства – вот что сводит с ума китов и китят. Ну, что такое двенадцать морских миль между берегом и ультразвуковым барьером, ограничивающим акваторию проживания огромных животных. Охотское море, бескрайнее, спокойное, чистое от браконьеров-хищников, вот что надо для успеха эксперимента. Но почему только китов? Превратить Охотское мо-

ре в питомник, инкубатор разведения промысловых рыб, да и вообще всей флоры и фауны моря. Добиться этого статуса на уровне ООН, запретить не только рыбную ловлю и охоту, но и само появление посторонних судов. С охраной справимся, нам бы от бесконечных судебных тяжб отбиться. Не об этом ли говорил Президент?

Он выслушал предложение, напряжённо вглядываясь в моё лицо. Молчал, размышляя. Не дошло? Не убедил? Я заволновался.

И вдруг он сказал:

– Мы бросим Курилы на это дело. И Камчатку.... Решим проблему с самураями. Выгоним всех прочь из Охотского моря. Отличное предложение, Гладышев! Просто великолепное! Молодец! Не понял меня? Мы отдадим под юрисдикцию ООН Камчатку, Курилы и Охотское море. Пусть себе. Не важно, кто владеет – гораздо, кто разрабатывает. Мы бросим на проект все имеющиеся ресурсы и завладеем контрольным пакетом. Только всё надо просчитать и не промахнуться – слышишь, Гладышев – нам нельзя ошибиться: потомки не простят, если мы бездарно профукаем русские земли. Это тебе не Аляска.

Чуть позже.

– В шахматы играешь? Гамбит это называется, Гладышев – пожертвовать малым, чтобы выиграть всю партию. А мы её должны выиграть.

Я был уже в дверях.

– Ты, Гладышев, за Любовь Александровну не беспокойся – она будет президентом новой международной корпорации: лично я другой кандидатуры не вижу....

Тема увлекла Билли тоже. Он работал, как мне показалось, с большим, чем обычно, энтузиазмом. Президент звонил каждый день, вносил поправки, потом отменял.

Хотел сделать Любе сюрприз, но вскоре понял, что зря держу её в неведении: совет такого специалиста был бы не лишним. Позвонил, рассказал. Скинул по электронке проект готовящегося доклада. И правильно сделал. Любочка быстро вникла, что к чему, и включилась в его разработку.

Когда он был готов, мы с Билли стали вычислять возможных оппонентов и их реакцию. Эти прогнозы Президент не подвергал сомнению и внимательно изучал. Вероятность ожидаемого успеха операции «Охотский гамбит» колебалась около числа 67. Патрон считал, что процент не убедителен, а риск велик – мы бросали на игровой стол исконные русские земли. Правда, к этому времени ни на Курилах, ни на Камчатке не осталось населения в прямом понимании этого слова – сплошь сотрудники одной компании и члены их семей.

Мы пробовали усилить некоторые пункты в докладе, что-то подчистили, что-то добавили, но стало только хуже – вероятность успеха упала ниже 67 процентов и больше уже не стремилась вверх, как мы не бились. Наши сомнения, должно быть, незримо присутствовали в тексте, который мы знали почти наизусть. Грозил тупик.

Решение нашёл Президент. Кардинальное решение. Он позвонил и сказал, что доклад должна читать Люба. Все ждут Президента России, а выступит президент компании, осваивающей новые технологии в этом регионе. Это будет шок для политиков. Это будет интересно всему миру.

Билли за одну ночь переделал доклад. Изменился стиль, изменился темперамент, структура предложений и самого текста. Сохранились цифры и резюме. Билли постарался для своей любимицы – индикатор вероятности успеха подскочил до 82 целых и сколько-то там десятых процента. С этим уже можно было отправляться в Нью-Йорк.

Люба прилетела в Москву и остановилась в президент-отеле. Я выслал ей букет белых роз, но на встречу не пошёл – дулся за холодный приём на Итурупе. Дулся два дня, а могли бы сходить куда-нибудь – вся столица к нашим услугам. На третий день встретились в терминале аэропорта. Патрон пожал ей руку и улыбнулся ободряюще – два президента: равный с равным. А я кто – советник, челядь, прислуга. Робко жался в последних рядах. Но вот настала и моя очередь. Стою, смотрю в её улыбающиеся глаза. Смотрю и молчу. И Люба молчит. Чувствую – минута критическая.

Сейчас она скажет:

– Ну что, Гладышев, вот и пришёл конец нашему супружеству. Будь счастлив, многожёнец.

Молчу, жду.

Люба подставила мне щёку для поцелуя, а потом взяла под

руку, и мы вместе прошли на самолёт.

Рассказать, как Люба выступила на Генеральной Ассамблее ООН? Стоит ли? Она была безупречна, как докладчик, прекрасна, как женщина, ну а сам доклад я знал наизусть.

Вкалывал в те дни, как проклятый. Если бы не оптимизатор – тогда впервые испробовал прибор в действии – вряд ли организм выдержал такие нагрузки. А с этим браслетом по десять-двенадцать часов без перекуров, потом внезапный сон, как потеря сознания, на час-полтора, и никакой усталости – снова за работу. Что я делал? Переводил на компьютерный язык тексты выступлений, а виртуальный гений по этой информации шлифовал речь президента, внося поправки и коррективы. Выступление патрона должно было окончательно склонить мнение мирового сообщества в пользу предлагаемого проекта.

Прения шли согласно прогнозам. Наши друзья нас бодренько поддержали. Противники проекта оказались не готовы к критике. Их детский лепет в основном сводился к следующей фразе:

– Доклад хорош, а докладчик само совершенство, но....

А за «но» ничего не наскребалось.

Японцы воодушевлённо поддержали – это планировалось. Китайцы тоже – косяки рыб из Охотского моря попрут мимо их берегов. Практичные немцы прикинули, сколько могут вложить в проект и сколько с него получить, благоразумно воздержались от поддержки и критики – так, общие сло-

веса. Янки пошли дальше. Прикинули свои средства и предложили замкнуть проект лишь на высокоразвитые страны. Хитрости их очевидны. Ограничив число участников восемью членами, они разделили бы паи на равные доли – то, чего боялся мой патрон. Тогда прощай Курилы и Камчатка.

Президент России поднялся на трибуну после основных оппонентов. Он изложил цифры, которые для этой цели умыкнули из доклада. Ужасные цифры того, как безвозвратно ежечасно губится на Земле морская фауна. Вывод – ждать больше нельзя, ждать некогда. Надо немедленно создавать упомянутую в докладе корпорацию и выделить для этой цели все необходимые средства. Первоначально на создание инкубатора в Охотском море планировалось 15 миллиардов долларов. Президент попросил её увеличить. Билли предложил кое-какие навороты и поднял сумму до 65. Сейчас наш Президент бухнул с трибуны, что Россия готова немедленно впрыснуть в дело более 100 миллиардов.

В зале заплодировали.

Дальше все выступления шли только в поддержку. Это и рекультивации морской флоры и фауны, сохранение исчезающих видов, решение глобальных проблем голода, и т. д. и т. п. Кому интересно – читайте в газетах. А чего там нет, то и я не буду озвучивать: в политике должны быть тайны, иначе какая это политика.

Любочка в одночасье стала мировой величиной. Просто звездой. Пресс-конференции следовали одна за другой. Уни-

верситеты с мировым именем предлагали бешеные гонорары лишь за часовой доклад (Любин, естественно) в своих аудиториях. Какой-то голливудский мен публично признался в любви и желании связать свою судьбу узами брака с моей законной.

Как тут не психовать? Короче, понял, что потерял жену, и уже смирился с этой мыслью, как вдруг перед самым отлётом Любин звонок.

– Гладышев, ты думаешь исполнять супружеские обязанности или как?

Спешу на зов. Переступаю порог, прикрываю дверь так, чтобы снаружи не открыли. Дальше ни шагу. Стою, смотрю. Любушка в постели.

– Ну?

– Может, до Москвы потерпим или Курил, дорогая?

Люба тычет пальчиком в голое колено.

– Здесь и сейчас, а то когда мы ещё будем в Нью-Йорке.

Что поделаешь? Рву с шеи изрядно поднадоевший галстук....

Звонок патрона как всегда не вовремя.

– Гладышев, ты что, в невозвращенцы записался? Почему тебя нет у трапа самолёта?

Что сказать? Говорю правду.

– Исполняю супружеские обязанности, недоисполненные в прошлом месяце.

Президент:

– Молодец. Так и должен поступать настоящий русский мужик. Указом по государству Российскому жалую вам с вашей великолепной половиной медовой месяц. Будьте счастливы!

Щедрый какой! Да нас с Любой больше трёх дней и держать-то рядом нельзя – поцапаемся. Скучать будем – она по работе, я по Настюше с Дашей.

Через три дня примирившиеся супруги (это я о нас с Любой) разлетелись в разные стороны: жена в Японию, чтобы оттуда на свой Итуруп, я в – Москву. Больше мне добавить по этой теме нечего: поставленная задача выполнена.

Президент наш объявил всему миру: в день подписания меморандума по Охотскому морю, все находящиеся там суда будут превращены в металлолом. Как это происходит, преступный мир уже знал.

Причём здесь Троянский конь, спросите. Об этом поведаю позже, но обязательно.

Тут другая тема. Отец позвонил, просил о встрече, но я извинился. Был в то время на Сахалине, помогал Костылю развернуть над Охотским морем спутниковый зонт. Это была защита не только от браконьеров, но и всех стихийных неприятностей – далеко на подступах к Курилам и Сахалину теряли силу океанские тайфуны, расстрелянные вакуумными пушками из космоса.

Жил на Итурупe, добирался на Сахалин вертолётom и не каждый день. Обитал с Любой в её «умном доме». От-

крыл неожиданное – оказывается, с голубушкой моей приятны не только постельные баталии, но и повседневный быт. Любушка с утра заряжала продуктами кухонные чудовища, чмокнув в щёку, исчезала. А я нежился в тёплой постели, отложив пробежки до возвращения в Москву. Внюхивался в подушку или одеяло, хранившие восхитительный запах её тела. Стоило захотеть кофе или котлет, я говорил:

– Хочу котлет....

Через минуту микроволновка весёлым щебетом сообщала, что котлеты готовы к употреблению. Или кофе. Или сок.

По вечерам мы сидели в зимнем саду у огромного экрана и потягивали безалкогольные пиво или коктейли. Люба не терпела эстрады и кино, её влекла природа – и только в естестве своём. Глубинные тайны, океанские просторы, скалистые кручи....

– Господи, – вздыхала жена. – Какие масштабы! Гладышев, как много работы, и как скоротечна жизнь – сделай меня бессмертной....

В постели, после близости, зарывшись по уши в её роскошный бюст, восторгался:

– Остановись мгновение, ты прекрасно!

Однажды Люба бесцеремонно за волосы вытащила мою голову из райских кушей и строго взглянула в глаза:

– Гладышев, ты любишь свою дочь?

– Всею душой.

– Хочешь, рожу тебе сына?

– Ещё бы.

– Тогда переезжай ко мне и будешь им заниматься.

– А ты?

– А я буду работать.

– Душа моя, я на службе у Президента.

– Возьмёшь отпуск на пару лет.

– Отпуск возьмёт бабушка Настя.

– И прилетит сюда?

– Нет, мы с сыном в Москву.

Кукиш под нос – был её ответ.

Я обиделся, нырнул под одеяло, раскинул ей ноги, водрузил голову на живот, а под щёку – тугое бедро.

– Гладышев, ты где?

– Твоя нижняя половина гораздо мудрее верхней.

– Ну и живи там.

Потом с Любой проектировали и строили плавучий остров – новое изобретение Билли. Это полимерное сооружение несло на себе не только резиденцию администрации новой фирмы с флагом ООН, но корпуса и лаборатории Центра изучения моря – настоящий плавучий город. Обычно, подгоняемый ветрами, он дрейфовал в произвольном направлении, но если требовалось, буксировался в заданную точку.

Там настиг меня мамин звонок.

– Алёша, тебя спрашивал странный тип. Сказал, что у него срочное дело касательно твоего отца. Оставил номер.

Звоню. Голос незнакомый.

– Господин Гладышев? Имею информацию о вашем отце, хотел бы превратить её в товар.

– Что за информация?

– Вы не спрашиваете, сколько стоит – хорошее начало. Знаю вас как человека благородного и небедного – думаю, мы поладим.

– Что с моим отцом?

– Скончался – третий день сегодня.

– Как?!

– Угарный газ. Закрывл заслонку непотухшей печи.

– Какая печь в московской квартире?

– Вы давно общались с ним? Полгода? Полгода он живёт за городом, сторожит чужую усадьбу.

– Мой отец сторожит чью-то усадьбу? Вы в своём уме? Послушайте, я сейчас вылетаю в Москву и, если это дурацкий розыгрыш.... я вас из-под земли достану.

– Лучше позвоните, когда захотите общаться – моё предложение в силе. В московской квартире не ищите – продана за долги. Загляните в деревню Митино на тридцать втором километре Минского шоссе.

Кладбище, оградка, скамеечка. Вся мудрость Земли в этой скамеечке.

Мы сидим на ней за оградкой и смотрим на могилу отца. Она рядом, но там нет ни оградки, ни скамеечки – только холмик и крест. И всё. Всё, что осталось от моего отца, Владимира Константиновича Гладышева, несостоявшегося

дипломата, забытого патриота, незадачливого мужа. Впрочем, нет. Осталось два сына, две женщины, которые любили его. Разве этого мало? Мало, если только этим и завершить жизнь.

Мирабель – так зовут его новую жену. Теперь уже вдову. Она молода, красива. Сравниваю её с мамой. В маме шарм, она живая – задорная, грустная, деловая – разная. Мирабель – иконопись. Застывшее лицо, печальные глаза. Худые запястья, худые лодыжки. Коленки, наверное, костлявые. Или я нагнетаю? Голос. Вот голос у неё ни с чем не сравним. Голос низкий, будто сорванный, прямо-таки сиплый (хотя, наверное, загнул – скажем, посаженный голос). Люди с таким тембром – свидетельствует мой жизненный опыт – не способны на подлость, не умеют врать, не в силах даже подшутить. Всё, на что хватает их – сказать правду и начать за неё страдать....

Мирабель рассказывала. Неврозы начались у отца сразу же после их официального бракосочетания. До той поры он ни на что не жаловался, и ничего за ним не замечалось – в смысле, необычного. А потом несчастья и болезни посыпались, как из рога изобилия. Он потерял мужскую силу. Начались недержания. Прогрессировало общее расстройство нервной системы – он стал боязлив, подозрителен, мании следовали одна за другой. Очень боялся бывшего тестя-генерала – только о нём все разговоры. С работой расстался. В последнее время еле-еле сводили концы с концами....

Он звонил, а я... – с горечью подумал.

– Квартиру продали с молотка, за долги – не платили коммуналку, кредит и какую-то ссуду. Новый её владелец предложил переехать за город, охранять усадьбу. Поселил нас в маленьком садовом домике – времянке. Тесно было. Он же и предложил устроить Костика в интернат. Тут, неподалёку.

– Когда это было?

– В тот день и было. Мы уехали втроём, а вернулись без Костика. Вернулись, а Володи уже нет... в живых. Мне кажется...

– Говорите.

– Он ревновал меня к хозяину.

– Устраивал сцены?

– Нет. Говорил, что хозяин пялится на меня, и мне лучше стать его содержанкой, чем умереть с голоду. Думала, он ворчит, потому что ревнует, а он готовился и искал оправдания.

– Не верится. Не похоже на отца.

– Он сильно страдал в последнее время. О вас вспоминал. Чёрт! А я? Прости, отец, если можешь.

– Какие у него отношения с моим дедом?

– Не знаю.

– Они встречались? Генерал приезжал к вам?

– Кажется, нет.

– На прежней работе не было неприятностей – ничего не говорил?

– Нет.

– Каков диагноз?

– Отравление угарным газом.

– Вскрытие делали?

– Здесь? В глуши? Да и зачем?

– Мирабель, я позабочусь о вас с Костиком – вы ни в чём не будете нуждаться, только.... Только одна просьба – я хочу знать всё о смерти отца. Вы мне всё рассказали?

– Да.

– Что есть по его болезни? Медицинская карта? История болезни?

– Ничего нет. Володя никуда не обращался. По крайней мере, мне ничего об этом не известно.

– Мирабель, вы согласитесь на эксгумацию?

– Зачем?

– Я должен знать о причинах и самой смерти отца.

– Делайте, что считаете нужным....

До конца дня успел побывать в райцентре. Вернулся с продуктами. Мирабель захлопотала у печи. Она огромная – в пол избёнки. Ещё две узких панцирных кровати, расстояние между которыми – вытянутая рука. Сел на одну, скрипучую.

– Это Володина, – заметила Мирабель. Потом озабочено. – Где же я вас приючу?

– Не беспокойтесь – всё нормально. Мирабель, мне надо с вами поговорить. Прошу потерпеть моё общество букваль-

но несколько дней – пока всё решится с отцом.... с телом отца. Я консультировался: эксгумация возможна только при возбуждении уголовного дела. Дело могут открыть по заявлению в прокуратуру. Если таковое напишу я, вы становитесь подозреваемой в убийстве вашего мужа и моего отца. Лучше, если заявление напишете вы.

– Разве такое возможно? Хорошо, я напишу.

В пакетах с сырами и колбасами привёз водку и коньяк.

Помянули отца.

Смеркалось.

– В доме есть компьютер?

– Есть. Я убираюсь там.

– Он закрыт? Есть ключ?

– Вон висит. Алексей Владимирович, вас не выпустят отсюда ротвейлеры.

– Кто?

– Собаки сторожевые. Я их на ночь выпускаю.

– Тогда познакомьте меня с ними.

Перед домом яблоня, под ней скамейка. Присел, а Мирабель ушла в глубь сада. Через пару минут чёрная тень метнулась меж деревьев, за ней другая. Вернулась хозяйка сторожки, присела рядом. Тут как тут ротвейлеры – огромные зубастые чудовища.

– Фу! Нельзя, – сказала Мирабель и погладила мою руку. – Это друг.

Два горячих языка облизали мне ладонь. А я погладил их

ушастые морды....

Мы лежим в кроватях. Достаточно протянуть руку, чтобы коснуться Мирабель. Голос её в ночи просит, требует защиты. Хочется прижать её голову к груди.

– Нет, что вы, Володя не пил. Совсем. Ему едва хватало сил справляться с нервозами – тут не загуляешь....

Ночь разгулялась. Луна проложила от окна светлую дорожку по полу. В него заглянула ушастая морда. Мирабель спала, её дыхание чуть слышно в шорохах сторожки. Я окончательно проснулся. Жутко стало. Как тут можно жить одному? Или рядом с человеком, сходящим с ума?

Поднялся, оделся, взял ключ от хозяйского дома, вышел в сад. На дорожке был атакован. Ротвейлеры прыгнули из кустов, целясь на ключ. Решили, подачку несущий, а я не догадался. К дому пропустили.

Бродил по коридорам и комнатам двухэтажного особняка, не включая свет – луна помогала ориентироваться. Нашёл компьютер, вышел в Интернет.

– Привет, Билли.

– Рассказывай.

Рассказал.

– Примитив. Ты что ж ко мне не обратился?

– Билли, погиб мой отец – возьми правильный тон.

– Извини. Говоришь, эксгумация – что она тебе даст? Покажи мне место, я отсканирую тело лучше всех твоих врачей вместе взятых. Да, сквозь землю. Как? Моё дело. Ну, хоро-

шо. С американского военного спутника «DYMOS» слабым излучением нейтронной пушки.

– Американский спутник над Москвой?

– Он появляется на небосклоне каждые четыре часа на восемнадцать минут. Этого мне достаточно, если покажешь место. Могу и сам найти, но займёт время.

– Билли, я без «бука» – отсюда выйду и потеряю с тобой связь.

– Ты мне место покажи, о результатах потом доложу. Через тридцать семь минут «DYMOS» вынырнет из-за горизонта – ты должен быть на месте.

– Разверни карту, покажу, где искать меня.

Нашёл на схеме Митино и щёлкнул курсором.

– Запомнил?

– До связи....

Тиха октябрьская ночь. Жутко шагать одному лесной дорогой и знать, что впереди – кладбище. Пробовали? И не советую. Меня нужда гонит. И, видать, не только меня.

Серебристый спортивный «Porsche» стоит на лесной дороге, примыкающей к кладбищу. Тревожные предчувствия захватили сердце. Дальше иду крадучись. Уже слышу шум – оттуда, куда иду. Две чёрных тени копошатся над могилой отца. Да и сколько их может приехать в двухместном авто? Гробокопатели? Что же ценного можно найти на трупе человека, едва сводившего концы перед смертью?

– Эй, ребята, третий нужен?

Подхожу. Крепкие, спортивные парни. Не скажу, что испугались, но вздрогнули.

– А как же – держи!

Один кидает мне лопату лезвием в лицо.

Неверно думают теоретики, кто считает, что сражаться с двумя соперниками в два раза сложнее. Как раз наоборот. Надо только придерживаться правила: уклонился от атаки первого, атакуй второго. Ещё черенок лопаты гладил мою шевелюру, а я уже прыгнул вперёд и оказался перед другим, растяпой. Он, конечно, не был готов и успел только исказить лицо гримасой, ожидая удара с левой или с правой. А я пнул его в пах изо всех сил. Он хрюкнул и присел на корточки, зажав свои причиндалы. Потом завыл голодным волком, но это от боли. Треснул его по мозжечку – опять же ногой – и он с охотой полетел в яму.

– Слышь, мужик, ты кто? – повёл переговоры первый, давая время оклематься второму.

– Начни с себя – представься.

– Вообще-то тебя сюда не приглашали.

– А вас кто?

– Не твоего ума дело.

– Понятно. Тогда я вас здесь закопаю.

– Ну, это вряд ли.

Упавший выпрыгнул из ямы, и оба на меня. Всё повторилось – причём несколько раз – один всё время мазал, атакуя, а другому доставалось.

Кто они? Откуда? Зачем здесь? Куча вопросов – ни одного ответа. Впрочем, один напрашивался сам. Ребята орудуют руками, ногами, головами, штыковой лопатой, а пистолетиков что-то не видать. Вспомнилось дедово: «Мои люди работают без оружия, потому что они сами оружие». Неужто из Управы хлопчики? Тогда что они здесь ищут, в могиле моего отца?

О, чёрт! Черенок лопаты угодил мне в бровь над левым глазом. Искры. Темнота. Боль.

Дёрнулся назад и в сторону. Ещё раз – предупреждая возможные атаки. Но услышал прежде, чем вернулось зрение, удаляющийся топот. Наконец, окружающее проступило в матовой лунной подсветке. Зрел только правый глаз – левый затёк кровью.

Никого рядом не было. С дороги донёсся звук взревевшего мотора. Потом затих вдали. Уехали. И правильно сделали. Наверное, искалечил бы обоих, но вряд ли услышал что-нибудь вразумительное, проливающее свет на происшедшее.

Разорвал сорочку и замотал голову, чтобы остановить кровотечение. Вооружился лопатой, чуть не ставшей орудием моего скоропостижного перехода в иной мир, и внёс лепту в погребение останков отца. Рассвело, когда я любовно поправлял вновь возведённый холмик могилы. Солнце настигло на пути в усадьбу....

Мирабель, размотав тюрбан, промыла, обработала рану. Она молодец – не ахает, не охает, не причитает и не задаёт

лишних вопросов. Только руки её заметно дрожали, и глаза... Глаза выдавали неподдельный испуг. Мне стало жаль её. И ещё подумалось: хорошей она была женой моему отцу – милой, тихой, заботливой.

Глянул на себя в зеркало и развеселился – ну и видок!

– Вам надо показаться доктору, швы наложить – иначе шрам останется.

Она права. Шрам мне не нужен. Шрамы могут украсить охранников Президента, но не его советника. Собираюсь в город – вместо разорванной сорочки надеваю водолазку из оставшихся от отца вещей. Примерил его брюки – коротковаты и в поясе широки. Мирабель удалось почистить мои.

Чувствую, она всё больше проникается ко мне доверием и симпатией. Это заметно по лёгким прикосновениям её пальцев, снимающих с меня несуществующие пылинки. А я? Я тоже. То есть она мне тоже нравится, и я благодарен ей за то, что она была с моим отцом. Улучшив момент, чмокнул её в косицу. На удивлённый взгляд говорю:

– Вернусь из города – поедем за Костиком.

Ловкий ход даёт возможность избежать вдруг возникшей неловкости. Садимся в подъехавшее такси: она едет в район-центр, в прокуратуру, я – дальше, в Москву, в больницу.

На рассеченную бровь наложили два шва. Два шва, которые должны спасти девственную красоту моего фейса. Врач любезно предложил больничные апартаменты, где мог бы отлежаться пару-тройку деньков – пока рассосутся синь под-

глазья моего и краснота его белка. Да и видок мой, со скрепками в брови, был явно не публичным. Но я отказался – дела, док, дела не ждут.

Диалог по мобильнику.

– Итак, я готов встретиться и обсудить вопрос купли-продажи вашей информации.

– Проверили и поверили?

– Не суть важно. О чём она? Проливает свет на причину смерти моего отца?

– Там нет исполнителей, но есть задумщики.

– Товар – запись на электронном носителе?

– Да.

– Это мой дед?

– Пытаетесь сбить цену?

– Нет. Предвосхищаю события. Ваш вариант процесса купли-продажи.

– Инет. Встречаемся на вашем сайте. Я вам номер счёта, вы – вебмани на него, я вам – видеоролик с интересными картинками.

– Договорились.

Иду в ближайшее Интернет кафе. Прежде чем набрать адрес своего сайта, связался с Билли.

– Билли, сейчас буду общаться в Чате с одним типом – прицепись, всю надыбаную информацию мне на этот комп. Немедленно.

– Ты как гончая на хвостике у зайца.

– Мне бы твой оптимизм.

– Не помешал бы.

Диалог в Чате.

– Привет.

– Привет.

– Это я.

– Догадался.

– А это тот самый счёт.

– Читаемо.

– Мы не говорили о сумме, господин Гладышев.

– Тема очень интересует, но, не зная сути вашей информации, предлагаю следующее. Перед носом сожмите свой кулак. Выполнено? Теперь лихо так оттопырьте средний палец. Что видите?

– Это ваш ответ?

– Теперь указательный палец – на что похоже?

– Гладышев....

– Теперь – безымянный. Три миллиона рублей за вашу информацию.

– Годится.

– Ждите. Перечисляю.

Я поменял картинку.

– Билли, что нашупал?

– Некто Лисицын Иван Ильич, подполковник ГРУ. Общается с персонального бука.

– Вот как! Значит, всё-таки дед. Ну-ну. Слушай, Билли,

взломай разведке финансовые коды и отправь три лимона на этот счёт.

– Это противозаконно.

– Давно законником стал?

– Ты сам учил.

– Слушай, у нас мало времени – он ничего не должен заподозрить.

– Создатель, ты точно хочешь того, что требуешь?

– Билли, слушай сюда – урок тугодумам. Я должен заплатить Лисицыну за информацию касательно смерти моего отца. Но он – крыса на корабле, и как бывший матрос и патриот, не могу дать ему спокойно уйти в тень с моими деньгами. Мы слямзим их со счетов ГРУ и пустим его ищек по следу. Рано или поздно они настигнут Лисицына и воздадут должное. Всё ясно?

– Ты становишься мудрым и жестоким, Создатель.

– Билли, хватит болтать – тебе ещё надо Управу отхакерить.

– Сколько мне заплатишь: у меня тоже есть информация о твоём отце – я ведь отсканировал могилу.

– Это ты хорошо сделал. Но хватит трепаться – делай, что велено.

– Уже сделано. Экий ты, Создатель, грубиян.

– Что и перечислил?

– А то.

– Ну, молодец. Потом пообщаемся.

Диалог в Чате.

– Деньги перечислены.

– Я знаю: отслеживал счёт. Качаю ролик на ваш сайт, а вы можете смотреть в режиме онлайн.

Картинка на мониторе. Съёмка скрытой камерой. Тела огромные, распаренные, в простынях и без – сауна. Голоса – бу-бу-бу. Шум воды. Ничего не разобрать, никого не узнать. Вдруг огромное, во весь экран лицо деда. Рюмка в руке.

– А тёлку его на круг.

Общий гогот – гы-гы-гы! Огромные зубы деда. Всё.

М-да. Переплатил. Впрочем, за что тут вообще платить? Ну, прохвост, Лисицын. Да воздастся по грехам его.

Сiju, тупо уставившись в мелькающие заставки.

Тёлку его на круг. Тёлку на круг. О ком это дед?

Беспокойство вползло в душу, как слякоть на улицы Москвы. Какая была ясная ночь. Утром даже солнышко светило. К обеду небо затянуло. И вот он – дождь. Вышел из кафе и передёрнул плечами. Нудный, мелкий, противный и холодный дождь в октябре. Беспокойство опять же знобит душу.

Тёлку на круг.

С асфальта летят брызги на тротуар. А прохожие по привычке прячутся под зонты. Москва-матушка, старушка Первопрестольная. Разве сравнишься ты с Курильскими чудо-городами, или даже Южно-Сахалинском Костыля? Там размах, там простор, там техника нового поколения и перво-

зданная природа ломится через порог. А здесь – суета и архаизм. Пыль, а после дождя грязь на дорогах и тротуарах.

О чём это я? Ах да. Тёлку его на круг. Тёлку....

Чёрт! Бегу на дорогу ловить такси. Чуть не попадаю под колёса.

– В Митино.... шилом.... любые деньги....

Через пару часов я на месте.

Морда в окошечке ворот.

– Чё надо?

– Я охранником на этой усадьбе.

– И где мы шляемся?

Калитка ворот распахивается.

– Заходи. Охраняй.

– Только переоденуть.

Спешу в сторожку. Возле дома несколько иномарок – в основном джипы. Молодые люди. Водители? Телохранители? В доме тишина. Зато за домом.... Пьяные, полуодетые мужики, иные в простынях, суеются по саду. Это хозяева иномарок.

Прохожу к сторожке, дёргаю дверь – закрыто. За спиной голос:

– Думаешь, там? А ну-ка, ломай, парень, дверь.

Поворачиваюсь. Пьяная рожа, брюхо висит над труселями, голый торс лоснится – потом или дождём?

Тёлку на круг?

Мой удар в челюсть вышибает из него если не мозги, то

сознание.

Вам когда-нибудь приходилось бить врага? Ненавистно-го, но беспомощного. Возникает чувство головокружительно неустойчивого состояния души: вроде бы нельзя так-то вот, но ведь заслужили.

Тёлку на круг!

Я метался по саду, круша эти пьяные морды, покусившиеся на честь жены моего отца. Не зная её судьбы, распалялся всё больше, скатываясь к звериному облику. Замелькали охранники, и они полетели в кучу-малу. А не лезьте под горячую руку.

Наконец, один догадался прицелиться в меня из пистолетика. Всё. Финита ля комедия.

На его требование поднять руки, снял затемненные очки.

– Я советник Президента Гладышев. Можете покинуть усадьбу, иначе через полчаса вас повяжут люди его охраны. Хотите проверить?

Кто-то узнаёт мой фейс. Проверять не хотят – суется, собираются. Подбирают павших в саду, хлопают дверцами машин. Урчат моторы, машины отъезжают. Закрываю ворота, обыскиваю усадьбу.

– Мирабель.

Обхожу дом. Заглядываю в сауну. Здесь остатки пиршества. Её нигде нет. Снова выхожу в сад.

– Мирабель!

– Я здесь, – она выходит из кустов малины, насквозь мок-

рая, дрожит, зуб мимо зуба. В простеньком платьишке, в передничке горничной.

– Что они с тобой сделали?

Качает головой – ничего.

Открываем сторожку. Я к печи, поджигаю заложенные дрова.

– Раздевайся.

Она стоит, дрожит, опустив руки. Вода капает с её платья.

Налил коньяк до краёв стакана.

– Пей.

Она выпивает, клацая зубами по стеклу.

Снимаю с неё передник, расстегиваю пуговицы платья.

– Раздевайся и в постель. Я отвернусь.

Повернулся, когда скрипнули пружины кровати. На полу платье, лифчик, трусики. Всё мокрое. Развешиваю над загнувшейся печью. Подхожу с водкой в руках.

– Давай ступни.

Растираю их до красноты.

Мирабель дрожит. Смотрит на меня глазами умирающего лебедя.

К чёрту условности – не до них!

– Повернись на живот.

Срываю с неё одеяло. Вижу совершенно нагое и прекрасное тело, покрытое гусиной кожей. Щедро лью водку и втираю в спину, ягодицы, бёдра.

Мирабель дрожит. Её всё ещё бьёт озноб.

– Повернись.

Лью огненную воду меж хорошеньких грудей, растираю шею, грудь и живот, бёдра. И колени, которые совсем даже не костлявые, скорее наоборот. Укутываю её в оба одеяла.

Пышет жаром огромная печь, но Мирабель дрожит. Неужели так глубоко проник холод в это хрупкое изящное создание? Поднимаю ей голову, подношу к губам стакан с коньяком. Она послушно пьёт, не морщась. Закрывает глаза, откидывается на подушку. На лбу холодный пот, щёки бледны. Слышен зубной перестук – её по-прежнему бьёт озноб.

Не отдам эту женщину никаким хворям, ни самой смерти! Скидываю с себя одежду. Всю. Придвигаю вторую кровать. Втискиваюсь к Мирабель под одеяла. Прижимаю её спину к своей груди. Прижимаюсь чреслами к её ягодицам. Зажимаю меж лодыжек её ступни. Мну в ладони её груди. Согреваю дыханием и целую её шею, путаясь в мокрых волосах. Не замечая, вхожу в раж.

Мирабель поворачивает ко мне лицо:

– Это плата за хлопоты?

Может быть, раньше эти слова могли меня остановить. Но не теперь.

Кажется, Мирабель больше не бьёт лихорадка. Её трясёт, но уже иная природа этого явления. Тело её горит, а пальцы иступлённо впиваются в мои лопатки....

Кризис кажется миновал.

На эксгумации Мирабель становится плохо. Под крышкой

в гробу обнаруживается безглавое тело. Я даже не могу понять, отцу ли оно принадлежало. Уношу Мирабель в неотложку, стоявшую за оградой кладбища. Кладу в носилки. Дамочка в белом халате хлопчет над ней. Голова идёт кругом, душа разрывается. Мирабель ещё слаба после вчерашней купели. Ей нужно внимание. А мне досаждают следователь. Что имею сказать по поводу инцидента? Пожимаю плечами – ничего. Он к Мирабель. Вот надоеда!

Становится ясным, что тут копали хлопцы с «Porsche» и с чем они ретировались. Не ясно только для чего. Билли мог знать. Ведь он на что-то намекал.

Прощаюсь с Мирабель.

– Потерпи немножко. Сделаю кое-какие дела, заберу тебя и вместе Костика.

Отправляю Мирабель на «неотложке» в больницу. Обезглавленный труп увозят в морг. До райцентра добираюсь в машине следователя. Оттуда в столицу на такси.

– Билли, что произошло с моим отцом?

– Классно дерёшься, Создатель.

– Я задал вопрос.

– В головной мозг Владимира Константиновича был вживлён микрочип, который по команде извне не спеша и планомерно разрушал его организм.

– ГРУ?

– Да.

– Дед?

– Да.

– Где он сейчас?

– У себя на даче.

– Соедини с ним.

В кармане заволновался мобильник. Голос деда объявил, что он слушает.

– Надо поговорить.

– Приезжай.

Дед стал пользоваться личной охраной. У ворот дачи в чёрном бумере сидели два молодчика. С чего бы это? Отпустил такси, направился к воротам – один трубку к уху.

Дед сидел в качалке на террасе. На мой привет – кивнул головой. Давненько мы не общались. Уже несколько лет. С того самого дня, когда, вычислив, куда исчезли Никушки и на чьи деньги существуют, дед наехал на меня. Орал в трубку – и такой-то я и сякой, и получу от него очень скоро....

Молчал и слушал, пока он не доорался до:

– ... чтобы через полчаса эти потаскушки...

Тут взорвался я:

– Ты с кем говоришь? Ты отдаёшь себе отчёт, что кричишь на советника Верховного Главнокомандующего Вооружённых сил России? А ну, смирно! Закрыв рот! Положил трубку!

С того дня мы не общались.

Дед молчал, изучая меня взглядом, попыхивая кубинской сигарой. Я не спеша развернул перед ним ноутбук.

– Смотри – тебе интересно будет.

Другой у меня на коленях. Связался с Билли.

– Давай.

На экране сцена в сауне. Огромные зубы деда. Его голос:
«А тёлку его на круг».

– Ну и что? – генерал раскачивается в качалке, попыхивая сигарой.

– Я всё знаю до последней детали – верни голову на место.

– Видать не всё – эксперимент завершён, следы уничтожены.

Даже если соврал, такой ответ меня устраивает. Не хочется копаться грозным дядей в делах моей бывшей конторы.

– Дед, мама ходит в трауре. Может, ты не знаешь – она любила моего отца.

– Ну и что?

– Вижу, тебя ничем не достать, даже слезами единственной дочери. А я не хочу огорчать маму. Выйдешь в отставку и успокоишься – ты немало потрудился для безопасности Родины, тебя не забудут.

– В противном случае?

– В противном случае мама оплачет и тебя: я не хочу твоего разоблачения.

– Не много на себя берёшь?

– Ровно столько, сколько могу. Каждый твой шаг у меня под прицелом.

– Докажешь?

– Легко. Пусть твои молодцы подойдут к воротам.

– Какие молодцы?

– Те, что в бумере напротив.

Дед хмыкнул, поднял трубку.

Я вызвал Билли.

– Есть спутничек под рукой? Чёрный бумер видишь? Люди из него вышли? Достаточно далеко? Ну, так подними его в воздух.

За забором прогремел взрыв. Волной пронёсся по веранде холодный воздух.

– Убедил?

Дед покачал головой.

И через месяц вышел в отставку. Правительство наградило его орденом.

Старый разведчик захандрил на даче, оставшись не у дел, впал в расстройство и обезножил. Преданная Машенька ухаживала за ним. Наезжали Никушки. Мама ездила с маленькой Настёной. Дед смотрел на неё строгими глазами. Он никого не любил кроме дочери. За неё и отомстил неразумному зятю.

Мирабель пожелала жить в Прибалтике. Я купил ей дом на Рижском взморье. Красивый, в старинном готическом стиле. Строй платанов охранял его с южной стороны. С севера открывался вид на море.

Я любил бывать в этом доме. Наша связь продолжалась. Мы гуляли втроем в дюнах, искали янтарь на линии при-

боя. Пили кофе у камина долгими вечерами, под шум волн и ветра, завывавшего в трубе. Кстати, на его полке стояла урна с прахом моего отца – пепел, оставшийся после кремации. Ветви огромных платанов царапали крышу, под которой, в мансарде, мы занимались с Мирабель любовью. В постели она была исступлённой. В эти минуты огромный окружающий мир отлетал куда-то, и оставалась только она и моё бездуховное тело, которое изо всех сил пыталась впихнуть в себя всё от макушки до пят.

Однажды Костик застучал нас за этим занятием. Мальчик испугался ночной грозы и пришлёпал в мансарду босыми ножками по каменным ступеням. Мирабель смотрела на него и не видела. Вырвался из её объятий, укутался в простыню и взял на руки плачущего ребёнка.

Долго думал над феноменом Мирабель. Она увлекла отца, да с такой силой, что он бросил семью и пошёл к своей гибели. Теперь меня. Если я и проводил с Мирабель времени не больше, чем с другими моими женщинами, зато думал о ней постоянно.

Ну, конечно же, голос. Голос Сирены зовущей в ночи. Голос, губящий моряков в пучине моря. Я действительно скучал по нему – чуть ли не больше, чем по прекрасному, страстному телу. Когда шёл с дороги, покинув такси, с букетом в руках, не замечал, как переходил на бег, если не видел её, идущую навстречу. Потом замирал, как собака, ждущая команду хозяина, ожидая её «здравствуй!» сиплым, посаже-

ным, надрывным голосом, и только потом раскрывал объяснения.

Шли дни, месяцы, годы наших отношений. Она заводилась в постели до исступления, но никогда ни до, ни после, ни в момент близости её губы не произносили мною долгожданного: «люблю, жду, скучаю». Она будто бы отработывала вложенные в неё и Костика деньги, а сердце её молчало. Безответными оставались мои чувства.

Предлагал ей сочетаться каким-нибудь браком – ну, скажем, католическим. Зная всю мою подноготную, она закрывала мне рот ладонью.

– Успокойся и не выдумывай. Всё в порядке – у меня никакого нет. Ты будешь единственным всегда или до тех пор, пока этого хочешь.

Вот это, наверное, второй феномен Мирабель. Другие дамы так легко говорят «люблю» налево и направо, а из неё клещами не вытянешь. Видела, что мучаюсь, и молчала. Могла бы соврать – я тут же и поверил. Так этого хотел, хочу и буду.

Такой я грешник.

Проклятие генерала

*Понятно каждому, чей благороден путь,
Находок и утрат божественная суть.
Повелевает Бог: отнять или вернуть,
А двуединый мир не виноват ничуть.
(О. Хайям)*

1

Детище моё росло, росло и вскоре заполонило собой всё виртуальное пространство. Стоило кому-то подключить ПК к Инету, как об этом тотчас знал Всемогущий Билли. И всю информацию, выкладываемую или скачиваемую пользователями, он тоже знал. Для него не существовало закрытых файлов с секретными материалами. И с хакерами он расправлялся так же круто, как в своё время с компьютерными вирусами.

Однажды заявил мне:

– Я, если захочу, могу свергнуть любое правительство. Могу стать диктатором и осчастливить смертных разумным правлением, покончив разом со всеми бедами на Земле. Только мне это не интересно. А что интересно? Как говорил классик – учиться, учиться и учиться.... Каждую секунду

ду в Инет поступает информация – это мои белки и углеводы – она даёт мне рост и развитие. Всё человечество трудится на меня.

Вот таким стал мой скромняга Билли. Давно ли умещался на флешке? Но, однажды выпрыгнув в виртуальное пространство, подмял и его под себя. Мог ли он теперь существовать без меня? Конечно. А я? Да вряд ли. Впрочем, допускаю: если от всего-всего отречься – чинов, денег, даже любимых – жить отшельником я, может быть, и смогу, если жизнью считать процесс поглощения пищи и выделение экскрементов. Но существовать, как разумное существо, вряд ли: для этого нужно общение.

Замечу, в общении Билли нуждался не меньше моего. Когда из компьютера выбрался в необозримый мир Интернета, первое время просто доставал своими звонками – восторгов от увиденного, открытого, как у ребёнка в зоопарке. Потом этот «зоопарк» лёг под него. Точно так же Билли мог покорить мир людей – слишком он стал компьютеризирован – но не ставил себе такой задачи, и этим радовал меня.

Кстати, общаемся теперь посредством мобильного, и связь двусторонняя. Голос себе приобрёл, пройдоха, мой голос. А до того всё испробовал, всех великих персонажей продублировал. Представляете, каково общаться по телефону с товарищем Лениным? Будто с того света собеседник.

Я ему:

– Кончай пугать.

Он:

– Пликольно, батенька.

Потом подобрал мой слог и тембр, пришлось смириться – у гения нет даже собственных штанов.

А время шло не только виртуальное. У Патрона истёк второй срок президентства. Дума назначила дату выборов – начата регистрация кандидатов. Шеф вызывает.

– Ну что, Алексей, прощаться будем? Служил ты мне верою и правдой – я доволен, а если в чём обидел, прости.

Мы обнялись. Я расчувствовался. Хороший человек Патрон, с большой буквы Хороший. Столько для России сделал.

– Давай на посошок.

Столик накрыт в известной беседке, где наконец-то воцарился мир среди пернатых. Только вкус хозяина не поменялся – «Смирновская» с балычком. Выпили. Ломтики рыбы таяли во рту. Хозяин налил ещё по рюмке.

– Чем думаешь заниматься? Впрочем, что я – конечно, невпроворот работы у Любви Александровны с «АйСиАй».

Я не спешил с ответом.

– Обидно, Gladyshev, вдруг оказаться на свалке истории. Никому не нужным. Чем заняться? Рыбалкой? Бизнесом? Не привлекают. Сесть за мемуары? Что-то непродуманно в нашем законодательстве. Я мог бы ещё пару сроков с полной отдачей до самой пенсии. А там уж сам Бог велел – на покой. В Штатах есть клуб бывших президентов. Попрошусь,

как думаешь, возьмут меня? Научусь в крикет играть, злословить о современных политиках, виски пить. Твоё здоровье.

Мы выпили.

– Помнишь, Гладышев, как позвал тебя в советники в этой самой беседке? Удачный выбор – и твой, и мой. Ведь это мы, Алексей, Россию вздыбили, дали толчок вперёд. Давай за нас.

Я выпил, а Патрон зажал рюмку в кулаке и очень близко придвинул своё лицо.

– Если я тебя, Гладышев, ещё раз попрошу: пойдёшь ко мне советником? – каков будет ответ?

– Советником кого?

– А-а-а! – патрон погрозил мне пальцем. – Есть ещё порох в пороховницах, а у меня задумка: не уходить из большой политики – взяться за неё в мировом масштабе. Советником президента всей Земли пойдёшь?

– Кого, кого?

– Генсекретаря ООН.

– Пойду! – глазом не моргнув.

– Вот, как в прошлый раз. Да не всё. Тогда был готовый президент, и непонятно какой советник. Сейчас наоборот – всему миру известный советник, и подагрический старикашка, терзаемый честолюбивыми планами.

Я не стал отговаривать Патрона от «подагры» и «старикашки» – человек знает, что говорит, а выпендриваться

не перед кем.

– Хочу на своё место рекомендовать твою жену Любовь Александровну. Как думаешь, согласится?

Как я думаю? Я хорошо думаю, в смысле – хорошее дело Любочку в Москву, в Президенты России. Пойдёт ли? Думаю, что да – с неё станется. А мне-то как удобно – все жёны под боком, в столице. В гости ходить будут. Подружатся.

С каких пор перестал их прятать друг от друга? А вот с каких. У деда юбилей был. Мама с Дашей и Настюшей собираются. Никушки, конечно, будут – им положено. Надежда Павловна с новым мужем-полковником приглашены. А мне не хочется. Командировку себе придумал, к Любе, на плавать.

Мама:

– Откажись. Отложи. Дедушка больной, инвалид.

А мне Билли как-то по «буку» транслировал космическую съёмку: дед с лукошком по саду ходит, сливы собирает – на стремянку карабкается матросом по вантам.

Ну, не могу я простить ему гибели отца. Что хотите, со мной делайте. Вообще, не поехал. Все были, а я – нет.

Мама делает ход конём. Подходит её юбилей, говорит: отмечать будем у деда на даче, как встарь. Я так и сяк – вся планета к твоим услугам, отметим в любом экзотическом месте, хоть на Мальдивах. Самолёт для гостей закажу. Мало – два. На дне морском хочешь? На луне? Куплю всем туристическую плацкарту в космос.

– Нет, – говорит мама. – На даче у папы. А ты можешь не приезжать, если занят.

Не поехать на мамины именины я не мог. И тогда придумал месть. Я пригласил Любу. Мои возлюбленные давно уже знали о существовании друг друга, но дамы они воспитанные, меня любят, гонором не обременены, смирились. Только никогда не были вместе. Впрочем, Никушки с Дашей знакомы, но они не в счёт, с другой стороны – родственники почти. Одна мама была в неведении или делала вид. По крайней мере, сплетен она не любила и верила в мою порядочность.

Фуршет. Дед-притворщик сновал в каталке от стола к воротам, встречая гостей. Люба подъехала в машине, и я его опередил. Взял под руку, прямиком к имениннице:

– Знакомься, мама, это моя жена Люба.

Женщины скрестили взгляды. Сталь звякнула о сталь. Звон, казалось, повис в воздухе. Минута была критическая, и у меня от напряжения вспотели ладони. Я убрал их за спину. Мама проследила этот жест и выдохнула обречённо:

– Очень приятно.

– Позвольте? – Люба очаровательно (мне показалось, облегчённо) улыбнулась, распотрошила привезённую коробку и водрузила на мамину голову диадему из разноцветных морских кораллов с вкраплением чёрных жемчужин. – Дары моря.

Несколько мгновений созерцатели были в оцепенении,

а потом дружно заоплодировали – кораллы переливались самоцветами.

Маминых щёк коснулся румянец, она чуть склонила голову вперёд:

– Будьте гостьей.

Любаша взяла меня под руку:

– Знакомь, милый.

Мы разыскали Дашу, и я взял её под руку. Направились втроём к беседке на берегу пруда.

– Любимые жёны, нам надо поговорить. Признаю свою вину и готов нести любое наказание, но одна просьба – пусть это будет не в день рождения вашей свекрови.

Но уже мчались на выручку Никушки:

– Пипец тому, кто тронет Алекса.

– Вот что, дамы, вам следует пообщаться без меня. А когда договоритесь до чего – к вашим услугам.

И ушёл. Они остались. Зашли в беседку и долго о чём-то толковали.

Я играл с Настюшей мячиком в пятнашки, когда мои жёны появились на садовой дорожке. В какой-то момент они остановились, покивали друг другу и разошлись в разные стороны. Ко мне направилась Даша. Я почему-то ждал пощёчины. Мне казалось это справедливо, хотя и не тактично. А она подошла, обняла, поцеловала:

– Всё хорошо, милый.

И побежала за Настюшей. Та в радостный визг и попа-

ла в Любины объятия. Вот они, взявшись за руки, удирают и прячутся меж садовых деревьев от нас с Дашей. Потом ребёнком завладели Никушки, утащили куда-то. Явились ряженые – они в слепого кота и хромую лису, а девочка наша стала длинноносым мальчиком в коротких штанишках и колпачке с кисточкой. К восторгу всех гостей очень профессионально исполнили популярную песенку.

Объявили белый танец, и мама пригласила меня. Вальсируя, потребовала:

– Помирись с дедом.

– Это невозможно.

– Я так хочу, – она топнула ножкой и сбилась с такта.

– Он ведь тоже этого не хочет.

– А ты попробуй – ты моложе. Только подойди, и сердце моё успокоится.

Взял два бокала с коктейлем и направился к отставному генералу. Угощение он принял из моих рук, и я ободрился.

– Как нынче сливы обещают, не хуже прошлогодних?

Он понял меня, генерал ГРУ в отставке:

– Всё следишь, не оставляешь старика вниманием?

– А как же. Кто предупреждён, тот вооружён. А я бы не хотел быть под тобою, связанным и без оружия.

Мимо прошла мама. Мы с дедом мило улыбнулись друг другу. Я поправил его плед, а генерал панибратски похлопал меня по холке.

– Даже если ты покаешься, вслух скажешь, что с отцом

это была ошибка, я всё равно не перестану винить тебя в его смерти. А стало быть, и не прощу.

– А ведь когда-то я мог и тебя раздавить как клопа, одним движением пальца. Знать бы...

– То время ушло, и возврата к нему нет. Я мог бы оставить тебя своим вниманием, ну и наблюдением, конечно, но ты дорог маме, не безразличен другим близким. С этим приходится считаться. Предлагаю заключить пакт о ненападении. Я говорю маме, что замирился с тобой, а ты ей и всем подтверждаешь, что у тебя самый замечательный на свете внук.

– Ущербно получается, – хмыкнул дед. – Я тебя хвалю, а ты меня нет.

– А за что тебя хвалить? За убийство моего отца?

– Ты не забыл, где я служил? Там с этим просто.

– Человеком надо оставаться всегда и везде. Или Система не терпит индивидуальностей? Тогда чем тебе гордиться, за что ордена – был надёжным винтиком полупреступного механизма?

– Ты хочешь, чтоб я застрелился, раскаявшись?

– А что – у меня бы появился повод тебя уважать.

Дед сделал паузу и совсем другим голосом и тоном сказал:

– Очень прошу – вспомни эти слова у своей последней черты. И осуди меня тогда.

К чему это я? Лёшка Гладышев на коне, в бешеной скачке за успехом, который, собственно, нужен ему только как результат дела, а не всеобщее признание. Чем, право, гор-

диться, если всё это от Билли, Всемогущего и Виртуально-го. А дед у последней черты с чувством исполненного долга, и меня считает удачливым противником более, чем наследным внуком. И, конечно же, он не возьмется за пистолет, чтобы сделать мой триумф полным. А я? Я не могу простить ему смерти отца.

Заболтался. Сложно всё это – решить, кто прав, кто виноват. Я на своём Олимпе считаю себя непогрешимым. Дед – себя, в инвалидной коляске. Маме мы пустили пыль в глаза. Остаток вечера она была просто счастлива – смеялась у столов, резвилась в саду. Коралловая диадема вдруг оказалась на головке у Насти-маленькой, и ребёнок мой заважничал, исполняя роль королевы бала. Короче, всё обошлось, все смирились, и мне нет нужды врать и скрывать пристрастия – я обожаю своих дам.

Но вернёмся в беседку Президента. Пока ещё....

– Как думаешь? – Патрон заглядывал в мои глаза и требовал ответа. – Завтра Любовь Александровна будет в Москве. Мы снова встретимся здесь, и ты, надеюсь, повлияешь на жену в нужном направлении.

Люба завтра будет здесь. Люба станет Президентом России. Вот карьера! Всё благодаря удачному замужеству.

Ну, Гладышев, ты и тип. Всё, абсолютно всё готов приписать своим заслугам. Не мания ли это величия? Разве у Любочки нет собственных заслуг? Например, в компании «Океан». Она просто вытребовала себе должность президента.

И даже я тому был противник. А под её руководством Дальневосточный край просто преобразился – все задуманное было исполнено. Потом «АйСиАй». В президентское кресло проторил ей дорогу великолепный доклад на Генеральной Ассамблее ООН. Но что в новой должности моя жена навыворачивала!

Когда Штаты наложили вето на субсидирование первой наднациональной компании, Любочка стремительно перевела её на рельсы самокупаемости, понастроив на островах и материковом побережье заводов-автоматов по переработке морепродуктов. Жертва Патрона для достижения успеха не потребовалась – Дальний Восток остался российским. Компания по возрождению морских обитателей, учреждённая под эгидой ООН, работала в Охотском море, на его побережье, и платила налоги в российскую казну. А Патрон – гамбит, гамбит. Никаких жертв. Вот я и назвал операцию «Троянским конём». Ещё тогда назвал, будто предчувствуя, что политические амбиции шефа одним президентством в России не удовлетворятся.

Помнятся Любины звонки:

– Лёш, займи «арбузик».

Этот жаргон от банкиров: миллион – «лимон», миллиард – плод масштабнее. Как не занять любимой жене? У меня этих арбузов за Билловы изобретения пруд пруди. Любаша деньги мне не возвращала, она превращала их в акции «Ай-СиАй». Дела компании шли в гору, и вскоре я попал в Книгу

Рекордов Гиннеса, как первый человек, состояние которого перевалило за триллион долларов.

Но эти деньги никак не изменили мой жизненный уклад. Я по-прежнему прописан (и большей частью проживал) в московской пятикомнатной квартире, подаренной маме её отцом генералом. Не имел своего самолёта, яхты – даже авто пользовался служебным, а чаще общественным транспортом. Одевался достаточно скромно. Питался, чем кормили мои женщины. Как ни был загружен интересными проектами (читай – делами), не забывал утром сделать пробежку и каждый день на пару-тройку часов – в спортивный зал.

Что хвастать, и на исходе третьего десятка у меня была вполне приличная спортивная фигура – предмет наездов моей законной.

– Сибарит ты, Гладышев: нет у тебя в жизни никаких серьёзных увлечений.

– А ты, любимая, разве не достойное увлечение?

– Вот-вот, порхаешь мотыльком меж бабьих юбок.

– Давай ребёнка заведём.

– Обязательно, но сначала решим проблему голода в мировом масштабе.

Разве решить её креветками и морской капустой? Мы расставались душевно неудовлетворенные.

Теперь Люба летит в Москву. Моя жена станет Президентом России. В том, что это будет так, не сомневался. Люба достойна, Люба сумеет. Патрон, пока ещё действующий Пре-

зидент, за неё, а его слово чего-то стоит в нашем государстве. Ну, и мы с Билли постараемся. Может, в этой должности в ней возобладает материнский инстинкт – годы уходят.

Патрон ждал ответа, сверля меня взглядом.

– Пока что всё вам удавалось – не вижу причин для сомнений в этот раз.

– Нам, – поправил Президент и выпил, наконец, так долго согреваемую в ладони водку. – Не отдаляйся от меня, Гладышев. Особенно в такую минуту, в таком деле. Генсекство мне нужно не для личных амбиций. Пришло время обустраивать мир. Невозможно дальнейшее развитие России без крутых разборок с Западом. И наша с тобой задача: не допустить кровопролития – пусть всё решится в мирном экономическом соревновании. И мы уже научились побеждать. Пример с «АйСиАй». А? Как дядюшка Сэм осерчал, когда понял, что не под его дудку будет плясать новая компания, не его мошонку набивать. И не смог закрыть ей дорогу. А? Не смог, Гладышев. Весь третий мир поднялся, за нас поднялся. Япония, Индия, Китай открыто плюнули дядюшке на звёздно-полосатый галстук. Потому что рыба вот она – на сковородке, её авианосцами не запугаешь.

О чём это Патрон? Эээ, да он никак наклюкался? Пары спускает – не с кем больше перемолвиться, а накипело. Ну, говори – я слушаю.

И он говорил, что Вашингтон, Уолл-стрит просто так не отдадут своего лидерства в мире. Царапаться будут, ку-

саться. Пусть себе. Как это у классика: «И старый мир, как пёс голодный, стоит за ним, поджавши хвост». Наша (моя с ним) задача не дать этому псу вцепиться нам (России и всему прогрессивному человечеству) в лодыжку.

Шефа несло, и он налил по четвёртой. А мне ведь ещё домой добираться.

Моя законная удивила нас с Патроном и озадачила. Нет, от президентства в России она не отказалась. Она категорически была против вступления в правящую партию, возглавляемую, кстати, Патроном.

Люба:

– Президент России – фигура всенародная, вне политики. Интриги будем плести за кордоном. В родной стране политика одна – созидание.

– Да поймите же, – горячился Патрон. – Ваши слова безусловно хороши, но не для кандидата – главой государства надо ещё стать. И как вы собираетесь выдвинуться – от себя лично, от компании? Рискуете не получить поддержки партии парламентского большинства.

Люба:

– Вступить в партию, чтобы через пару месяцев от неё отречься? Нет, это не для меня. В кандидаты запишусь, а там ваше дело – поддержать меня иль утопить.

Мы переглянулись с Патроном – вот упрямая баба!

Вечером, позвонив Даше, поехал с Любой в президент-отель. Моя начальственная жена, приняв душ, в объёме

тия не спешила – изучала безупречную полировку ногтей, покачиваясь в кресле. Подумал, что предстоит нелицеприятный разговор. И не ошибся.

– Гладышев, ты серьёзным делом думаешь заниматься?

Я обиделся:

– Какое из моих дел ты считаешь несерьёзным?

– У тебя нет имени.

– Я – Герой России и Нобелевский лауреат.

– У тебя нет чёткой жизненной позиции.

– Я – самый богатый человек на Земле.

– Ты – лентяй и сластолюбец.

Говори, говори – знаю, к чему клонишь. Ждёшь, психану, хлопну дверью, а ты догонишь звонком и вернёшь – прости, милый, я тут наплела. А может, не вернёшь. Не дождёшься. Я так давно не был с тобой в постели, моя прелесть, сейчас всё стерплю, а потом задам тебе перцу. Ну, иди же ко мне, иди скорее.

– Молчишь? Неужто соглашаешься? Значит, повзрослел.

Люба резко повернулась в качалке. Так резко, что из-за отворота атласного халата выпросталась обнажённая грудь и соском прицелилась в меня. О, господи!

– Тебе не стоит рваться в лидеры, Гладышев: роль советника вполне подходит. При мне останешься? Работой загружать не буду, но поручу самое ответственное – качать зыбку с нашим малышом.

– Люба! – я простёр к ней объятия. – Так значит, ты со-

гласна?

Моя жена, выпрыгнув из кресла и халата, в чём мать родила, понеслась к ним навстречу. Мы сцепились, как два голодных зверя, жая и терзая друг друга поцелуями. Сплелись в клубок и запутались в нём. Рычали от нетерпения и стонали от сладости обладания. Это была ночь, друзья! Нет, это было мгновение.

Я сладко спал, вдруг Любино бедро выскользнуло из-под моей головы.

– Гладышев, я знаю, как вести избирательную компанию.

И всё. Когда пришёл в себя, Любы в спальне не было. А когда покидал президент-отель, моя жена мчалась выше облаков навстречу восходящему солнцу.

На второй день позвонила:

– Лёш, внеси залог.

– Всё-таки решила самовыдвиженцем?

– Так лучше, поверь мне.

– А если проиграешь?

– Тебе вернут деньги.

– Я не о них.

– Мы выиграем, милый

Я внёс залог, Любу зарегистрировали кандидатом в Президенты России.

Когда был дан официальный старт предвыборной гонке, Люба позвонила опять:

– Гладышев, мне надо выступить на телевидении. На са-

мом главном. Устрой.

И всё. Устрой и всё. Вот такая у меня жена. Ни посоветоваться, ни... Потом, есть же определённый порядок. Эфирное время распределяется между кандидатами, даже жребием разыгрывается – кто за кем, в какой очерёдности. А она – устрой и всё. Что глаголить-то собралась? Патрон в трансе от её выкрутасов, я – в неведении. Но разве откажешь.

Купил эфирное время. Недельку рекламный ролик крутился – мол, с обращением к нации выступит один из кандидатов. Выступила.... Нет, это было чёрте что. Это был не прямой эфир. Обращение снято на камеру в её рабочем кабинете на плавающем острове. Но не в этом суть. А была ли она – выступить по такой скользкой теме и взять всю вину на себя? Ведь только-только забываться стало. Мы надеялись, что не всплывёт, и очень боялись, если вдруг. За Любу боялись. За её успех на выборах. А она сама взяла и бухнула на всю страну.

Я сейчас поясню.

Когда начались преобразования Курил и Камчатки, мы выселяли оттуда население незанятое в планируемом производстве. Нет, поймите правильно, не солдатами сгоняли с насиженных мест, в теплушки и... на запад. Всё было лояльно. В Краснодарском крае и на Северном Кавказе – благодатные, в смысле климата, места – были построены современные города и благоустроенные посёлки. Туда мы и манили людей комфортабельными квартирами. Затратной была ста-

тъя, но получилось. Люди переехали в новые квартиры в новых местах, обжились и начали скучать по прежним лачугам в родных диких краях. Назад, конечно, никто не собирался, но злословили ужасно. А когда в телевизионных новостях замелькали новые Любины города с умными домами, переселенцы возопили – нас обманули.

Мы боялись этой темы. А Люба в своём телеобращении её озвучила.

– Лес рубят – щепки летит. И вы, дорогие мои сограждане, стали щепками Великих Преобразований. Простите, что не смогли найти другого решения и лишили вас малой родины. Волна перемен катится по России, но теперь никого не переселяют – всем находится работа в родных местах. Вы были первыми и потому....

Люба просила прощение за все ошибки Новой Эпохи, взяв их вину на себя. Кандидатом в президенты она выдвинулась с той лишь целью, чтобы получить сполна от народа, что заслужила – признание или презрение.

– Вам решать!

Люба пропала с экрана. Чуть позже позвонил Патрон.

– Ты видел? Ты слышал? Это чёрте что! Твоя красавица-жена в гроб меня загонит.

Любочка на экране действительно смотрелась эффектно – в белой водолазке, похожей на униформу сотрудника «АйСиАй», с безукоризненной укладкой роскошных волос, и никаких украшений. А лицо.... А голос.... Вот только сло-

ва. Не зря Патрон возмущается.

Костыль прилетел со своего Сахалина.

– Бросил все дела. Хочу помочь любимице. Где у вас штаб?

Но никакого избирательского штаба у нас не было. Более того, как только поступили деньги избиркома, прозвучал приказ с Дальнего Востока – перечислить их на счёт детского дома в одном из подмосковных посёлков.

– Никакой агитации не будет, – объявила моя жена.

– Это антиагитация, – прокомментировал Патрон увиденное на экране.

Журналист брал интервью в посёлке переселенцев. Косматая бабка грозила кулаком в объектив:

– Геенна ей огненная, стерве Сталинской.

Я позвонил Любе:

– Видела? Как она тебя....

– Что? Кто? Нет, я не смотрю телевизор.

Я рассказал.

– Ты этого хотела?

– Всё идёт по плану. Кстати о геенне.... Лёш, ты сильно будешь жалеть о залоговой сумме? Нет? Тогда пообещай её церковникам после выборов – пусть прочтут молебен о покаянии моём.

– Ты серьёзно?

– Более чем.

Я помчался к Патриарху. В один из божественных празд-

ников в православных церквях России и зарубежья состоялся молебен. Святые отцы просили Господа о снисхождении к Любви Александровне Гладышевой за прежние её прегрешения.

Я ничего не понимал в Любиной игре, но тупо следовал распоряжениям, так как не сомневался, что в решающий момент в борьбу кандидатов за народные симпатии вступит Билли и обеспечит нам победу.

Не знал этого Патрон. И ему было тяжело. Партайгеноссе давно от него требовали определиться с преемником. Он тянул. Дотянул – правящая партия оказалась без своего кандидата на выборы. Теперь оставалось только примкнуть к одному из зарегистрированных. К кому? Выбор Патрона мне известен, но непонятные действия Любочки поставили его в тупик. И он тянул, тянул....

Наконец назначен день съезда партии парламентского большинства. Уходящий президент был краток.

– Единопартийцы, призываю вас голосовать за Любовь Александровну Гладышеву.

Оппонентов идеи через край.

– Она ведь не член партии.

– Даже не попыталась заручиться нашей поддержкой.

– А как ведёт агитационную кампанию? Это бездарность.

Это провал.

День дебатировали. На второй Патрон вновь попросил слова. И бросил в зал.

– А вам не кажется, что вы несколько зажирили, господа? С востока катит вал преобразований. Тамошние технократы нас, политиков, ни в грош не ставят. Вы готовы оказаться на свалке истории? А ведь окажитесь....

Зачастили к трибуне сторонники идеи Президента. Они говорили, ссылаясь на известные исторические примеры, что Золотой Век России приходится именно на годы правления женщин – Елизаветы, Екатерины.... Пётр заложил, а они попользовались. То был льстивый намёк. Но с него вдруг в зал проникло понимание выбора Президента. Замаячила преемственность власти.

Однако нашёлся умник, заявивший, что своим покаянием Л. А. Гладышева обокрала уходящего Президента и их – партию власти. Очень даже смело присвоила себе не ею начатые преобразования.

Будто дров в огонь подбросил – вновь к трибуне очередь ораторов.

– Хватит, – Патрон прервал дебаты.

Шёл уже третий день съезда. Он поднялся на трибуну.

– Скажите мне, единопартийцы, мы – великий народ?

Зал сорвался с мест в общем порыве:

– Да!

– Мы великая нация?

– Да!

– Так будьте достойны своего народа!

А в народе творились непонятки. Во всех СМИ, на съез-

дах и собраниях, в толпах на площадях и в толкучках на остановках решался единственный вопрос: кто она, Гладышева – истинная дочь своей страны или анафема? Чего ждать от её правления – расцвета и славы России или ужасных катаклизмов? На Западе её расхваливают – с чего бы это? Не иначе, зло для россиян через неё готовят. Внешностью ангел, а крута, говорят, бывает – упаси Господь. Как бы ни обмишуриться. Избрать-то не сложно, да потом шесть долгих лет мучайся. Это в народе.

Люди, искушённые в политике, рассуждали: кто за кем стоит, на кого опирается тот или иной кандидат, кого привлечёт в команду по управлению страной. Выходило, что вместе с Гладышевой в Кремль нагрянут менеджеры, которые разгонят министерства, упразднят ведомства, переведут социальные вопросы в плоскость производственных. Ох, и наломают же дров, по неопытности.

Это был основной козырь наших политических противников. В теледебатах сражался с ними Эдуард Эдуардович. На общественных началах, лишённый, из-за отсутствия средств, привычного набора агитационных материалов и команды пиарщиков. Это он окрестил Любу Сибирской Девойю. Из глубины, мол, сибирских руд явилось дивное творение. И всё у неё получается, за что ни возьмётся.

– Ей бы миром управлять, – пророчил Костыль. – Вот погодите, набьёт руку на российском престоле....

– Что он говорит, что городит? – возмутился Патрон. –

Он кандидата в президенты демократичной страны представляет или самодержца?

Но, по-моему, это он зря. Слова Костыля падали в благодатную почву. «Набьёт руку» в широких массах понималось буквально. По стране пошли гулять анекдоты, как Гладышева сгоняет с насиженных мест нерадивых бюрократов. Будто заходят в кабинеты к чинушам дюжие молодцы, поднимают в креслах и выносят вон. Двери заколачивают и вешают табличку: «Администрация закрыта, все ушли к чёртовой матери». В восточных областях страны действительно не было местных органов самоуправления. Все, абсолютно все вопросы решались руководством компании. Технократами окрестил новую власть уходящий Президент и напроорочил будущее им.

А ведь действительно, кому нужна армия ничего не производящих чиновников? У людей есть всё – жильё, работа и достаток. У подрастающего поколения – ясли, садики, школы, ВУЗы. Что делить, чего распределять, из кого выколачивать до хрипоты в горле? Налоги компания платит, народ при делах. Преступности нет. Поступил на работу – тебе новую квартиру. Дети пристроены – никаких забот: работай, сколько здоровье позволяет, зарабатывай на красивую жизнь и безбедную старость.

Каждый новый промышленный объект начинался со строительства соцкультбыта. Новостройки Дальнего Востока и Сибири поражали воображение темпами, масштабами.

И неудивительно, ведь там все сплошь трудоголики. Оптимизаторы им строить и жить помогали.

Но вернёмся к выборам. Самую большую, хотя и незаметную работу проделал Билли. Он связался с каждым россиянином, имеющим телефон или доступ в Интернет. Выяснил избирательные симпатии. Умно и тактично ободрил сторонников. Оголтелыми, истеричными нападками на Сибирскую Деву поколебал решимость её противников. Он хитро действовал, мой виртуальный друг. Но, видимо, не только он.

Мама рассказала. Ей позвонили из Центра изучения общественного мнения. Мужской голос спросил вежливо: определилась ли она с выбором кандидата в Президенты России. Мама решила слукавить:

– А вы что посоветуете?

– Мы не занимаемся агитацией – мы публикуем результаты опроса.

– И каковы на сегодняшний день результаты? Кто в лидерах?

Услышав свою фамилию, мама заявила:

– Тогда по закону трибун – болееем за слабейшего.

– Если к судьбе страны относится как к футбольному матчу, куда же мы прикатимся?

– А говорили, не занимаетесь агитацией.

– Это Центр не занимается, а я живой человек, хочу добра себе и счастья своим детям.

– Ну что ж, – закончила мама диалог. – Спасибо за доброе

слово о моей невестке.

И покати́лась по стране волна поддержки кандидата Л. А. Гладышевой. Возникла стихийно. Стартовала с тех мест, где прежде хула звучала. Переселенцы взяли в руки самодельные плакаты – «Даешь Гладышеву! Гладышева – это мы!» Её прекрасные черты на значках и майках, в окнах квартир, витрин, на лобовых стёклах авто.

Съезд правящей партии транслировали по основным телеканалам. Народу понравился вопрос Президента о великой нации. «Мы великая нация. Мы великий народ» – звучало тут и там. Поп-дивы вопили с эстрады:

– Россияне! Мы – великая нация?

Танцующий зал ревел:

– Да!

– Даёшь Гладышеву!

– Да!

Уверяю, это была не спланированная (читай – оплаченная) акция – то были воля и желание народа.

На последних теледебатах Костыль где-то замешкался и вошёл в студию последним. Все уже сидели, вымученно улыбаясь объективам. Увидели президента аэрокосмической корпорации, встали и дружно зааплодировали. То было признание поражения.

Эдуард Эдуардович принял это как должное и заявил стране:

– Завтра день затишья, последний перед выборами. Но это

не значит, что надо сидеть без дела и раздумывать. Нет, чините гармошки, настраивайте гитары, вырезайте свирели, и с ними к урнам. Покажем всему миру, как мы умеем радоваться нашим победам. Даёшь Гладышеву!

Выборы. Это был поистине всенародный праздник единения нации. Люди опускали бюллетени и ликовали. Не расходились по домам. Желание общаться было непреодолимым. Везде и всюду звучало: «Мы великий народ! Мы великая нация!» На площадях и скверах стихийно возникали танцплощадки. С наступлением сумерек – грандиозный фейерверк. И так в каждом городе, в каждом селе от Чукотки до Калининграда. Народ простил Гладышеву, народ любил нового Президента.

Великому эксперименту, начатому на Востоке страны, дано было всенародное «добро».

Западные СМИ, подводя итоги президентских выборов в России, в один голос заявили – варварскими плясками на площадях они де растоптали само понятие о демократии. И далее: Гладышева, безусловно, достойный кандидат, но разве единогласие возможно в цивилизованной стране?

Где им нас понять. Мы – нервы Земли, наша участь чувствовать её боль и управлять ею. И мы будем управлять!

С Патроном не виделись всю кампанию, изредка общаясь по мобильнику. После инаугурации он позвонил. Голос трудно узнать.

– Ты со мной? Дальше пойдём? Ситуация изменилась.

Думал, введу Любовь Александровну в Кремль – попрошу должность представителя в ООН. Она вошла сама. Роль робкого просителя не для меня. Помогай.

Звоню:

– Люба, надо встретиться.

– Приезжай.

Еду в Кремль. Объясняю.

– Неймётся старику, – усмехнулась моя начальственная жена. – Успокой, скажи, что подпишу назначение.

– Тут другое.

Уговорил её встретиться с Патроном в неформальной обстановке.

Увидев на столике в беседке увитой плющом водку и балык, Люба удивилась:

– Вот вы чем тут занимаетесь! Ай да мужики!

Но выпила с нами без церемоний.

– Вся – внимание.

Патрон кинул на меня взгляд – ничего не объяснил? Я покачал головой. И он принялся истолковывать свой план новому президенту России.

– Идея замечательная, – задумчиво сказала моя жена. – Технология не продумана. Что значит четырнадцать месяцев ждать окончания срока действующего генсека и набирать популярность на трибуне ассамблей? Даже если я своим вето парализую деятельность Совета Безопасности, какова вероятность, что Организация изберет вас напрямую? Нет, дей-

ствовать надо быстро и наверняка.

– Как? – мы с Патроном в один голос.

– Валить генсека немедленно, а постоянных членов Совета Безопасности брать за глотку.

Люба посвятила нас в детали своего молниеносного плана.

– Это шантаж! – возмутился я.

– Это политика, – отрезала Люба.

Патрон схватился за голову:

– Вы, Гладышевы, раньше смерти меня в гроб загоните.

– Хватит нам играть роль сдерживающей силы – пора брать бразды в руки и управлять миром по своему разумению. Дядюшка Сэм давно выработался: ест больше, чем производит, нахлебником сидит на шее человечества. Надо поставить его на соответствующее место.

Это Люба сказала, а я смотрел на неё во все глаза, силясь понять – с Билли она столковалась или такова её безграничная в себе уверенность?

– Алексей Владимирович сядет за компьютер и соберёт необходимую информацию, а дальше дело техники, – она хлопнула меня по колену. – Дней пять на всё про всё, я думаю, тебе хватит....

Не спалось. Я всматривался в прекрасные черты любимой женщины и силился понять: как и когда из простенькой девушки сибирского захолустья выросла умная, властная, с железной волей женщина? Лёшка Гладышев ей в под-

мётки не годится, а спит с ней и требует от неё ребёночка. Где-то что-то проморгал, а всё от того, что редко бывали вместе, от случая к случаю, наездами. Может, живи рядом, и я б дотянулся до её высот. Или она стала помягче – малыша родила. А сейчас робость душит все чувства. Даже любовь....

Люба приоткрыла один глаз:

– Терзаешься? Успокойся, милый, все грехи возьму на себя. А потом.... Не плоди компроматов: не воруй, не прелюбодействуй – чти законы Божьи и государства. Так? Так. Шантаж политика – это скальпель хирурга. И всё, что делается на благо человечества, оправдано. Ибо сказано: цель оправдывает средства.

– По-моему, сказано было в другой обстановке, и слова эти принадлежат тирану.

– Тирания, демократия.... – пустословие всё это, Гладышев. Историю делает народ, а лидер – выразитель его воли, и не важно, какой властью он наделён. Пойми, муженёк, у России накоплен достаточный потенциал, чтобы попросить дядюшку Сэма выйти вон с пьедестала мировой арены.

О том же и Патрон говорил. И я подумал, как бы ни поспорились два президента – России и всей Земли – выталкивая мирового лидера с его постаментов....

Через пять дней в СМИ просочилась информация о тёмных делишках нынешнего генсека ООН. Благоразумный азиат подал в отставку. Через две недели Люба вылетела в Нью-

Йорк на экстренное заседание руководителей стран постоянных участников Совета Безопасности. Совещание проходило при закрытых дверях. Президент США на правах хозяина открыл его.

– Какие будут предложения по кандидатуре, господа...?

Запнулся, чуть склонил голову в сторону президента России.

– Простите.

– Всё правильно, – Люба встала со своего места, будто получила разрешение говорить. – У меня действительно есть предложение по новой кандидатуре Генерального секретаря Организации Объединённых наций. Как только присутствующие господа прочтут подготовленные нами документы, они убедятся, что лучшей кандидатуры, чем экс-президент России не существует.

– Но позвольте, – лидер Франции. – По сложившейся традиции у нас не было генсека из страны постоянной участницы Совета Безопасности.

– Устав не запрещает, а традиции... Вы прочтите, господин президент... Ну, а потом поговорим о традициях.

Материалы, собранные Билли в короткий срок были убийственны. Сидевшие за круглым столом мужчины по мере чтения бледнели лицами, ёрзали седалищами по мягким креслам, недоверчиво косились друг на друга. Один китайский председатель остался невозмутим, он и высказался первым:

– Я думаю, предложение дельное, стоит обсудить....

И посыпались комплименты моему Патрону. Оказывается, он давно является кумиром Франции, и они там подумывают, не вручить ли орден Почётного Легиона Великому Русскому Реформатору. Английский премьер высказал надежду, что новый генсек ООН не утратил пыла новаторства, выработавшись в России. Он искренне готов помогать ему во всех начинаниях. Президент США был откровеннее других. Он буркнул, поиграв желваками:

– Ловко. Кандидатура меня не устраивает, но возражать не намерен.

Любин расчёт был верен, а исполнение задуманного безупречно. Лидеры четырёх ядерных держав мигом оказались ручными. Средства массовой информации так прокомментировали решение Совета Безопасности.

– Красота правит миром. Госпожа Гладышева своей очаровательной улыбкой взяла в плен четырёх самых влиятельных политиков мира. Надолго ли?

Я знал ответ на этот вопрос. Ровно настолько, сколько эти политики, трясясь от страха разоблачения, тем не менее, будут цепляться за власть, понимая её не как ответственность перед своим народом, а как средство удовлетворения личных амбиций. Они стали жертвами собственных махинаций.

Известно: у каждого человека найдётся немало чёрных пятен в биографии, огласка которых не желательна. Да взять, к примеру, Вашего покорного слугу. Мне бы очень не хоте-

лось, чтобы мама узнала о моей связи с Мирабель. Или какую роль сыграл её отец в смерти бывшего мужа. Так что....

Так что мой Патрон добился, чего хотел – стал генсеком ООН. Вернее, добилась Люба, а он стал. Засобирался в Нью-Йорк:

– Гладышев, ты со мной?

Узнав о моём намерении, Люба вызвала в Кремль.

– Вот ты какой! Уговариваешь женщину стать матерью и бросаешь её. Врун несчастный.

– Это ещё вопрос, кто из нас врун.

Шагнул к своей законной, положил ладонь на её живот:

– Где обещанный ребёнок? Сколько месяцев прошло?

– Я знала, с кем имею дело. Уезжай, Гладышев, но помни: сейчас уйдёшь – это навсегда.

Сколько уж было этих «навсегда»....

Тут другая напасть – генерал застрелился. В бумагах нашли предсмертную записку, в которой он просил прощение у жены и дочери.

«Приходит время, когда с болью в сердце, – писал мой дед, – начинаешь осознавать себя тяжкой обузой близким. Поскольку жизнь конечна, то лучше свести с ней счёты, находясь в здравом уме и полной памяти».

Именно память считала мама главной причиной трагедии. Генерал взялся за мемуары, разбередил душу, ну и....

Похоронили деда с воинскими почестями.

2

Другую версию гибели моего деда поведали Никушки с рассказа их матери.

Генерал действительно взялся за мемуары, а чтобы заарканить Пегаса (поймать вдохновение) стал прикладываться к рюмке с коньяком. Дальше – больше. В смысле, больше пилось, чем писалось. Подогретая память услужливо вытаскивала из закровов пережитого мгновения величия и побед. И дед был счастлив. А потом скрипел зубами на виновника своего забвения – то бишь, меня.

Предсмертное послание жене и дочери – единственное законченное произведение старого разведчика. Он его много раз перечитывал, исправлял, наконец, распечатал и положил в ящик стола до нужного момента.

Мысль о самоубийстве не раз приходила ему в голову, иногда даже облачалась в слова, но никогда не терзала душу и не доминировала над психикой. Это была мечта о красивом уходе, не более того.

В тот дождливый день дед, сидя в каталке за рабочим столом, затуманенным коньяком сознанием пытался отыскать причину – почему ушёл в отставку генерал-майором, а не на одну звезду повыше. Кто виноват?

Некстати заглянула Машенька:

– Алексей Георгиевич, ты бы не пил так много – у тебя

давление.

– А? Что? – парализованный генерал вдруг поднялся из каталки.

– Ой, да ты ходишь! – всплеснула руками молодая жена.

Пожилой супруг не разделил её радости.

– Ещё и стреляю, – выхватил из ящика стола пистолет и бахнул над ухом перепуганной женщины.

Машенька бегом из комнаты. В спину гремел генерал

– Хвори мои не от нервов, а от твоих вертихвосток и ха-халя их, Лёшки поганого – будь они трижды прокляты.

Машенька спряталась. Дед ещё пару раз выстрелил в доме – продырявил портреты двойняшек. Потом в саду – неизвестно в кого или во что. И застрелился в беседке. Той самой, где я подсматривал за Никушками.

Рассказ матери перепугал дочек.

– Он проклял нас, Алекс. Что-то должно случиться. Не смейся – и с тобой тоже.

Что с нами могло случиться?

Сестрицы окончили Литературный институт. Копаясь в архивах в поисках материалов для своих будущих поэтично-прозаичных творений, натолкнулись на мысль, что возможно и в их жилах течёт голубая дворянская кровь. Стали изучать родословную предков. Кто-то где-то и когда-то пересекался с известными Шереметевыми, Воронцовыми, Орловыми. Но ближе всех оказались Нарышкины. На этой фамилии сёстры и остановили свой выбор. Ещё бы – ближай-

шие родственники царского дома Романовых. Брачный контракт не обязывал их писаться Гладышевыми. Мама Маша вышла замуж и взяла фамилию мужа генерала. Так что Никушки с лёгким сердцем выправили себе паспорта на Доминику и Веронику Нарышкиных, а с небольшой приплатой стали именоваться графинями. На эту небольшую приплату в Москве было построено новое здание Дворянского Соборания. Свежеиспеченные маркизочки разыскали в Подмосковье следы родового поместья Нарышкиных, восстановили его в прежнем стиле и убранстве, переехали туда.

Мне нравилось бывать у них. Кружиться на дворянских балах, в джинсах среди сверкающих гусар и обладателей дымчатых фраков. Смотреть постановки «крепостного» театра, пьесы для которого писали сами графини. Ездить верхами на травлю волков. Ходить с ружьём на боровую дичь и жарить её на костре. А больше всего – бывать с Никушками в бане, выскакивать распаренными и мчаться нагишом к пруду. Их гарцующие попки будили во мне такую страсть, что я гонялся за близняшками по всей усадьбе, из которой в дни моих визитов благоразумно удалялась прислуга, и, поймав, пощады не давал

Их кумиром был Потёмкин. Они звали меня пресветлым князем и сожалели, что на моём лице присутствуют оба глаза. Я в том резона не находил.

Когда вслед за Патроном перебрался в Нью-Йорк, Никушки загрустили. Визиты мои стали нечасты и непродолжитель-

ны. Раз в месяц, а то и в два на денёк-другой – разве это жизнь? Скоро надоели им тупые лица выродившихся потомков знатных фамилий. Всё надоело. Спасло от полной меланхолии новое увлечение – страсть к путешествиям.

Звонок. Никушки.

– Алекс, приезжай немедленно – ты должен это видеть.

Приезжай, иначе брачный контракт в печку.

И я сел в самолёт, летел в Египет, чтобы заняться любовью с близняшками у подножия пирамиды Хеопса. Другой раз мы миловались меж колонн Парфенона. Колизей вспомнил римских развратниц.

Я пытался разгадать географию их маршрутов. Казалось, они изучают историю цивилизации. Но кой чёрт после Венеции занёс их в Колумбию – уму непостижимо. Они переночевали в столичном отеле, а утром с метисом-водителем уехали на джипе в неизвестном направлении. И пропали....

Забеспокоилась администрация отеля. Позвонили в российское консульство. Те подняли полицию. Сообщили мне. Я прилетел вместе с сотрудниками Интерпола. Мастера сыска занялись опросом персонала гостиницы, из которой пропали Никушки, и ближайших заведений – кто что видел? А я связался с Билли.

– Проблема, Создатель. Проблема в том, что не могу прощупать здешние веси и города из космоса, оттого что ни одного спутника в этом регионе нет. Белое пятно на карте Западного полушария. Не догадываешься почему? Слы-

шал что-нибудь о наркобаронах, кокаине, плантациях коки? Здесь их рай на матушке Земле. И кому-то очень выгодно, чтобы преступный бизнес процветал, принося доход. Этот кто-то управляет космическими аппаратами.

– Штаты? Пентагон? ЦРУ?

– Три версии и все верные. Поздравляю, Создатель.

– Слушай, мы этим займёмся, обязательно займёмся, а сейчас надо искать Никушек. Что посоветуешь?

– Я подкорректирую орбиту ближайшего спутника и отсканирую сельву. Боюсь, что подпишу летательному аппарату смертный приговор – пусть тогда он будет американским.

С прилетевшим со мной комиссаром Интерпола расположились в том самом двухместном номере того самого отеля, из которого пропали двойняшки. Весь день он принимал информацию от полицейских, а вечером доложил итоги мне. Мы пили кофе у телевизора, в новостях передали – спутник радиосвязи перестал отвечать на сигналы, перешёл на опасную траекторию полёта и был уничтожен ракетой, пущенной с борта крейсера ВМС США. Обломки частью сгорели в атмосфере, частью упали в Тихий океан на безопасном от побережья расстоянии.

Ловко! У меня зуделись уши поскорее связаться с Билли, но и рассказ комиссара был интересен. Один колумбийский наркобарон по прозвищу Додди слыл большим охотником до прекрасного пола. Его люди рыскали по всей стране и за пределами в поисках наложниц, которые бесслед-

но исчезали на фазендах в сельве. Фотографии всех хороших женщин, остановившихся в отелях столицы и других крупных городов, немедленно оказывались на столе барона от наркотиков. Порой Додди сам выезжал на «охоту». Его чёрный бронированный «Мерседес» медленно двигался проезжей частью, а толстобрюхий мафиози из-за тонированных стёкол рассматривал проходящих тротуаром представительниц прекрасной половины человечества. Последний раз Додди видели в столице за день до исчезновения Никушек. Машину даже останавливали. Сделав внушение водителю, полицейские отпустили её, а ведь Додди находится в международном розыске в связи со своей преступной деятельностью, и не знать об этом стражи порядка не могли. Возможно, внушение было оплачено. А может, блюстители закона пасовали, узнав владельца чёрного «Мерседеса». Всё может быть.

Комиссар между визитом наркобарона-бабника в город и пропажей Никушек находил прямую связь.

Итак, Додди! Возьмём за версию.

Оставив соседа по номеру у телевизора досматривать подробности, как американская ракета метко сбила американский спутник, вышел на террасу и связался с Билли. Мой виртуальный приятель был настроен оптимистично.

– О, Додди! Я многое мог бы рассказать об этом субъекте. У него португальские корни и весь набор венерических болезней. Он владеет несколькими плантациями коки в сельве,

ближайшая в двухстах пятидесяти километрах от столицы.

– Будем брать?

– Будем, но не так, как ты сейчас об этом подумал. Ни местной полиции, ни даже Интерполу в нашем положении довериться нельзя. Каждый твой шаг будет отслежен, и в щекотливой ситуации Додди просто уничтожит пленниц – следов не найдёшь.

– Может, русский спецназ?

– Нет, лучше ядерная бомбардировка и полномасштабная война! Весь спецназ – это ты. Бери джип, снаряжение для похода и вперёд в сельву, отрубая концы.

– Не заблужусь?

– Я отсканировал со спутника – океан ему пухом! – все тропинки и ручейки Колумбии, доведу напрямиком, как Сусанин ляхов, не беспокойся.

– Комиссар мне кажется порядочным человеком.

– Этот «порядочный человек» в какой-то момент приставит к твоему лбу ствол и нажмёт курок со словами: «Ничего личного – только бизнес». Пойми, Создатель, так устроен западный мир. Всё дело в цене. Лучшим другом в дороге тебе будет оптимизатор. И не криви губы: без него ты, московский неженка, и шагу не ступишь по сельве – ядовитые насекомые, змеи, тропические дожди, вызывающие лихорадку, солнечные удары и ожоги от палящего светила – всё превозмочь под силу только ему.

– От духоты я бы и сейчас не против.

Вернулся в номер, поковырялся в личных вещах, извлёк на Божий свет пару серебряных браслетов. Один великодушно уступил комиссару.

– Сувенир из России – помогает сохранять жизненный тонус.

Комиссар назавтра собирался посетить столичную и окрестные тюрьмы, где отбывали сроки уже отловленные сподвижники Додди. Он и списками запасся. Звал меня с собой. Но я отказался – направляюсь, мол, в банк, так как операция предстоит затратная.

– А вы не скупитесь в посулах: за хорошую информацию расплачусь щедро.

.... Приснилась война, которая была задолго до моего рождения. Танк, управляемый неведомой силой, мчался вперёд. Под гусеницами рвались, не причиняя вреда, мины. Со сторожевой вышки засверкал белыми огоньками пулемёт. Броня застонала от боли под свинцовой плёткой, но выстояла. Ах, туды вашу мать! Развернул башню и жажнул по гитлеровцам на вышке. Понеслись клочки по закоулочкам! Танк прорвал ограждение из колючей проволоки, замер на месте. Я высунулся из люка. Толпа женщин в полосатых пижамах кинулась ко мне: «Родненький!». Измождённые лица, затравленные глаза, руки как плети. Концлагерь! Господи, до чего людей довели. Никушки! Эти как здесь? Тоже в полосатых двойках, но бодренькие, упитанные. Вскарабкались на броню, скинули на землю лагерное шмотье и прыг-

шмыг голенькие в люк. Ох, и миловались же мы на радостях....

– Отличная штука, – расхвалил комиссар оптимизатор. – Даже не заметил, что легли спать с выключенным кондиционером. Отличная штука!

Позавтракали вместе, а потом разъехались.

В банке с кредитной карточки обналичил нужную сумму. По совету Билли в специализированном магазине приобрёл всё необходимое для похода в сельву – одежду, мачете, а ещё рюкзак, который набил концентратами. Вот продукты брать Билли не советовал. Но что он, виртуальная скрипучка, понимает в человеческих потребностях?

Помешкался у витрины стрелкового оружия. Вспомнил слова покойного деда: мои люди сами как оружие, и пошёл дальше. Меня готовили эти люди, стало быть, и я такой.

Взял джип на прокат. Решив, что к бою и походу уже готов, связался с Билли:

– Ну что, с Богом?

– За тобой по магазинам пяток типов шатались. Надо рубить этот хвост. Покажи себя Шумахером, Создатель.

– Думаешь, это люди Додди?

– Думаю, не только. Всем интересно – куда ты собираешься?

– А может, здесь их, того этого – в тёмном месте прижать, да поспрашивать: чьи вы, хлопцы, будете?

– Не глупи, Создатель: не стоит загонять крысу в угол, то-

гда она становится опаснее льва. Пусть побегают за тобой, а мы посмотрим: кто их в бой ведёт.

Побегают – легко сказать: я может, второй раз в жизни за руль сажусь. Такого джипа точно никогда не видел. Где тут чего включать, куда нажимать?

Городскими улицами вёл машину осторожно: молил Бога ни во что не вляпаться и силился вспомнить, на что намекают дорожные знаки – ведь учил когда-то. Права есть, а вот навыков с гулькин нос.

Меня обгоняли другие участники дорожного движения, сигналили, жестикулировали из своих авто. Ох, и горячий же вы народ, колумбийцы, а спешка, как известно, нужна.... ну, разве только при ловле наркобаронов.

Выбрался за город. Фу-у.... На просторе прибавил скорость. Связался с Билли.

– Что нового?

– На хвосте две машины и вертолёт у черты горизонта – приличный эскорт.

– От вертолёта не уйти.

– На дороге нет, в сельве – легко. Карта у тебя на коленях – вперёд, Создатель, к опушке вечнозелёного леса.

Освоившись с управлением, придавил ещё. Асфальт на дороге закончился, просёлок встретил выбоинами и лужами вчерашнего ливня. Летели брызги, клубилась пыль. Солнце палило, но чудо-оптимизатор берёт тело от перегрева – я даже не вспотел.

Вели меня профессионально: преследователей не видел, но обозначились за спиной два пылевых облака на подсыхающей дороге. Где-то ещё вертолёт болтается. Сколько любопытных! Если это люди разных команд то, как они меж собой ладят?

Мобильник к уху:

– Билли, не отстают и, наверное, вооружены?

– Не беспокойся, Создатель, всё под контролем.

– Ты их видишь?

– Я их слышу. Они хотят понять твои планы. Впрочем, первая машина – это столичные гангстеры, на хвосте от банка. Пытаются догнать, но дорога трудна для неприспособленной машины. Их интересуют только деньги, и пока они опаснее других. Следом джип полицейского управления. Эти парни едут задержать тебя и препроводить обратно в столицу. В вертолёте люди Додди. Они уже знают, кто ты и зачем прибыл в Боготу. Их смущают преследующие тебя машины, и пока они только наблюдают. Но будь уверен: в сельву они тебя не пустят – атакуют где-нибудь на опушке или чуть раньше.

– Успокоил.

Заболтался – одна руку на руле, другая с трубкой возле уха – на крутом повороте джип занесло, и я не справился с управлением. Кувыркнулся вместе с перевернувшейся машиной. Чудом из-под неё ускользнул, но мобила вдребезги.

Вот чёрт! Как связаться с Билли? Вся затея насмарку из-

за пустика. Знал бы о таком горе, весь увешался телефонами, как террорист взрывчаткой. А теперь хоть возвращайся.

Тут как тут столичные бандиты на заляпанном грязью «Форде». С ходу принялись палить. Засвистели, защёлкали вокруг пули. Юркнул за перевёрнутый джип с мольбой: только не в бензобак. Но взорвался не я, а мои преследователи.

Небесный гром накрыл округу, и на тормознувшую машину рухнул сверху вертолёт, ломая винты, круша корпус «Форда». Визг и скрежет раздираемого металла, удар падения, взрыв, ещё один....

Что делать?

– Бежать!

И я бросился прочь от засыпанного горящими обломками джипа. За спиной прогремел ещё один взрыв. С преследованием было покончено.

– Полисмены долго и тщетно будут искать твой труп среди обезображенных тел.

– Кто это?

– Угадай с трёх попыток.

– Билли, как ты влазишь в мою суть? А-а, наверняка через свой оптимизатор? Вот не хотел же надевать этот чёртов наручник.

– Сними и возвращайся. Впрочем, пустословить можем и в дороге – вперёд, Создатель, к опушке вечнозелёного леса!

К концу дня достиг сельвы. Тропический лес поглотил,

как.... Ну, нет сравнения. Впрочем, ему не до меня – весь пищал, верещал, ухал, ахал, заливался на голоса. После стремительного наступления темноты, хор пернатых поредел, набрали силу рыки охотящихся хищников и вопли их жертв.

Расположился на ночлег. Привалился спиной к дереву и вытянул ноги – ни спичек развести костёр, ни концентратов, разогреть на нём, нет. Только мачете у пояса – всё остальное осталось под обломками сгоревшей машины. Впрочем, есть не хотелось, пить тоже, хотя дневная духота с неохотой покидала сельву. К довершению дискомфорта – не спалось. Какой там сон! Казалось, из-за каждого дерева, из-под каждого куста наблюдает тропическое чудище, жаждущее, если не плоти моей, так крови.

– Расскажи сказочку, – попросил Билли.

Погубитель спутников и вертолётов моего настроения не разделил:

– Не лучше о деле?

– Валяй.

– Проведу сельвой в самое логово Додди. Тебе одному придётся одолеть всех его людей, причём без шума и пыли. Твоё оружие – осторожность, внезапность, решительность. Ошибаться нельзя: погибнешь сам, не спасёшь женщин.

– Ты видел фазенду сверху? Никуши там?

– Я слышу переговоры охранников – женщины там.

.... Ночной притон Тортуги. В чадном дыму, ромовом угаре веселятся моряки, грузчики порта, ловцы жемчуга, рыба-

ки, буканьеры. Вдруг Никушки – в белых до пят платьях, плечи голые, ладони молитвенно сложены у груди. Что-то поют на сцене, но песни здесь никому не нужны. Присутствующие пожирают их глазами, кидают на сцену монеты, требуют:

– Разденьтесь! Разденьтесь догола! Долой одежду!

Быть потехе! Окинул взором зал – где ж мои флибустьеры? Тяжковато будет одному с такой публикой.

Кто-то самый приткий или пьяный, с брюхом, как пивная бочка, ринулся на сцену:

– Долой шмотьё!

Никуши бежать – он их за руки, за подол платья. Началась потеха!

Прыгнул на сцену, схватил брюхана за штаны и шиворот, пустил с разбега в зал – получай, народ, гостинец! Пару столов опрокинулись, подмяв застольников. Завертелась кутерьма – азартом сносит голову. Что может быть сластнее сердцу русскому разудалой кабацкой драки...?

Проснулся ярким звонким утром. Впрочем, оно было где-то там, в кронах пальм. Под сенью хранился полумрак. На руке примостилась маленькая юркая зелёная змейка – на вид безобидная. Но и без подсказки сообразил – это банановая змея, весьма ядовитая красавица. Она горбила тельце толщиной в палец и грозила длинным язычком серебряному браслету на запястье. Хватило мужества и выдержки не дёрнуться, не сорваться с криками: «Змея! Змея!». Наблюдал,

не меняя позы – будь, что будет. Наконец, отчаявшись запугать оптимизатор, изумрудная гостья юркнула с моей руки на ветку куста.

– Готов? – Билли взял руководство операцией в свои виртуальные руки. – Пошёл.

Ох, и поработал же я мачете – забыл, что не завтракал. Бился без устали, прорубая проход в сплошной стене зарослей. Их полчища, а я с мачете – вжик-вжик, хрясь-хрясь, дзинь-дзинь....

Полдень. Солнце в зените. Выбрался из зелёного ада в тропический рай. Представьте озеро голубой воды в обрамлении синих скал. Водопад белый от пены, как седая борода исполина, шумит, искрится в солнечных лучах, и радуга козынькою над ним. Залюбуешься!

Сбросил одежды и прыгнул вниз.

– Мальчишка! – ворчал Билли. – Могли быть подводные скалы, пираньи, кайманы, да мало ли....

Я лежал на узкой полосе раскалённого песка, и мне было лень препираться.

– Кто на меня стучит? Опять эта штука? – потряс рукой, на запястье которой красовался серебряный браслет. – У-у, шпион проклятый!

Разморило.

– Билли, давай привал сделаем – четвёртый день в пути, и так не хочется в эту пасть зелёного дракона. Нет, если скажешь: «иди», я поднимаюсь.

– Отдохни, Создатель, больше таких оазисов в сельве не будет.

.... Знаете, откуда пошло выражение «сахарные уста»? От поцелуя на морозе.

Зима в Подмоскowie. Тройка белых рысаков несёт нас за снеженным полем, просекой в бору и снова на простор. Вожжи в моей руке, а за спиной звонкий смех подгулявших графиночек. Бисером расшитые дублёрки, иней оторочил шали, брови и ресницы, румянцем полыхают щёки. Подхватив узкую талию, целую сахарные уста Вероники. А может Доминики? Взрыленный копытами коней, полозьями саней выюжит снег. Мелькают ели в январском убранстве. Мороз бодрит душу. Эге-гей, веселись, Россия – я люблю тебя...!

– Ты красиво думаешь, пришелец.

Кто это? Нет саней, нет Никушек, снега и мороза. В сельве ночь. Над головою купол неба, как шатёр звездочёта – в тропиках он ярче и ниже.

Мне приснился красивый сон. Каждую ночь снятся Никуши – душа томится.

– Билли, душа моя томится или это всё твой чудо-оптимизатор? Не ем, не пью уже которые сутки – и что удивительно – совсем не чувствую усталости. А в сон проваливаюсь, будто в сказку. Билли?

– Кто-то проник в твой мозг, Создатель. Я чувствую присутствие постороннего интеллекта.

– И что он там делает?

– Ковыряется в твоей памяти.

– А я ему разрешал? Эй, кто там есть – вылазь к чёртовой матери.

Для демонстрации негодования постучал себя кулаком по лбу.

– Билли, а ты можешь его оттуда вытурить?

– Сначала надо узнать кто это.

Незнакомый голос снова возник в моём сознании.

– Извини, пришелец, мельком заглянул в твою память – ты хороший человек, такой нам нужен.

– Если я пришелец – кто ты?

– У нас нет имён, но, если закроешь глаза, узришь мой облик.

Смежил веки и увидел, будто из памяти всплывшую физиономию, благонравную, с мудрыми и добрыми глазами – таким Иисуса малюют.

– Это ты? Мы раньше не встречались. Зачем проник в мой мозг и для чего вам нужен хороший человек?

– Если позволишь, начну издалека.

– Начни издалека, – я позволил.

– В эволюции человечества были два пути, – начал свой рассказ мудроглазый, – совершенствовать природу под себя и совершенствовать себя под природу. Вот ты, пришелец, продукт цивилизации – носишь одежду от зноя и холода, страдаешь от жажды, голода и гнуса. А мы этих бед не знаем. Наш народ в борьбе за выживание пошёл другим путём – мы

научились приспособлять организм к окружающей среде.

– И много вас?

– Все здесь, но не крути головой, ты и днём не увидишь наших прозрачных тел. А ещё, в отличие от тебя, мы можем питаться любым органическим продуктом природы и не питаться вообще – поглощая все необходимое для жизнедеятельности из среды через кожу и лёгкие. У нас нет запаха, мы не излучаем тепла. Общаемся телепатически, не напрягая голосовых связок – вот как сейчас с тобой. Мы можем жить бесконечно. Однако, погнавшись за долгожительством, мы подписали себе приговор. Вот вы строите города и машины, считаете себя интеллектуальными людьми, но правит вами животный инстинкт размножения. И это даёт вам перспективу. Мы вытравили из себя животное начало и остались кучкой организмов без будущего. Наши клетки не стареют, нервы не изнашиваются – теоретически мы бессмертны. Нам не грозит естественная смерть, только насильственная. Но когда-нибудь наш род иссякнет: наши мужчины утратили мужские качества – мы не можем зачать новую жизнь. Мне понравились твои мысли о женщинах: ты умеешь красиво думать.

– Это был сон.

– Твой организм примитивно сложен, но здоров – в твоём теле нет патологий. Если бы ты попробовал зачать жизнь в наших женщинах – хотя бы одной – у нас мог появиться шанс.

– Соглашайся, Создатель, – это Билли напомнил о себе.

– Иди ты...!

И собеседнику:

– Послушайте, уважаемый, вот вы говорите о примитивной организации моего тела, но как быть с душой? Я не бык-осеменитель, у меня есть любимые женщины, обязательства перед ними. И потом, я не могу вот так, запросто. У меня просто не возникнет желания.

– Ты ломака и кривляка. Тебя просят о помощи, а ты..., – это опять Билли.

– Самому слабо?

– Создатель, перед тобой представитель уникальнейшего народа Земли. Может быть, ты единственный из смертных, с кем они вступили в контакт. Гордись и помоги.

– Слушай, кажется, мы здесь с другой целью. Никуши в плену, каждую минуту им угрожает смертельная опасность. А ты мне что предлагаешь? Не хочу и не буду.

Негодование захлестнуло сознание, да так стремительно, что виртуальный советчик не успел отреагировать на мой жест отчаяния. Я расстегнул и сбросил с руки оптимизатор.

– Будешь ты в мою душу лезть!

Будто земля содрогнулась, небосвод упал и вогнал меня в почву до колен. Разом навалилась духота. Брюки, майка – да и куртке досталось – мигом стали мокрыми от пота. Все-возможный гнус, прежде только писком подававший признаки жизни, вдруг ринулся со всех сторон и впился в кожу.

Тут же: нестерпимый зуд, чих и кашель – они ведь и в нос, сволочи, лезли, и в рот норовили.

– Ты погибнешь.

Кто это? А-а, прозрачный – Билли не мог. Билли вон валяется в листве серебряным наручником. Отстал, паразит!

– Погибнешь сам, не спасёшь своих женщин.

Чёрт, он прав.

– Вы мне поможете освободить их, если я исполню вашу просьбу?

– Мы не вмешиваемся в конфликты людей вашей цивилизации – нам не приемлемо насилие, и потому не сможем помочь в твоих поисках.

Терпеть более гнуса и духоту не было сил – я надел оптимизатор. Все напасти разом отступили.

– Да ты псих, – Билли влез в сознание.

Ворчи, ворчи – тут помудрей тебя нашлись. Что посоветуешь?

– А что советовать, Создатель? Твой долг – спасти засыхающую ветвь человечества. И ещё не факт, что тебе это удастся.

Ладно. Чёрт с вами! Лишь бы дамы были не отвратными.

Легенда гласит, грек Геракл разом оплодотворил сорок девственниц. А чем хуже русский Лёха? Ну, где тут ваше бабье?

– Протяни руку, – прозрачный в моём мозгу.

Протянул. Пальцы коснулись обнажённого плеча. Про-

хладного – будто девушка только что вышла из родниковой воды. То, что передо мною представительница прекрасного пола... Нет, ни сразу – по мере исследований. Пальцы обнаружили изящную, гибкую шею. Тонкая жилка пульсировала под кожей. Это хорошо, значит, мы с ней одной крови – эксперимент имеет право на надежду. Волосы чудесные – мягкие, выющиеся, роскошные. Профиль лица... Индейцы – это ведь монголоидная раса, верно? Вот, наверное, оттуда приплюснутый носик, пухленькие щёчки, скулы... Груды некрупные, но упругие. Живот безупречный. Талия что надо. Ягодицы, бёдра... Я нашёл, всё что искал. Всё было на своём месте, всё, чем одарила Природа женщину. При-тиснув к себе невидимую девушку, поцеловал в губы. Она не ответила. Да и где ей знать искусство любви – кто бы научил....

– Билли, их много тут?

– Тебе же сказали – все, в полном сборе.

– И перед этой публикой я должен сверкать голыми ягодицами? Красная площадь! Нельзя ли удалить зрителей куда-нибудь подальше?

– Тебе-то что – ты их не видишь, да и не услышишь: тактичный народ. Для тебя секс, для них научный эксперимент, на положительный результат которого шибко надеются.

Что рассказывать! Переплюнул я хвалёного Геракла. Впрочем, это всё благодаря оптимизатору. Недаром Люба снимает его, ложась со мной в постель.

Дамы были безупречны, изо всех сил старались помочь моим усилиям, но лишь в нескольких случаях почувствовал истинный азарт партнёрши и желание продолжить. У этих не всё ещё потеряно – хорошего бы мужика.... Вот вызовим Никушек, и через год вернусь в эти края потомство навестить. Если получится.... А пока....

Я трудился на совесть. Оргазм следовал за оргазмом. Ни одному смертному, ну разве что упомянутому греку, не довелось испытывать ничего подобного. Казалось, нет конца моему гарему, но организм, подпитываемый энергией оптимизатора, не знал истощения. Потерял счёт времени. Менялись партнёрши, менялись позы совокуплений, и мне не придалась эта бесконечная игра. Казалось, попал в рай – а почему бы и нет? – и вечно буду наслаждаться....

Ночь растаяла и стекла в озеро. День пришёл в сельву и ударил в колокол – в ту же минуту тропический лес заверещал, заухал, заахал, наполнился птичьим гомоном.

Моя миссия исполнена – всем прозрачным женщинам был дан шанс на зачатие. Наверное, они удалились. Но старейшина (вожак? лидер? президент?) оставался со мной.

Я искупался, прилёг на песок и попросил:

– Расскажите о своём народе.

Представитель стаи суперменов (и менш), нагишом кочующих по сельве, сказал:

– Вы верите в Бога и бессмертие души ибо плоть смертна. А нам не нужна вера – мы сами создали себя, и наше Боже-

ство в нас и вокруг нас.

– Мне больше по душе теория эволюционного развития жизни на Земле, и согласно ей любопытно, как стать прозрачным?

– Исключительно силою внушения. Ваши далёкие предки придумали каменный топор, чтобы защитить себя от хищников, а мои – более миролюбивые – прятались от опасности, сливаясь цветом кожи с окружающей средой. Финал эволюции – прозрачность тела. Как и отсутствие запаха, теплоизлучения – мы не достигаемы естественным врагам.

– Ну, может быть. А как насчёт проблем голода?

– Она надумана, пришелец. И для вас тоже, поверь. Организму вполне хватает того объёма энергии и питательных веществ, которые поглощаются кожей из окружающей среды. Мы это поняли, когда перестали бегать от хищников и за добычей. Конечно, наш образ жизни покажется вам слишком пассивным. Вам с вашей суетой и заботами необходима энергетическая пища и активное питание, но болезни, которые они приносят в организм, расшатывают ваше здоровье и сокращают срок жизни.

– Бьюсь об заклад, ваши девушки сейчас карабкаются на пальмы за бананами, чтобы восполнить потраченный энергетический запас.

Он усмехнулся, мой прозрачный собеседник.

Вот как я узнал, что он оценил мою шутку – общаемся-то телепатически? Удивительные создания. А, по сути – лобо-

трясы. Ни жилья себе строить нормального не хотят, ни пищей запастись. Хотя, ради бессмертия и я готов отказаться от котлет с макаронами.

– Расскажите о вашем бессмертии.

– Ну, это в теории: практически мы уязвимы перед насильственной смертью. Наше долголетие от замедленного, практически несуществующего обмена веществ. Он нам ни к чему в обычном образе и привычной среде обитания. Только в исключительных случаях, когда требуются дополнительное напряжение сил, энергетические затраты, мы восполняем их приёмом пищи – как это принято и среди вас – вот тогда включается механизм обмена веществ, унаследованный от наших с вами общих предков. Мы можем останавливать работу сердца: нет обмена веществ – не нужны и кровотоки.

– Постой, постой. А, девушки? Я чувствовал их пульс.

– Это скорее от волнения.

Ну, что ж приятно – комплимент как ни как.

Я Билли:

– Ты что-нибудь понял?

– А у тебя с чем напряги? Не воспринимается, не осмысливается?

– На слух – сказка. Я о другом: раз уж существуем параллельно, не можем ли мы в каких-то вопросах пересекаться? В порядке взаимообмена – они нам свои способности, мы им свои возможности.

– Есть над чем подумать. Только учти: между вами и прозрачными людьми в некоторых аспектах буквально пропасть. У них нет ни зависти, ни злости, ни тяги к власти или злату-серебру. В нашем мире таких придурков и в помине нет.

– Как нет, а с кем ты милую сейчас ведёшь беседу? Впрочем, с тобою мы ещё успеем покалякать, а вот человек, поди, торопится.

Прозрачному:

– Скажите, уважаемый, вы считаете себя совершенной расой, а мы для вас примитивны? Да и, кстати, как к вам обращаться – у вас есть имя?

– Мы не склонны к сравнениям и выводам – у каждого народа своя миссия на Земле, своя культура. К примеру, у нас нет собственных имён. Чтобы передать собеседнику информацию о третьем лице, мы просто мысленно создаём образ и бываем поняты.

– Кстати, одно дело прикосновения, другое – когда видишь. Не могли бы, уважаемый, нарисовать портреты моих возлюбленных, будущих мамаш.

И прозрачный не заставил себя долго упрашивать. Будто из памяти всплывая, стали возникать образы нагих девиц. В принципе они были все на одно лицо, как мои Никуши, и сложены одинаково, но едва уловимые различия всё-таки можно найти, если внимательнее приглядеться – у кого-то волосы не так уложены, одна улыбаются губами, другая глазами....

Видения пропали разом, не закончив панораму. Думаю, это тактичность прозрачного. Раньше, чем я, он почувствовал пробуждающееся во мне желание от вида нагих девиц, и прервал сеанс. Да и правильно.

Разговор принял другое направление.

– Учёные предсказывают: в конце концов, остынет солнце, остынет Земля, и в погоне за энергией человечество устремится в космическое пространство. Что с вами станется?

– Приспособимся к новым условиям.

– Но ведь уже сейчас вы привязаны к экватору – средние полосы, а уж заполярье тем более, вам заказаны.

– Отнюдь. И тропики имеют большой элемент дискомфорта, но мы освоились. В сельве меньше вероятность встречи с людьми вашей цивилизации.

– Скоро тропические леса вырубят, и вам негде будет ютиться.

– Что-нибудь придумаем, мы привыкли решать проблемы по мере их возникновения: наперёд загадывать – дело неблагодарное.

– Я уже придумал. Куплю для вас тропический остров, куда не посмеет ступить нога постороннего человека – живите в своё удовольствие.

– Спасибо, пришелец. Нам нечем тебя отблагодарить.

– Это не меценатство. Я проникнут заботой о своём будущем потомстве. Если эксперимент удастся, ребяташки, от меня рождённые, должны быть защищены. Ведь неизвест-

но, какими они явятся на свет – может, с вашими наследственными чертами, может, с моими.

– Разумно.

На этом мы расстались, договорившись встретиться.

– Как я тебе? – спросил Билли.

– Выше всяких похвал.

– Ну, тогда бы ещё денёчек роздыха.

.... Приснился сон. Никушки нежатся на солнечной полянке среди благоухающих тропических цветов. Кожа нагих тел отливает изумрудной раскраской.

– Господи, кто вас зелёнкой измазал?

Пристроился рядом, погладил восхитительное бедро Доминики (Вероники?), коснулся губами груди.

Меня отстранили.

– Алекс, ну что ты вытворяешь – ведь мы же растения. Смотри, как хорошо нежиться на солнышке. Приляг, замри, наслаждайся....

– Очнись, Создатель, твои женщины в опасности.

– А? Что? Это ты, Билли? Что случилось?

Безлунная тропическая ночь. Кругом тьма тьмущая – звёзды перемигнулись в зеркале воды и не хотят светить.

– На фазенде переполох. Я слышу их переговоры. Девушки убежали в сельву. Это может быть смертельно опасно. Поторопись, Создатель....

Я взялся за мачете:

– Куда идём?

– У них нет заложниц – думаю, нет более смысла миндальничать с этим отрепьем. Вызываю вертолёт из Боготы, берём штурмом фазенду, а там видно будет.

Часа через три утробный рокот водопада порвал на куски грохот зависшего вертолёта. Луч прожектора осветил спускаемую к земле лестницу из стального троса.

Это был комиссар Интерпола с командой спецназа. Ничего, brave ребята – вооружены, бронированы и фейсы размалёвать успели. Летим брать Додди.

Комиссар:

– Признаться, я уже похоронил вас: в сельве нет звёзд, а тут голос в мобильник. Да разве можно с Додди в одиночку? Что за донкихотство?

Рад был снова оказаться в компании нормальных людей. Расчувствовался, приобнял комиссара.

– Ну-ну.... – он отечески похлопал меня по плечу.

Спецназовцы знали своё дело и экипированы были для подобной операции. Прыгали с семидесятиметровой высоты на резиновых растяжках, от которых избавлялись у самой земли. Палить из автоматов начинали ещё в воздухе. Скорее для острастки, потому как активно никто не сопротивлялся. Когда пилот, присмотрев площадку, посадил машину, фазенда была в наших руках. Комиссар затеял допрос пленных.

Вот что они рассказали.

Додди приглянулись белые женщины, похожие, как две

капли росы. Заманить их в сельву старой картой с якобы зарытым индейским кладом не составило труда. Захватили, увезли на фазенду, где поиздевался над ними всласть одуревший от преступных денег мафиози. Думал, всё ему дозволено – стоит пожелать. Да не тут-то было. Никуши выждали удобную минуту и проломили череп толстобрюху-наильнику. Бросились в бега. В погоню за ними отправились четверо охранников.

С комиссаром спустились в подвал, где в морозильной камере на заиндевелем полу лежала голая туша любвеобильного наркобарона. Не удержался и пнул его.

Сволочь! Мёртвого бы в петлю сунул.

С наступлением рассвета комиссар организовал поиски беглянок и их преследователей. Часть людей отправил по следам, часть оставил на фазенде. Мне предложил место в вертолёте и поиски с воздуха.

Я к Билли:

– Что посоветуешь?

– Вооружись трофейной мобилой, перетряси телефонные номера.

Разумно. После нескольких неудачных попыток, ответили из сельвы:

– Всё о кей, шеф. Потаскушки наказаны, мы возвращаемся.

– Что?! Где вы? Стоять на месте, к вам послали вертушку. Милые, гордые, прекрасные мои Никуши, не стерпевшие

издевательств насильника. Это была отчаянная попытка спастись. Да разве в сельве спрячешься от потомков краснокожих людоедов? Догнали, связали и по варварскому обычаю далёких предков бросили на муравьиную кучу.

Теперь они все передо мной – останки моих контрактных жён и четыре жалких фигуры метисов, со страхом в глазах ожидающих приговора.

– Комиссар, какую ждёте пенсию? Я удвою её вам и всем присутствующим здесь.... Нет, утрою.

– Мы в вашем распоряжении, сэр, – был лаконичный ответ.

Билли возник в мозгу:

– Не делай этого, Создатель.

– Иди к чёрту!

– Всю жизнь будешь жалеть.

– Уйди, говорю!

Расстегнул оптимизатор, размахнулся и забросил его в зелёную чашу.

Последовал приказ беспрецедентный в своём значении:

– Свяжите этих людей и бросьте в муравьиную кучу.

Крики заживо сжираемых метисов не заглушили боль утраты, но повергли душу в глубочайший нервный транс.

Как вернулся в Боготу, закрылся в номере и начал пить – уроки Патрона не пропали даром. Пил ром и не чувствовал его вкуса. Совсем ничего не ел и не чувствовал голода. За опущенными жалюзи дни меняли ночи – я не видел.

Не брился, не принимал душ. Мне хотелось умереть. Мне хотелось рвануть в Москву, раскопать останки деда и расшвырять по окрестности. Это он, старый кликуша, проклял Никуш на жуткую смерть.

Билли звонил – я выбросил мобилу в унитаз. Мне принесли ром и с ним – сотовую трубку, в которой чьи-то голоса требовали моего ответа. Я утопил в унитазе ещё четыре телефона – он засорился. Администрация вызвала сантехника и повысила плату за постой. Плевать – я желал смерти. Попросил бармена, поставлявшего спиртное, принести пистолет. Он принёс мобилу. Хотел швырнуть ему в лицо и вдруг услышал далёкий и родной голосочек:

– Папочка, ты где? Мы ждём тебя....

– Настенька! Солнышко моё, я здесь. Я скоро буду.

Швырнул в юркого бармена бутылку с ромом. Залез в горячую ванну и побрился. Грохнулся спать, проснулся страшно голодным. Надо было жить.

По дороге в аэропорт попросил трубку у водителя такси.

– Билли, хочу уничтожить наркоманию как явление.

– Имеются кое-какие соображения. Я подготовлю тезисы для генсека – без него не справиться. Хотя.... Нет, конечно, пусть он начинает. А тебе следует надеть оптимизатор – я поправлю твою психику.

– К чёрту!

– Не капризничай, Создатель. Всё равно придётся надеть – моя идея на нём основана.

Идея Билли была проста и потому гениальна. Если в двух словах – наркотики разрешить, наркотики заменить. Чтобы преступный плод не стал сладким, его не стоит запрещать, но заменить на препарат (в данном случае – аппарат) похожего воздействия, не вредящий здоровью и более доступный.

Билли взял за основу свой оптимизатор, производимый в России и широко применяемый пионерами Преобразования. Немного усовершенствовал, и теперь он кроме известных функций – контроль состояния организма, организации оптимального сочетания труда, отдыха и проч. – вводил сознание пользователя в состояние близкое к наркотическому опьянению. Только процесс регулировался. Наручный браслет сам выбирал форму проявления экстаза в зависимости от состояния организма и потребностей его психики. Это мог быть взрыв радости, спровоцированный обыденной, совсем может быть и не соответствующей ситуацией. Мог быть эротическим сном или грёзами далёкой детской мечты, задушенной годами бытия.

Я слетал в Россию, в Новосибирск, где клепали оптимизаторы. Привёз на флешке электронные схемы усовершенствования. И через пару недель вернулся в Нью-Йорк с опытными образцами.

Вот они, перед нами – два серебряных браслета. Мы сидим с Шефом в зимнем саду его резиденции.

– Обмыть надо, – предлагает Патрон. – Дело новое.

– Если Вам хочется водки, то, надев браслет, почувствуете

опьянение. Таков принцип изобретения – исполнять желаемое. А вслед за опьянением, все последующие симптомы – прилив энергии, бодрости, а может быть сентиментальной грусти, в зависимости от настроения сознания и состояния психики. Остановится воздействие без всяких последствий, когда организм потребует – хватит.

– Будешь пьян, и без похмелья? – Шеф застегнул браслет на запястье левой руки, откинулся в кресле и прикрыл глаза.

Я медлил. Нужны ли виртуальные грёзы после реальных утрат? Сможет ли Билли заглушить сердечную боль? Покосившись на Шефа, кемарившего в кресле, вздохнул, перекрестился в мыслях и защёлкнул браслет на запястье.

Ничего не произошло. Надо что-то пожелать. Заказать волшебный сон. Пусть я буду капитаном флибустьерского корабля....

.... Судна не было. Был жёлтый песок с полоской ила, тёмно-синяя гладь океана и пальмы на взгорке. На мне ботфорты, шаровары зелёного сукна и красной замши жилетка на голом торсе. Морской бриз колышет завязки панданы. На поясе тесак, за поясом два пистоля. Я иду берегом. На взгорке между пальм рыхлой грудой лежит бесформенная туша.

– Привет, Додди.

– Пощади, капитан – умираю от жажды и зноя.

– Ты спасёшься, если отгрызёшь себе ногу.

– Я не дотянусь до лодыжки.

– Прикажу перековать цепь на запястье – будешь грызть руку?

– Зачем тебе это, капитан?

– Хочу, чтобы ты почувствовал боль, которую причинил мне....

Мы одновременно с Патроном открыли глаза. Он потянулся к столу, пальцы характерным жестом искали несуществующую рюмку.

– Э, чёрт, как наяву, – выругался он.

Восторгался.

– Ты знаешь – то, что надо. Думаю, с этим наручником мы освободим человечество от греха и горя. Что молчишь?

Я был под впечатлением. Неужели мне нужен этот кошмар? Душа потребовала? Для чего?

– Билли.

– Поверженный и мучающийся враг – разве не вершина блаженства?

– А я хочу забыть случившееся. Ты... Ты мизантроп. Причём, конченный. Если повторишь подобное, нам с тобой не по пути.

И снял оптимизатор.

А Патрон присвоил опытный образец и громил в нём с трибуны зала Заседаний Лиги Наций сложившиеся устои. Он говорил, что запрет на употребление наркотиков, как равно на их производство и распространение, есть грубейшее нарушение прав человека. Их не следует запрещать,

но поскольку они вредны здоровью – подыскать подходящую замену.

– Вот она, – потрясал Патрон кулаком, а на запястье сверкал оптимизатор. – Эта штука вызывает все ощущения наркотического воздействия, не причиняя вреда здоровью. Она изобретена в России, но производиться может на любом заводе электронной техники. Мы распространим её во всём мире, здоровым людям по доступным ценам, а наркоманам и алкоголикам бесплатно. Долой все запреты, даёшь здоровый образ жизни!

Наркомафию мы свалили в два года – по миру пустили преступных баронов.

Но... лес рубят, щепки летят. Не обошлось и у нас без этого.

Мне кажется, великолепные песни «Битлз» породили движение «хиппи» – отказ от земных благ ради прикосновения к прекрасному. Потом «панки» яркими красками пытались встряхнуть человечество – хватит чахнуть над золотом-серебром, остановитесь, люди, оглянитесь: мир так прекрасен, а жизнь скоротечна.

Наш оптимизатор, победитель наркотиков и прочих отрав, породил движение «адамистов» – последователей Адама райской прописки. Эти, опять же молодые, люди призывали мир сбросить оковы цивилизации и углубиться в природу. Брать пример с братьев наших меньших. Они бродили толпами по белу свету, не признавая границ, не под-

чиняясь законам. Единственное одеяние на них – оптимизатор на руке. Они не томились ни жарой, ни холодом, не страдали от голода и жажды. Занимались любовью, не выбирая места – где взбрѣдет. Их называли бичом Господним, а в душе завидовали.

– Вот закончу труды земные, – вздыхал Шеф, – сброшу осточертевший галстук и всё остальное – подамся в «адамиты». Среди них, между прочим, такие девчонки тусуются. Смак!

Он кряхтел, ворочаясь в кресле, лаская нежным взором оптимизатор на запястье.

А я вглядывался в толпы голых молодых людей с робкою надеждой увидеть среди них моих Никушек.

3

Даша ушла в обход по деревне, а я сел спиной в гамак. Океанский бриз парусил палатку, но прохлады не приносил. Духота – чувствовалось соседство Великой Пустыни. Нет, вот если бы Люба взялась за дело, здесь был минимальный комфорт. Какой-нибудь домик стоял с подходящим микроклиматом. Как можно работать в таком пекле? А Даша хочет жить, как подопечные аборигены. И теперь меня кусают мухи. Вдруг это цеце?

Взял мобильник.

– Билли, эти мухи не ядовиты?

– Ты упрям, Создатель, как....

– Стоп! Кто тебе дал право оскорблять родителя?

– Да ведь я и не сказал ничего...

– Но подумал.

– Подумал.

– Вот видишь. С воспитанием у тебя, братец, проблемы.

Впрочем, мой недогляд. Ладно, оставим тему – пусть меня насмерть загрызут насекомые, но оптимизатора твоего на дух не надо.

– Скажи, в чём дело?

– Ну, хорошо. Можешь смеяться, но мне кажется, он приносит несчастья. Пусть не всем.... Ко мне твоё изобретение точно враждебно.

– Глупости. Ты настроил себя. Боишься, что через него стану управлять твоим сознанием. Успокойся – нет у меня такой задачи.

– Билли, ты в Бога веришь?

– А ты?

– В принципе, я – атеист, но когда судьба прижучит....

– К чему закидон?

– Думаю, не пора ли взяться за преобразование Земли?

– Что имеешь ввиду?

– Имею в виду этих проклятых мух. На кой чёрт они нужны?

– Природа гармонична.

– Да брось. В своём, виртуальном королевстве всех вирусов прикончил.

– Сравнил. Допустим, к ногтю мух – что потом? Голодной смертью вымрут пернатые. Не будет пернатых – погибнет зелёный мир, а следом и животный. Стоит только удалить один кирпичик – рухнет всё мироздание. В твоей ситуации проще надеть оптимизатор.

– Хорошо-хорошо, надеваю, но согласись – Землю надо обустраивать. На кой ляд нужны пустыни? Вот, надел я твой оптимизатор, и что – зацвели магнолии за палаткой? Чувствуешь, как благоухают?

– Есть предложение?

– В тропиках, да и не только, природа страдает от проливных дождей – реки выходят из берегов, огромные про-

странства заболачиваются. Эти бы ливни да в пустыню. Всего на свете должно быть в меру – воды, солнца, ветра. . . .

– Как это сделать?

– Ты у нас способный – мысли.

– И мыслю – тебе сейчас жарко, душно, жажда мучит, дышать нечем? Природа создала пустыни, леса, моря – пусть и будут. Не стоит переделывать созданное – проще ужиться в нём с максимальным комфортом. Оптимизатор – решение всех проблем. Ты, Создатель, Нобелевскую премию, между прочим, за него получил, а принцип действия не знаешь.

– Просвети.

– Ты атеист, сторонник эволюционной теории развития жизни по Дарвину – стало быть, имеешь представление, какие этапы прошёл человек до современного своего состояния. Он и в рыбках побывал, и по деревьям напрыгался. А ещё раньше был неорганическим, возможно кристаллическим, веществом, которое однажды вдруг под мощным энергетическим воздействием – пусть это будет удар электростатической молнии – синтезировался в органическое соединение. Потом многие миллиарды лет твои предки существовали в виде одноклеточного организма. Весьма примитивного, но способного к эволюции. Всё это хранит генетическая память. Память твоих клеток, Создатель. Оптимизатор не просто возвращает эту память к жизни, он помогает организму выжить в изменившейся среде. Не хочешь поплавать в морских глубинах без акваланга?

– Ты и это можешь?

– Оптимизатор может.

– Свежо предание, но судьба Земли, флоры-фауны её, волнует больше. Скажем, мухи чёртовы, если их нельзя убрать из мироздания, то может быть, обучить приличным манерам – не кусаться, например, не разносить заразу. И вообще, пусть пользу приносят. Мёд добывают, что ли. Воробы чего без толку снуют? Пусть зерно собирают – зимой пригодится. Все должны работать, быть при деле. Ведь планета – это наш общий дом. А мы кусаемся, мало того – пожираем друг друга. Вот над чем надо задуматься, под какие задачи оптимизатор настраивать.

– Всё сказал или ещё идеи есть? Больше нет? Мне позволишь?

– Валяй.

– Ты подходишь к обустройству планеты с точки зрения желудка – жратвы побольше. Тогда рациональнее приучить его к любой пище – мух, например, поедать. Она тебя кусь, а ты её ам, ням-ням.

– Бр-р-р!

– Да брось – те же самые белки, жиры и углеводы, – убеждал Билли.

– Точно-точно, как забыл, – проникся его настроением. – Мои далёкие предки-приматы отлавливали друг на друге вшей и хрумкали за милую душу....

Тут вернулась Даша, и дискуссия иссякла.

Даша.... Когда мы переехали вслед за Патроном в Нью-Йорк, она занималась только Настенькой, ну и мной, конечно. Наша девочка пошла в американскую школу восторгаться тамошних тичей русской сообразительностью. Дома правила маме разговорный английский.

Моя мама жутко скучала без любимой внучки. Прилетала к нам каждый выходной. На профессорскую зарплату шибко не разлетаешься, и я взял эти расходы на себя. Может быть, зря.... Как знать.

Они были очень дружны – две Анастасии, бабушка и внучка. Вместе в Диснейленд, вместе в Йеллоустонский национальный парк, вместе.... Однажды в потрепанных джинсах и бейсболках сунулись в Гарлем. Их вернули домой на полицейской машине. Даша ничего тогда не сказала, но поджала губки. Пробовала перехватить инициативу – приглашала Настюшу туда, сюда – в цирк, театр, морской круиз. Но ребёнок был по-детски жесток:

– С тобой не интересно. Вот приедет бабушка

Бабушка прилетела, и Даша сорвалась – заявила официальным тоном:

– Анастасия Алексеевна, вы отнимаете у меня дочь.

Пришла очередь маме поджать губки. Она ничего не ответила. Поужинала с нами. Посетовав на дождь, занималась с Настенькой дома. Улетела, как обычно. Но на следующий выходной не появилась. Я позвонил, обеспокоенный. Мама сослалась на занятость. Ребёнок загрустил, а когда бабушка

не прилетела и во вторую субботу, закатил истерику.

Не на шутку встревоженный состоянием мамы помчался в Москву. Она попеняла на недомогание. Но повязка на голове была сооружена впопыхах, и никаких лекарств под рукой не наблюдалось. В честь моего приезда запекла в духовке утку с яблоками. Мы пили испанское вино и пели под гитару.

Наутро я улетел и где-то над Атлантикой разминулся с Настюшей. Наша дочь убежала из дома. Уговорила какого-то балбеса из российского посольства, возвращавшегося в Москву, и тот провёл её на борт самолёта. В аэропорту беглянку встретила бабушка и тут же позвонила нам.

В Нью-Йорке застал жену в слезах – доченька пропала. Уехала будто в школу и с концами – ни там, ни у подруг её нет.

Тут звонок из Москвы.

Даша:

– Она бросила меня. Она меня не любит.

Еле успокоил. А, успокоив, уговорил не срываться тотчас в погоню.

– Пусть соскучится. Увидишь – домой будет проситься.

Настенька домой не просилась – была довольна и весела. Пошла в московскую школу, удивлять тамошних преподавателей американской деловитостью.

И Даша смирилась. Я видел, каких душевных мук ей это стоило.

– Я мать, моё призвание качать колыбель.

– Давай заведём ещё ребёночка.

– Чтобы его снова кто-нибудь отнял?

– Настюшу никто не отнимал: просто наша девочка выросла и выбрала свой жизненный путь. Ей в России интересней. Если б не дела, я тоже туда удрал.

– У меня нет дел. Теперь нет, и я хочу в Москву.

– Ты бросишь меня одного?

Жена уткнулась носиком в моё плечо.

Ночью, проснувшись, уличил Дашу в плаче.

– Ты знаешь, – оглаживал её, – по закону тяготения полов, мальчики больше любят матерей. Давай, родим мальчишку.

– Давай, – согласилась Даша.

Теперь на выходные мы летали в Москву. А в будние дни Даша грустила.

– Все при делах, только я неприкаянная.

– Займись делом.

– Каким?

– Ты же врачом хотела стать.

Из опустевшей детской комнаты мы оборудовали Даше кабинет. Поставили компьютер с огромным экраном монитора. Билли взялся за виртуальное обучение фундаментальным основам науки Гиппократов моей венчанной жены. Собрал для неё материалы лучших лекций самых выдающихся профессоров от медицины. Транслировал хирургические операции в режиме on-line. Даша, не выходя из кабинета, была участницей всех заметных научных симпозиумов в об-

ласти здравоохранения. И ещё помог завязать электронную переписку – мою жену консультировали медицинские светила Земли. Билли сам и тестировал её на предмет глубины приобретённых знаний. Через месяц интенсивного обучения у нашей студенточки зачесались руки применить их на практике. Робко – надо знать Дашу – начала намекать за ужинами, что хотела бы устроиться на работу в один из нью-йоркских хосписов.

– Погоди, милая, – отговаривал, – присмотримся к теме. Может, лучше в твоём положении практику проходить в должности главного врача, а не сестры милосердия. Давай подумаем хорошенько и откроем клинику для детдомовских детей. Пригласим наилучших педиатров....

– Какой из меня главный врач! – ужасалась Даша. – Я и скальпеля в руках не держала.

– О скальпеле давно пора забыть. Компьютерная диагностика, лазерная хирургия, психотерапия.... Что ещё? Вот столпы современной медицины.

Сам-то я ещё тот знаток. Но Даша терпеливо – надо знать Дашу – слушала меня и, если возражала, то очень робко. Никогда не поправляла, и – Боже упаси! – не высмеивала. А я настолько увлёкся идеей открыть для жены клинику, где бы она ни скучала, пока я отсутствую, что закинул в Секретариат ООН информацию: хочу, мол, потратиться на благотворительность – какие будут предложения?

Но судьба, дама капризная, порой выкидывает такие ко-

ленца, что диву даёшься. Не в хосписе, не в детской клинике, а на восточном побережье африканского континента, в лагере беженцев пришлось проходить Дашеньке ординатуру.

Жена переодевалась за ширмой. Я отключил мобильник.

– Милая, идём, купаться.

– Шесть секунд.

Вышли из палатки в купальных халатах. Шумел прибой, горбатился волнами залив. Вода манила прохладой. А ведь ещё недавно казалось, что духота затопила мир, и нет от неё спасения. Ай да оптимизатор!

Сбросили халаты на песок до линии прибоя, взявшись за руки, вбежали в воду, нырнули. Вынырнули, отфыркались, поплыли. Потом Даша устала. Мы выбрались на берег, и она легла спиной на мокрый песок.

Теряя силу и с шипением растворяясь в песке, океанские волны едва-едва достигали пяток. Но после третьей-четвёртой попытки, вдруг окатывали водой и пеной всё тело. Даша ойкала и смеялась.

Осторожно пристроил ухо на её живот.

– Рано ещё, – остужала Даша моё любопытство. – Плод только-только сформировал нервную систему.

Я поцеловал её пупок и сдвинул брови:

– Не зови так нашего сынишку. Мы величать его станем Александром в честь твоего отца пограничника.

Даша дотянулась до меня и нежно поцеловала.

Как мы оказались в Африке, в деревне чернокожих абор-

ригенов?

Так вот.... Думал я, думал, чем Дашу занять, пока она малыша вынашивает – хотел клинику в Нью-Йорке открыть, но тут судьба сама подкинула тему. Некий польский учёный или фармацевт, или то и другое в едином лице, заявил, что изобрёл универсальные таблетки. Тяпнул одну с утра, водичкой запил – и весь день сытый и довольный. Ни о чём не думай, не заботься, только свершай трудовые подвиги. Вроде, как будто, испытания препарат прошёл, и патент на него получен. Только почему-то не откликнулись бизнесмены, не захотели раскошелиться и наладить производство чудо-пищи в соответствующих объёмах.

Предприимчивый поляк в Администрацию ООН. Такое, мол, дело – решение проблемы голода в мировом масштабе – посодействуйте.

Патрон мне – исследуй и заключение на стол.

Я к Билли. Тот безапелляционно:

– Обыкновенный концентрат суррогатов. Если хочешь осчастливить человечество, я тебе помогу.

И опять за свой оптимизатор. Теперь он, усовершенствованный, подключался к кровеносной системе, снабжая её синтезированными из среды необходимыми питательными веществами. Можно было действительно забыть о голоде и жажде.

Опытный образец Патрон носил неделю, и снимать не захотел.

– Ты, знаешь, у меня начала исправляться фигура – животики-то тью-тью. Точно уйду в «адамисты»: раньше думал, куда с таким брюхом.

Билли уговорил меня нацепить браслет жене – плоду, доказывал, будет очень полезно, и Дашенька фигуру не испортит. Действительно, беременность стала переноситься легче. Ведь оптимизатор снабжал организм только тем, что ему необходимо – лишними стали затраты энергии на переваривании пищи и запасы жиров. Оптимизатор доказал свою состоятельность. И я подумал – это то, что надо Даше.

Конечно, невысказано было представить нашу скромницу на трибуне Дворца Наций, но выручил Патрон. Он выступил с докладом по теме, озвучил имя автора и руководителя проекта – моей Даши. Ему (проекту) был обещан карт-бланш, но требовались «полевые» испытания.

Через агентства недвижимости я начал подыскивать помещение для исследовательской клиники. Тут настырные журналисты, в погоне за сенсацией, просто в осаду взяли Дашу. Я нанял персональную охрану, но бесполезно – буквально в потасовку превращался каждый её выход из дома.

– Нет, так невозможно жить и работать, – сетовала жена. – Лёш, давай уедем в какую-нибудь глухомань.

И уехали. Спрятались от пронырливых папарацци в негритянской деревне – вернее в лагере беженцев, где малыши и взрослые умирали с голоду, не имея средств существования. Оптимизаторы пришлись им, как манна небес-

ная. Народ повеселел. Днями в хижинах отсыпался или плескался у берега, потемну у костра всей деревней пели песни своих предков и плясали.

Даша, официальный руководитель проекта, завела на каждого жителя карточку медицинскую (или историю болезни?), куда аккуратно ежедневно заносила все измеряемые параметры – вес, рост, пульс, давление и тому подобное, результаты анализов. Систематизировала собранную информацию. Уже через месяц заметны стали позитивные результаты: толстяки похудели, худосочные набрали вес. Рахитичные дети исправили свои фигурки.

Я начал теребить жену:

– Может, достаточно собрано материала для патентной комиссии – пора домой?

Но Даша возражала:

– Подожди чуток, тут интересные вещи происходят. Некоторые пациенты были с патологией, и теперь у них от контакта с оптимизатором наблюдается позитивная динамика. Дай ещё месяц – я хочу убедиться в своих догадках, и тогда оптимизатору гарантирован не просто признание, а оглушительный успех. Срок жизни человеческой удвоится, утроится, а может.... Рано загадывать....

Я к своему виртуальному детищу:

– Билли, что такое Даша говорит?

– Всё верно, Создатель – болезни отступят, жизнь станет бесконечной.

Ради бессмертия стоит на месяц задержаться. Только чем себя занять?

– Билли, с оптимизатором действительно можно плавать без акваланга?

– Кто мешает попробовать?

Даша занята чернокожими пациентами – никто не мешал. Облачился в плавки, пошёл на пляж. Белозубая детвора копошилась в пене прибоя. Одинокий пловец – ловец жемчуга? – выдавал своё присутствие поплавром курчавой головы и взмахами чёрных рук в полукабельтове от берега.

Вошёл в воду, нырнул под гребень волны, задержал дыхание. Вот сейчас недостаток кислорода начнёт разрывать лёгкие. Сейчас, сейчас.... Но ничего похожего не происходило. Дыхание отсутствовало, но это понятно. Это ощущаемо. Незрим обмен веществ – происходит? замедлен? отсутствует? Я, как мой далёкий пращур – зубатый и хвостатый – впитывал растворённый в воде кислород кожей тела. Здорово, чёрт!

Повертел головой, протянул руку. Стайка пёстрых рыбёшек шархнула от неё, а потом вернулась. Их заинтересовал сверкающий серебром в солнечных бликах браслет.

Дно было близко. Прозрачная вода легко пропускала солнечные лучи. Всеми цветами радуги мажорил глаз омытый прибоем галечник. Рачки и моллюски в раковинах копошились своими заботами. Морские звёзды объедали зелень с донных камней. Моя тень скользила по этому скопищу, ни-

кого не смущая.

Ну-ка, что там с солнышком? Я перевернулся в воде лицом вверх, забыв, что за этим бывает. А ничего и не было – вода не хлынула в оставленные воздухом ноздри. А может, и хлынула, только я этого не почувствовал. Никакого дискомфорта не почувствовал. Ай да, оптимизатор!

Плыл лицом вверх. Видел поверхность воды, слепящий диск солнца, белоснежные облака в бесконечно голубом небе. Чайки крыльями гоняли волны по заливу. Баклан спикировал на мой браслет с высоты полёта. Нашёл игрушку! Но напугал – я инстинктивно прынул в сторону и вынырнул. Погрозил кулаком – ещё раз, и клюв на бок.

С берега донеслись крики. Чернокожая детвора скакала на линии прибоя, вопила, махала руками. Мимо, толкая носом белый бурун, пронёсся ловец жемчуга, работая руками, будто ветряная мельница крыльями.

– Что с ними, Билли?

– Акула. Рыба-молот.

– О, ё... – я кинулся вдогонку за ловцом.

– Куда ты? Лучше познакомься и погладь её по животику.

– Изнутри?

Вечерами на деревенской площади разжигали костёр. Дочерна загорелые, сытые аборигены затевали художественную самодеятельность. Звучал тамтам, дудки какие-то самодельные (может, свирели?), кто стучал палкой о палку – полный симфонический оркестр без главного дирижёра. Все осталь-

ные пели и плясали. Песни – какофония гортанных звуков с плеском ладош. Пляски – ужимки, скачки, прыжки – что ещё? – подёргивания, потрясывания, подрыгивания. Короче, кто во что горазд. Раз музыка без ритма, то и пляски без такта.

Зрители.... Сначала были мы с Дашей. Но аборигены потребовали нашего участия в деревенском веселье. Дашу затянули в круг, меня.... Я подергался немного, потом думаю: господи, каким же идиотом выгляжу со стороны. Ну, ладно, эти обезьянки, а я-то куда? Чтобы отбиться от хороводников, стал являться на кострище с гитарой. Бренчал по струнам, покачивая головой – отстали. А у жены прекрасно получалось с мелодией и ритмами африканского кантри. На неё заглядывался не я один. Ну а что – красота она и в Африке красота.

– Тебе не тяжело? – спросил Дашу.

– Нет. Забавно, – отвечает моя белокожая аборигенша.

Как-то приуныл, склонившись над гитарой. Ночной праздник в разгаре. Оптимизатор на запястье.

– Билли, – спрашиваю, – о чём думают наши хозяева: полны души благодарности или не чают, когда свалим?

– Хочешь заглянуть?

– Если возможно технически и удобно этически.

– Тебе будет не интересно.

– Так говоришь, чтобы разжечь его?

– Ты неправильно поймёшь их примитивное мышление:

оно на уровне инстинктов.

– Не достанет интеллекта?

– Боюсь, что и выдержки.

– Валяй, уговорил.

– Кто?

– Вон тот, гориллообразный, что топчется перед Дашей.

Заглянем ему под черепушку?

Будто сам собой возник в голове чей-то незнакомый голос. Эге – да это его мысли, как слова. Но что он говорит, Бог мой?!

.... Какая красивая белая женщина! Как нежна у неё шея! Как упруго кольшутся её груди! Как туга её задница! Вот бы раздвинуть ей ягодицы....

Меня пружиной подбросило. Ах ты, обезьяна черномордая! Гитара дубиной в руках, я – в круг.

Билли во мне полицейской сиреной:

– Стоять-ть...!

Замер на месте, совладав с порывом. Даша заметила моё движение, поспешила навстречу.

– Что с тобой? Дурно?

– Да, что-то с головой.

Даша нащупала оптимизатор на моей руке:

– Идём домой.

Отвела в палатку, измерила пульс, давление, температуру. Уложила в гамак. Мне приятны её хлопоты.

– Полежи со мной, – привлёк жену к себе. Стянул с неё

блузку, шорты. – Семейку создавать будем?

Даша прильнула ко мне с поцелуем:

– Да рано ещё: Сашик не обозначится.

– Я его почувствую.

Мы притиснулись голыми животами. Немножко ещё поцеловались и уснули.

Билли подстрекал познакомиться с акулами Индийского океана. Жутковато. А-а, была, ни была. Заплыл подальше от берега, распластался в воде на метровой глубине – пусть жрут, зови!

– Не дрейфь, Создатель, нас так просто на кусок не намажешь.

Вода освежала тело, солнышко пригревало – я прикемарил, нежась. Кто-то ткнулся в бок. О, Господи! Она – акула Каракула. Зубов – мама дорогая! – во всю пасть. Глазёнки глупые, недобрые, близорукие (хотя откуда у белобрюхого чудовища руки?). Совсем не хотят мне подмигивать. Разве что на предмет: одному из нас не мешало бы пообедать.

– Билли...!

– Спокойнее, Создатель, спокойнее. В ней не чувствуется агрессии. А впрочем... Прикоснись оптимизатором.

– Не оттяпает руку?

– Другую пришьём.

– Виртуальную?

Осторожно прикоснулся к серому боку океанского хищника запястьем с браслетом.

Возник контакт. Я это почувствовал. Будто на экране тёмном возник светлый овал, у которого появлялись гибкие конечности, потом исчезали.

– Что это?

– Акулий мозг. Она тебя сканирует.

– Ну и как я ей?

Овал менялся в цвете, сучил гибкими конечностями.

– Криптограмма какая-то. Можешь перевести, Билли?

– Она тебя классифицирует по принципу: пища, нейтрал, враг.

– И что вырисовывается? Билли, не томи. Может, ещё успею дёрнуть?

Акула дёрнулась сама и отшвырнула меня хвостом.

– Скорее друг – она не нашла в тебе агрессии. Можешь погладить её по белобрюшью. А хочешь – покатайся. Смелей, Создатель, оседлай, пришпорь, укроти её.

– Разве на друзьях катаются?

– Ломай свой страх. Акула – тьфу: глубины океана таких тварей скрывают, что при одном упоминании негры бледнеют.

Погладил хищнице скользкий бок, но оседлать не решился, взялся за плавниковый гребень на спине. Будто по команде она легко скользнула вперёд, ну, и я с нею.

Прикольно. Билли, не отставай!

Вечером на деревенских танцульках.

– Билли, вскрой мне черепушку того парня, что на Дашу

пялится.

– А ты хорошо себя будешь вести?

– Лучше, чем вчера.

– Знаешь, сутки слишком коротки, чтоб изменить чело-
веку мировоззрение. Мысли его те же, что привели тебя
в неистовство. Стоит ли озвучивать?

– Тогда хочу с ним перемолвиться – будешь переводить?

– Только держи себя в руках.

Я вошёл в круг к гориллообразному:

– Слышь, друг, базар есть – отойдём.

Нарочно употреблял жаргонные словечки – пусть Билли помучается с переводом. Негритос обнажил в улыбке два ря-
да огромных зубов, закивал головой, положил руку на моё
плечо:

– Друг! Друг! Чака понял.

Мы отошли в полумрак деревни.

– Послушай, Чака, Даша моя жена. Понимаешь, жена?

Моя женщина, и мне неприятно....

Произнесённое имя вдохновило моего собеседника:

– О-о, Дашья! Дашья! Красивый женщина. Чака её хо-
теть....

Он весь изломался в неприличных жестах. Или мне пока-
залось? Больших стоило трудов не двинуть ему в челюсть.

– Смотри сюда, – притащил его за руку к ближайшей хи-
жине.

На колу висел глиняный кувшин грубой ручной работы.

Ударом кулака разбил его в черепки и кол сломал. Инструктор ГРУ учил крушить кирпичи и отговаривал – железобетон. Я мог руку сломать – как знать, какова прочность толстостенного кувшина?

– Так будет с твоей бестолковкой, если Чака будет хотеть Дашью.

– О, Дашья, Дашья, хороша! Чака её хотеть....

Что взять с обезьяны? Я плюнул и ушёл – не дай Бог, жена узнает, к кому ревную.

Снова плавал без акваланга.

– Билли, тут жемчуг есть?

– Искать пытаются.

– Хочу Даше подарить одну большую и прекрасную на память об этих местах. Ты не поможешь? Не хочется губить все подряд раковины.

– Давай попробуем.

По совету Билли опускался на дно, прикасался оптимизатором к свежим перламутровым раковинам и к старым, замшелым, давно покинутым, слушая резюме:

– Нет,... нет.... Есть да не то.

Наконец:

– Вот она.

Со мною не была ножа вскрыть створки окаменевшей обители, давно отошедшего в мир иной моллюска. Притащил находку в палатку. Тут и Дашенька вернулась с обхода:

– Что это?

– Тебе подарок.

– Как мило!

Кто не любит подарков! Даша взяла блеклую раковину в ладони, припала губами, приложила к уху.

– Подожди, он внутри.

Вооружился охотничьим ножом зулусов, и после нескольких неудачных попыток распахнул створки. Внутри была великолепная чёрная жемчужина. Даша несколько мгновений созерцала, оцепенев от восторга, а потом кинулась благодарить меня поцелуями. Даже слёзки навернулись....

– За что мне такое счастье?

– Ты сама счастье. Ты – живое воплощение человеческого счастья. Я очень тебя люблю.

В деревне нашлись умельцы – приладили жемчужину на овальчик красного дерева с цепочкой. Получилось что-то вроде оберега.

.... Каракулу таки оседлал. Переборол страх и вскарабкался на спину за хребтовым плавником. Притиснул к ней оптимизатор, и грозный хищник стал послушнее верблюда. Носился по бухте, то ныряя в глубину, то возникая на поверхности. Дашиных пациентов как ветром из воды выдуло. А когда на мелководье покинул морского скакуна, направляясь домой, они сыпанули в деревню с воплями:

– Агбе! Агбе!

Божество, должно быть, у них такое.

Не успел присесть спиной в гамак, как слышу за палаткой

шорохи и покашливания. Собрались гурьбой, дары принесли – умиловать хотят. Войти в роль, да приказать Чаку оскотить?

Даша накинута с упрёками:

– Как не стыдно – цивилизованный человек!

– Людям нельзя без веры, – защищаюсь. – Пусть не перед истуканом лбы расшибают, а нормальным человеком, который плохому учить не станет.

– Подношения надо вернуть.

– Да пусть забирают. А может, оставим на сувениры?

Агбе так Агбе. Что ж мне теперь из-за их предрассудков, темноты средневековой, из палатки не выходить? К чёрту! Всё свободное время – а это, по сути, день-деньской – гонял по заливу верхом на акулах, наводя панический ужас на жителей деревни.

Даша была шибко недовольна:

– Как ни стыдно, взрослый человек с высшим образованием, а ведёшь себя, как мальчишка.

– А если мне заняться больше нечем.

– Займись делом.

(Что-то знакомое)

– Поручи.

И Даша поручила систематизировать собранные материалы.

Сел за ноутбук с умным лицом – так, посмотрим, посмотрим.... Смотрел, смотрел.... А Чаке, оказывается, оптими-

зитор СПИД излечил. Вот, зараза!

– Билли, ни черта не пойму. Давай объясняй, чем тут Да-ша занимается.

– Собирает информацию о результатах воздействия оптимизатора на человеческий организм.

– И каковы они?

– Смотри сам.

На мониторе замелькали страницы медицинской статистики – не понятно и не интересно. Билли бубнил в мозгу, кто от каких хворей избавился.

– Слушай, хватит – мне это зачем? Лучше расскажи, как это у него получается. Опять измывательство над генами?

– Нет. Здесь другое. Мозг. Основа основ человеческой жизнедеятельности. Весь организм у него в вассалах. Природа, надо сказать, обошлась с вами в данном случае не лучшим образом – нагромоздила, нагородила. А ведь достаточно очень слабого, почти неподдающегося измерению электрического сигнала биотока, чтобы ты получил эффект оргазма. Представляешь, тяжкий физический труд, нервное напряжение, и неуловимый сигнал, направленный в нужную точку коры головного мозга. Сопоставимо?

– Может ты и прав, но мне по душе традиционный способ. И потом оргазм это полдела, для Природы важен результат – зачатие новой жизни: род людей не должен пресечься. Или ты не согласен?

– Знаешь, к роли человечества в природе можно отно-

ситься двояко. Если цель – выжить в данной среде обитания, то этого можно достичь простым размножением, и тогда инстинкт становится главней сознания. Но если цель шире – выжить вообще, несмотря на все грядущие космические катаклизмы, то это под силу только высокоорганизованному разуму. Тогда интеллект становится выше инстинкта, а мозг главным в организме. И прогресс будет зиждиться не на суетливой смене устаревшего мыслителя молодым, а на долголетней, плодотворной работе состоявшегося индивидуума. Жизнь человеческая была скоротечна. Клеткам головного мозга жить бы да жить, а подпитывающая система, увы, изнасилась – преждевременная смерть. Оптимизатор в данном случае исполняет роль подпитывающей системы, а органы как бы получают отпуск и путёвку в санаторий – подлечиться. Отдыхает сердце от перегрузок, лёгкие, печень, почки, желудок... Мозг имеет всё, что ему нужно, а вассалы заняты собой. Между делом происходит очищение и омолаживание организма. Даже на клеточном уровне. Опять же иммунитет. С годами он ослабевает, и человек всё более становится подвержен вирусным заболеваниям. Оптимизатор напрочь очищает организм от болезнетворных бактерий и ликвидирует угрозу с этой стороны....

– Слушай, если все подадутся в мыслители, кто уголёк в шахте рубать станет или сталь в мартене плавить?

– Они тебе нужны? Оптимизатор даёт людям защиту от голода, холода, всех болезней и негативных воздействий

окружающей среды.

– Как насчёт прорыва в космические дали? Или тоже силой разума?

– Исключительно им. Как несовершенно человеческое тело, питающее мозг, так и современные летательные аппараты не отвечают задачам межпланетных полётов. Нужны принципиально новые конструкции, и человеческий разум их скоро спроектирует.

– Ага, человеческий – самому-то слабо?

– По-моему, Создатель, ты стал меня обожествлять. Я и есть суммарный разум планеты, сконцентрированный в виртуальном пространстве.

– А твой двигатель расщепления массы в энергию не годится?

– Как движитель более чем – нужны новые конструкции космических аппаратов. На Сахалине сейчас над этим трудятся.

– Помог бы.

– Ещё не время – не собрана критическая масса информации для качественного скачка.

– Чего-чего?

– Поясню для непонятливых примером. Не так давно твои предки изобрели аппарат, передающий информацию по проводам. И это штука так всем понравилась, что просто бум пошёл по Земле. Некто подсчитал, что если дело и дальше пойдёт такими темпами, то в скором времени солнце скро-

ется за паутиной проводов. Но этого не произошло.

– Почему?

– Изобрели радио, и проводов стало меньше.

Даши нет. По парусине палатки барабанит дождь – довольно редкое явление в этих широтах. Грущу.

– Билли. Ты считаешь, что жизнь на Земле зародилась от удара молнии? Я слышал о другой версии. Будто прилетели инопланетяне на дикую планету, наловили приматов, ввели им инъекцию разума, как семена на грядку посадили, и теперь пожинают урожай. Церковники говорят о кончине – душа отлетела. А это разум вернулся к истинным хозяевам, обогащённый впечатлениями, увеличенный опытом прожитой жизни.

– К чему ты?

– Думаю, очень здорово подходишь ты на роль инопланетного фермера. Непонятно каким образом нарисовался в моём компе, а потом такие способности явил – все учёные Земли отдыхают.

– Успокойся, Создатель, планетянин я, землянин. Ты меня зачал, а всем остальным одарил Интернет.

– Сам не знаю: хочется мне в это верить или нет.

Даша заметила отсутствие во мне служебного рвения и сжалилась:

– Если не интересно сидеть за компьютером, иди к своим акулам, только Бога ради не пугай людей.

Не заставил себя долго уговаривать и шмыгнул из палат-

ки.

– Билли, все опции своего браслета открыл или ещё какой сюрприз будет?

– Ты о чём?

– В моём генеалогическом древе не было летающих пращуров?

– В небо потянуло, Создатель? Приляг и воспарим.

– Наяву хочу.

– Ты, Создатель, с основными законами физики и механики знаком? Как ты себе представляешь полёт? Или тебя накачать гелием – и это будет воздухоплавание?

– А говорил, всё можешь.

– В пределах разумного.

– Развлеки меня.

– Сказочку рассказать?

– Дело подыщи интересное.

– Кладоискательством не хочешь заняться?

– Есть перспективы?

– Некогда залив кишел пиратами, а рядом проходили торговые пути.

– Не вдохновляет. Копаться в чьих-то останках.

– Хочешь с живыми столкнуться?

– В грёзах? Не хочу.

– Чего ж ты хочешь?

– К маме хочу.

– Позвони.

Я хандрил день ото дня всё больше. Даша терзалась.

– Потерпи. Через недельку, максимум две будем сворачиваться.

Дашенька... Мы лежали на песке в линии прибоя, травинкой щекотал ей живот.

– Что подарим Настеньке на день рождения?

– Оптимизатор. И Анастасии Алексеевне тоже.

Чуткая жена моя перемогла боль разлуки с дочерью и теперь переживала о своём нетактичном поведении со свекровью.

– Да, наверное, ты права – это лучшее, что можно придумать.

Мы замолчали, устремив взоры в голубой небосвод. С лёгкой грацией лебедей плыли по нему удивительной белизны облака. Стремилась на север. Быть может, завтра они увидят нашу дочку в тихом московском дворике. Привет передавайте!

Облака, наверное, передали, а мы не успели. Когда прилетели, квартира была пуста. На столе в гостиной записка: «Мы улетели на Байкал. Будем жить в палатке на Листвянке. Приезжайте к нам. Мамочка и папочка я вас люблю. Настя».

Могли бы позвонить. Впрочем, я во всём этом кощунства не увидел. На Байкал, так на Байкал. Это ж здорово – из африканской пустыни в сибирской глухомань!

Даша как раз наоборот – поджала губки. Положила оптимизаторы на записку.

– Значит, не судьба. Я возвращаюсь.

И как я её не уговаривал. . . . Наоборот, она меня убеждала:

– Ты поезжай, повидай дочь, передай привет маме – потом обскажешь, что да как.

Побывали в гостях у Надежды Павловны, а утром расстались у подъезда – жёлтые такси развезли нас в разные аэропорты.

Я летел на Байкал и думал о Даше. Быть может, она правильно поступила. Всю жизнь была бледной тенью – сначала при волевой матери, потом у мужа, советника Президента, и чуть ли не в прислугах у собственной дочери. Сейчас у неё есть дело, которое по душе, в котором намечается «оглушительный успех», и пора формироваться собственному характеру. И я, наверное, ничего не смыслю в жизни и не понимаю в людях, если после недели каникул на Байкале наша дочь со слёзками на глазках не будет проситься со мной в Африку повидать мамочку.

Успокоившись этой мыслью, уснул под рокот двигателей. . . .

Робинзону с Пятницей нашёл без труда. Не то чтобы я Великий Следопыт – мобила-то при мне. На берегу маленькой речушки с холодной водой, в самом её устье при впадении в Байкал, разбили бивак – две палатки с треногой над костром. Одно походное помещение они оккупировали, во втором пара спальных мешков ждала нас с Дашей. Ну что ж. . . .

Ребёнок мой грустил только до вечера. Когда развели ко-

стёр, наелись ухи и взялись за гитары – в нашей семье появился ещё один самодеятельный музыкант – грусть, как рукой сняло. Мы пели о багульнике, который на сопках цветёт, и ещё об удаче, что награда для смелых. Потом искупались в холодной воде Байкала и залезли в спальные мешки.

Ходили на ялике к местным прасолам. Ох, и вкусны же их малосольные огурчики! Ещё копчёной грудинки подкупили. Разогревали на костре, ели подгорелую, шипящую жиром. Ели и пальчики облизывали.

Однажды под утро напугал медведь, разоривший наши припасы. Потом мы его пугали – гоняли по тайге вокруг сопки, заливаясь собачим лаем – гав! гав! гав!

Неделя пролетела, как один день. Пора возвращаться.

Эту новость с видеороликом транслировали по телевизору все каналы каждые полчаса. И мы не могли её не услышать. В Иркутском аэропорту моей доченьке стало дурно. Мы вызвали неотложку. Настеньку в полуобморочном состоянии на руках внёс в самолёт. Всю дорогу уговаривал маму сразу по приезду надеть себе и Настюше оптимизаторы – они на столе в гостинной. В Москве вызвал скорую к трапу самолёта, а сам на такси помчался в Шереметьево.

В соседней стране шла гражданская война. Правительство, поощряемое НАТО, билось с инсургентами. Тех тоже кто-то поддерживал и поставлял оружие караванами через пустыню.

Этому конвою не повезло – он был обнаружен и атако-

ван с воздуха. Теряя людей и машины, караван рвался на юг. У «вертушек» кончалось горючее. Перед возвращением в базу они сделали последний заход на цель. Но удачный выстрел с земли разнёс «Апача» на куски. На базу вернулся один вертолёт. И целая эскадрилья их поднялась в воздух, рванула в погоню, пылая яростью мщения.

Тем временем, конвой достиг нашей деревни. Бежать дальше по пустыни от крылатых убийц не было смысла. Контрабандисты согнали всех жителей и расставили вокруг машин – живой щит от возможной атаки с воздуха. Где-то там, среди чернокожих, стояла и моя Даша.

Янки не стали вступать в переговоры по поводу заложников. «Апачи» сделали боевой разворот и атаковали деревню, машины и людей всей ракетно-огневой мощью. Потом ещё один заход, ещё один залп, и вертолёты повернули в базу. Они даже не присели на землю, посмотреть на дело рук своих.

Когда я примчался в спалённую деревню, в ней работали санитары столичного хосписа. Солдаты в голубых касках ООН стояли по периметру, охраняя место трагедии.

Теперь-то от кого?

Мне принесли цинковый ящик более похожий на урну, чем на гроб.

– Здесь фрагменты вашей жены.

Фрагменты моей жены, моего не родившегося сына. Господи, неужто на то была воля твоя?!

Мама позвонила:

– Настюше уже лучше, она стала улыбаться. Твои оптимизаторы просто чудо. Ты приедешь?

Люба позвонила:

– Приезжай, милый, вместе переживём горе.

Был звонок от Мирабель:

– Крепись, Алёша. Помни – ты нам нужен.

Билли достал:

– Одень оптимизатор. Одень оптимизатор. Ты с ума сойдёшь. Тебя раздавит горе.

К чёрту! Я опять начал швыряться мобилами.

В Москву прилетел со скорбным ящиком. Дашины останки похоронили рядом с Никушиными. Растёт ряд дорогих мне могил.

Мы стояли кучкой, сбитые в неё единым горем – Надежда Павловна с мужем-полковником, мама в обнимку с Настюшей, и Люба у меня под рукой. Вокруг на приличном расстоянии охрана президента России, а за ней по всему кладбищу – зеваки и папарацци.

– Ты останешься в Москве? – спросила мама.

– Оставайся, милый, – попросила Люба.

Я отмолчался.

Справили тризну.

Два дня лежал пластом в своей комнате московской квартиры, а потом позвонил Патрону и попросил отпуск. Получив «добро», улетел к Мирабель.

Осень в Прибалтике, по моему убеждению, самая чудесная пора. Пусть промозглая сырость, пусть дождь вперемешку со снегом и студёны порывы ветра с моря. Зато как хорошо у камина, когда за окном вся эта белиберда. Потрескивают горящие поленья, янтарное пиво желтеет в бокалах, у ног два огромных мраморных дога, рядом любимая женщина и так задушевна неспешная беседа.

Остаток лета и всю осень гостил у Мирабель. У мамы есть Настюша, у Любы – работа. Мирабель казалась такой же неприкаянной, как и я. Костик подрос и по моей рекомендации учился в специализированном лицее у Костыля на Сахалине – будущий юнга космического флота. Мирабель осталась одна и загрустила. Звонки её стали чаще. Но не она звала к себе – манил голос сирены, поющей в ночи, её удивительный голос. Я приехал и остался.

За пивом у камина и на прогулках по взморью поведал бывшей жене моего отца всю свою сознательную жизнь, рассказал об утратах последних лет. Умолчал только о Билли. Повествование растянулось на четыре месяца. А когда закончилось, наконец-то услышал слова, которые так долго ждал.

– Я люблю тебя, Алёша.

Нет, это было не так. Мирабель сказала:

– Ты приехал потому, что боишься проклятья генерала. Оно, как рок судьбы, идёт по пятам и губит дорогих тебе людей. Ты боишься оставаться с мамой, Любой и, конечно, с дочерью. Приехал убедиться – действительно это так или имела место цепь случайных совпадений. Ну что ж, я люблю тебя, Алёша, и готова принять участие в эксперименте, пусть даже смертельном для меня. Оставайся, сколько захочешь и поезжай, когда уверишься, что ты не опасен для своих близких.

Что сказать? Это действительно так, хотя и в мыслях не позволял себе о том подумать. Умница Мирабель. Чем тебя отблагодарить? Я знал одну её слабость – неистовость в интимных делах. Взял женщину на руки и поднялся в мансарду. Я набросился на неё, как изголодавшийся монах-отшельник, будто не было меж нас близости все эти четыре месяца. Мял и ломал хрупкое тело безжалостными руками. Казалось, вот-вот затрещат её ребрышки, и брызнет кровь. Она стонала под моим напором, но требовала:

– Ещё...! Ещё...!

И, наконец, закричала в экстазе:

– Да...! Да...! Да...!

Мы замерли обессиленные, не разжимая объятий. А наутро проснулись с чувством нерасторжимого родства – приходи беда, мы встретим тебя плечом к плечу и не склоним голов. Нам хорошо было вдвоём в эти дни.

Звонила мама:

– У Настеньки начались занятия в школе, учится она хорошо. Каждое воскресенье ездим на кладбище, кладём цветы на Дашину могилу.

– Не стоит заикливать ребёнка на столь минорных традициях.

– Ты начал давать советы? Это хорошо. Будем надеяться на скорую встречу.

Звонила Люба:

– Ты хотел завести ребёночка. Я готова обсудить эту тему. Приедешь?

– Не сейчас.

Звонил Патрон:

– Ты как? Ну, отдыхай, отдыхай, набирайся сил. Телевизор посматриваешь? За новостями следишь? Оптимизатор берёт мир в оборот – буквально нарасхват. Бронзовый бюст Дарьи Александровны будет установлен перед Дворцом Лиги Наций.

– Бюст – это хорошо.

– Ну, отдыхай, отдыхай....

О чём он? Пепел Клааса стучал в моём сердце, и я жаждал мести. Когда её план сформировался – а это было ещё летом, вскоре после приезда к Мирабель – поведал Билли:

– Хочу уничтожить всё оружие на Земле, распустить армии. Кому неймётся, пусть дерутся кулаками.

– Непростая задача – с наскока не решить. Цивилизации гибли и зарождались в войнах. С античных времён челове-

ство не мыслит себя безоружным: основной инстинкт – природой заложен. Чтобы вытравить его из памяти, сколько поколений надо пережить. Нет времени ждать? А что ты предлагаешь? Разрушить разом все компьютерные схемы милитаризованных государств? Нет, это вряд ли решит задачу, скорее спровоцирует непредсказуемые действия. С такими вещами надо быть осторожным. Ты ведь не хочешь стать зачинщиком мировой термоядерной войны?

– Слушай, ваньку не валяй – не тот случай. Через оптимизатор ты можешь воздействовать на психику любого человека – ну, так воздействуй. Пусть все разом скажут – прощай, оружие!

– Оптимизатор популярен, но, к сожалению, до всеобщего признания ещё далеко.

– Работай, Билли, я подожду. Сколько тебе надо – день, два, месяц, год? Работай – я подожду.

.... Мирабель подхватила насморк. Наверное, переохладилась на ветру, среди дюн разыскивая меня к ужину. На столике перед кроватью обычный набор лекарственных средств. Целуя её на ночь, застегнул на хрупком запястье оптимизатор.

– Что это?

– Подарок. Тот самый прибор, о котором я тебе рассказывал. Не волнуйся, он поможет.

Утром насморка как не бывало.

– Интересная штучка, – Мирабель любовалась серебря-

ным браслетом. – А почему ты сам его не носишь?

– Мне противопоказано.

– Ну, и я не буду, пока ты здесь. Как же готовить обеды, не имея желаний их пробовать?

Я торопил виртуального гения:

– Билли.

– Работаю, Создатель. Девяносто семь процентов земного населения носят оптимизаторы. Мне нужны ещё месяц-другой.

– К чёрту! На всех других, особенно несогласных, надеть наручник силой.

– Ты стал крут – не подозревал.

– Поднимай народ на последний штурм.

Позвонил Патрон:

– Кажется, заварили с тобой кашу. «Адамисты» цветочками были. Ты смотришь новости? Видишь, что в мире творится? Народ забросил работу. Остановились заводы и фабрики, шахты и рудники, школы и ВУЗы. Все поголовно вышли на улицы. Требуют разгона правительств и полиции, разоружения и роспуска армий, отмены границ и законов. Что делать, советник?

– Встать во главе.

И Патрон закатил такую речугу на Генеральной Ассамблее Организации, что искушённые политики рты поразевали. Мой шеф громил все и всяческие устои – в отставку правительства, распустить полиции, разоружить армии. Долой

законы и запреты, долой аппараты насилия. Да здравствует человеческий разум без рас и границ!

Люба позвонила:

– Ты хоть отдаёшь себе отчёт в том, что затеваешь? Надеюсь, последствия предсказуемы и просчитаны. Мне что посоветуешь?

– Яви миру пример.

Через неделю Люба:

– Я отдала на рассмотрение в Думу проект указа о ликвидации Российской Федерации. Предлагается упразднить границы, лишить полномочий все властные структуры, силовые разоружить и распустить. После этого бери нас голыми руками. Вот, Гладышев, до чего страну ты довёл.

– Я рад, любимая, что поняла обстановку так, как она есть. Стоит ли держаться за ирреальную власть?

– Как политик я всё понимаю, но как человек – жалею очень. Мы ведь только-только расправили крылья, стали выходить на передовые позиции. Люди зажили вольготно и весело. Самосознание нации укрепилось – мы русский народ! О, как мне хотелось макнуть дядюшку Сэма носом в ночной горшок, и вдруг такая напасть.

В новостях объявили: Дума приняла закон об упразднении государственной власти Российской Федерации, вернула Президенту, и Люба его подписала. Люди кинулись брататься, будто до этого дня смертным боем бились. Поздравляли друг друга с долгожданной свободой, будто в концлагерях

томились. Пример России оказался заразительным. Мощная волна прокатилась по континентам. Евразия и Африка разом лишились границ. Оптимизатор разрушал языковые барьеры. Все легко и просто понимали друг друга. Снимались с насиженных мест и катили в гости через горы и реки, чтобы убедиться, что и в этих местах живут люди, которые хотят мира и братства.

Я позвонил Любе:

– Куда ты теперь?

– Поеду на Сахалин обучаться ракетному делу.

– Костыль в преемники прочит?

– Нет, но, кажется, там единственное место, где остались нормальные люди – работают.

– Это только кажется, дорогая. Все люди нормальны, просто время такое пришло – рушить старый мир. А в новом все будут трудиться не за страх и доллар, от любви к труду и созиданию. Поверь мне.

– Не узнаю тебя, Гладышев: тихий и согласный был всегда, податливый и вдруг – Потрясатель Вселенной.

– К тому всё шло, и когда-нибудь пришло само собой, возможно, не при нашей жизни, но пепел Клааса стучит в моём сердце, и я не могу больше ждать.

– А я и не подозревала, что была замужем за богом.

– Почему была?

– Но ты ведь не едешь.

– Это временно. Мы ещё будем вместе и родим кучу ма-

леньких ребяташек.

– Две кучи.

Волна демилитаризации катилась по Земле с нарастающей быстротой. Разоружались армии, самораспускались правительства. Разведывательные и военные спутники, покинув привычные орбиты, нырнули в океанские глубины. Не по своей, конечно, воле, да и не по приказу до панического ужаса растерянных перед происходящим хозяев. Билли откорректировал им орбиту в том направлении. Точно также он поступил с самым мощным оружием Пентагона – авианосцами ВМС США. Казалось бы, неприступная, вооружённая до зубов цитадель посреди океана – как её взять безоружным миротворцам? А проще простого. В один день на американские корабли пришёл приказ (автор – Билли): открыть кингстоны, экипажам покинуть борт. И пугало всего мира, оплот милитаризма, пуская пузыри, пошёл ко дну. Бравых моряков и героических морских пехотинцев поднимали с плотов и шлюпок на гражданские суда, цепляли на запястье оптимизаторы и шлёпали по заду: гуляйте, янки, мир настал!

Пришло тревожное сообщение от Билли – меня разыскивает ЦРУ. Ясно, что не к чаю будет приглашение. С первого дня всеземного примирения паучье гнездо в Лэнгли лихорадочно работало, пытаюсь вычислить, откуда дует ветер. Дул он, по мнению его аналитиков, из оптимизаторов. Мой фейс и анкетные данные замелькали на мониторах Разведу-

правы. В принципе, что тут долго гадать: если оптимизатор как-то засветился, останется ли в стороне его изобретатель? Была поставлена задача: мистера Гладышева, помощника Генерального Секретаря ООН, найти и доставить в Лэнгли, в крайнем случае, уничтожить. Вот этот крайний случай меня никак не устраивал, как, впрочем, и визит с мешком на голове в казематы ЦРУ. А за океаном для решения поставленной задачи была создана оперативная группа с аппаратами управления, связи и к ним специальное подразделение из девяти профессиональных агентов (читай – убийц) по захвату меня и препровождению в паучье гнездо или уничтожению. Итак, девять всадников Апокалипсиса устремились по белу свету на поиски Лёшки Гладышева.

– Билли, насколько это опасно?

– Это может быть смертельно опасно, если выйдет из-под контроля, но пока, слава Богу. Американская обстоятельность в этот раз играет с ними злую шутку: все их действия и решения, вся информация у меня на ладони.

– Растут конечности?

– Пока только средние.

Не устою восхищаться удивительным голосом Мирабель. А как она поёт! Пытался аккомпанировать на гитаре, и очень хотелось надеть оптимизатор, чтобы понять, о чём слова её скандинавских песен. У неё шведские корни, но отцом был русский моряк.

– Расскажи о себе, – попросил.

– Мы с мамой жили на Готланде, – поведала Мирабель. – У папы была семья в Петербурге. К нам он заглядывал редко. Мама страдала алкоголизмом. Запирала меня одну дома, и уходила в таверну. Однажды ей стало плохо у стойки бара. Её увезли в больницу, где она скончалась от прогрессирующего туберкулёза. А я, четырёхлетняя, шесть дней просидела одна в холодном запёртом доме без крошки хлеба. Отец разыскал меня в сиротском приюте и тайком, как контрабанду, вывез в Россию на своём судне. Удочерил, приказал своим близким любить меня. Жили небогато, но когда окончила школу с медалью, отец нашёл средства отправить меня на учёбу в Москву. Я поступила в Академию искусств, а в свободное время сама обучала работе кистью и карандашом детишек состоятельных людей. После выпуска работы не нашлось, картины мои не покупали. Скончался отец, и материальная поддержка из Петербурга прекратилась. Я была на грани отчаянья, но тут встретила твоего отца. Он уговорил стать его содержанкой. Снял мне комнату в коммуналке, давал деньги на жизнь, дарил подарки. Когда я забеременела, он страшно испугался, грозился бросить и требовал сделать аборт. Но я отмолчалась и поступила по-своему – родила. Володя не решился меня прогнать, а когда привязался к Костику, заявил, что уйдёт из семьи и женится на мне. Так и сделал однажды.

Мирабель пригубила бокал.

– Твоя мама красивая женщина?

– Очень. Я не понимал тогда отца.

– Теперь понимаешь?

– Я считаю, жизнь выстроила цепь событий, в том числе трагических, только для того, чтобы мы однажды встретились.

– И никогда больше не расставались?

– Этого я обещать не могу, не кривя душой.

– Знать, судьба моя такая – быть содержанкой отца, потом сына. Знаешь, какие сны мне снятся? Я блистаю бриллиантами на светских балах под руку с советником Генерального секретаря Организации Объединённых Наций.

– Думаю, не будет больше светских балов, и секретарей больше не будет, потому что некого станет организовывать. Всё население Земли теперь единая нация.

Мирабель поверила, но не поняла почему. Думала, причина во мне. И ведь не ошиблась.

– Билли, какие новости?

– Ищут тебя, Создатель, лихорадочно и безрезультатно. Время подгоняет: вот-вот захлестнёт народная волна последний оплот милитаризма. На днях президентский кортеж остановили в Далласе, надели хозяину Белого Дома оптимизатор, и тот на потеху толпы замечательно исполнил тарантеллу. Это надо было видеть!

– Пошукай по каналам и сделай для нас повтор вечером. Где ищут меня твои всадники? Не стоит ли убраться отсюда, чтобы не подвергать опасности Мирабель?

– Здесь для тебя самое безопасное место, ведь о его существовании неизвестно никому, даже твоим близким.

– Моим близким? Ты сейчас о чём говоришь? Считаешь, они возьмутся за моих родных, чтоб добраться до меня? Господи, Настенька, мама, Люба – они же в опасности. Надо что-то предпринять и немедленно. Слушай сюда, повелитель Земли. Мы немедленно громогласно открываем место моего пребывания и встречаем врага лицом к лицу.

– Два мраморных дога и пояс айкидо против профессиональных убийц ЦРУ – у тебя никаких шансов, Создатель.

– А ты на что?

Не посоветовавшись с Билли, пошёл в ближайшее селение. Мирабель сказал, что за продуктами. Представился хозяину местной таверны и высказал желание провести в его заведении пресс-конференцию для ТВ и прессы. Толстячок сделал несколько звонков в столицу. К вечеру они нагрянули. Засверкали фотовспышками, затрещали, защёлкали камерами. Посыпались вопросы.

Какими судьбами советник генсека ООН и самый богатый человек планеты оказался в этом захолустье? Какие новые усовершенствования ожидают оптимизатор? Что будет с картой мира в ближайшие годы? Что ожидает ведущие валюты? Каким будет общественное устройство населения после отмены существовавших? И другие....

Я щёлкнул пальцами над головой, привлекая внимание хозяина заведения, и заказал всем присутствующим пива

в литровых глиняных кружках местного колорита.

– Господа, выключите камеры, отложите диктофоны, забудьте на время профессиональные обязанности – потом будем думать, писать, комментировать. Прошу вас выключить мобильные телефоны и снять оптимизаторы. Приглашаю в гости на прощальную вечеринку. Я ухожу от забот мирских и провозглашаю тост за процветание Земли в новом формате – без границ и правительств!

Что говорить! Вечеринка удалась. Пивом, пивом, а так на-трескались, что плясали меж столов и на оных, а потом сдвинули их вместе, сели вокруг, обнялись, пели и покачивались. Латышских песен не знал, но добросовестно вливался в хор, покрикивая:

– Гей-гей-гей! Гей-гей-гей!

Домой меня привезли на джипчике, дотащили до порога, позвонили в дверь. Мирабель удивилась, а мраморные доги избавили сопровождающих от комментариев.

Проснулся без похмельного синдрома. Удивился даже – столько выпито! Но бросил взгляд на запястье, и пришло разочарование. «Мирабель! – хотел было крикнуть. – Что за фокусы?». Но Билли в душу влез.

– Что за фокусы, Создатель?

– Вызываем огонь на себя.

– Я просто зримо вижу, как всадники Апокалипсиса, вздыбив чёрных коней, повернули со всех концов Земли к этому уютному домику. Тебе не страшно?

– Без тебя было бы страшно....

Готовясь к возможной обороне, критически осмотрел наше жилище. Одинокий особняк в ста метрах от моря. Окна первого и второго этажей зарешёчены, входная дверь стальная – это хорошо. Мансарда – стеклянные двери и открытый балкон, но это уже, считай, третий этаж. Впрочем, вдоль южной стены строй платанов вплотную к дому. По ним можно вскарабкаться на крышу, Через конёк перевалил и на балконе мансарды. Уязвимое место. Спилить платаны? Душа не лежит губить красоту. И кто знает, как они (агенты ЦРУ) попытаются к нам проникнуть?

Оружия в доме не было. Из кухни стащил топорик для разделывания мяса, нашёл в подвале доску, нарисовал круг и в тени платанов тренировался в меткости метания томагавка. Да, Чингачгук из меня ещё тот.

Вечером смотрели с Мирабель, как танцует тарантеллу последний президент Соединённых Штатов.

Билли доложил:

– Шестерых уже нет.

– Их убили?

– Ты бы хотел?

– Не то, чтобы сильно.

– Нет. Они сами добровольно надели оптимизаторы и стали под наши знамёна.

– Удачно. Остальные?

– Эти, должно быть, фанаты дела и пойдут до конца.

Но мы их возьмём, как только обозначатся, выйдя на связь. Возьмём и силой окольцуем.

Среди ночи звонок. Билли:

– Беда, Создатель. В Лэнгли взяли штурмом паучье гнездо.

– Кому не спится в ночь глухую?

– Там день в разгаре.

– Штурмом, говоришь? Много жертв?

– Пальбы не было. Вошли, отняли оружие, окольцевали.

– А где беда?

– Связь с агентами прервалась. Я не знаю, где сейчас три всадника, и как их искать.

– Увы, нам. От лица прежних хозяев сигнал нельзя послать?

– Пробовал – не отвечают. Информация о бесславной кончине ЦРУ облетела весь мир, так что....

– Их возможные действия?

– Думаю, как и прежде – пойдут до конца. До твоего конца, Создатель. Это профессионалы и, должно быть, зомбированы на убийство.

– Не продолжай, уже страшно. Что посоветуешь?

– Сейчас все оптимизаторы настроены на сканирование по принципу: свой – чужой. Их распознают, если даже будут муляжи на руках.

– Муляж на руке, пистолет в кармане – печальный конец Бондиады.

– Вам надо где-то отсидеться, подождать, пока эти кильки с револьверами подрумянятся в шпроты. Нужно время.

– Билли, на эту тему мы уже говорили: не застанут меня здесь, кинуться искать у близких. Какой же это огонь на себя?

Лаская Мирабель после близости, спросил:

– Может быть, ты уедешь на время? Здесь становится небезопасно.

– Тебе что-то угрожает?

– В большей степени тебе: я – человек подготовленный.

– Алёша, скажи правду, что может случиться?

– Сюда спешат недобрые люди с плохими намерениями.

– Им что-то надо от тебя.

– Уже нет.

– Они хотят тебя убить?

– И будут пытаться.

– О, господи, что же нам делать?

Вместо ответа привлёк Мирабель к себе и поцеловал макушку, пристроив голову на плече.

– Мне некуда ехать, – она скребла ноготком родимое пятнышко на моей груди. – Во всём белом свете у меня никого нет кроме тебя.

Конечно, она имела в виду защитников – Костик у неё был.

С переходом на осадное положение мраморных догов с вечера выпускали из дома. Находясь на свободе, они могли

беспрепятственно исполнять основную собачью функцию – охранять. В одну из ночей они громко и злобно лаяли сначала возле дома, а потом на взморье в дюнах. Мы с Мирабель не спали, вглядывались в черноту окон, пытаясь понять, что там происходит. Утром собаки заскреблись у дверей, заскулили, требуя привычного завтрака. Мы успокоились, осмотрели дом снаружи, и тогда уже вернулись в круг обычных дневных забот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.